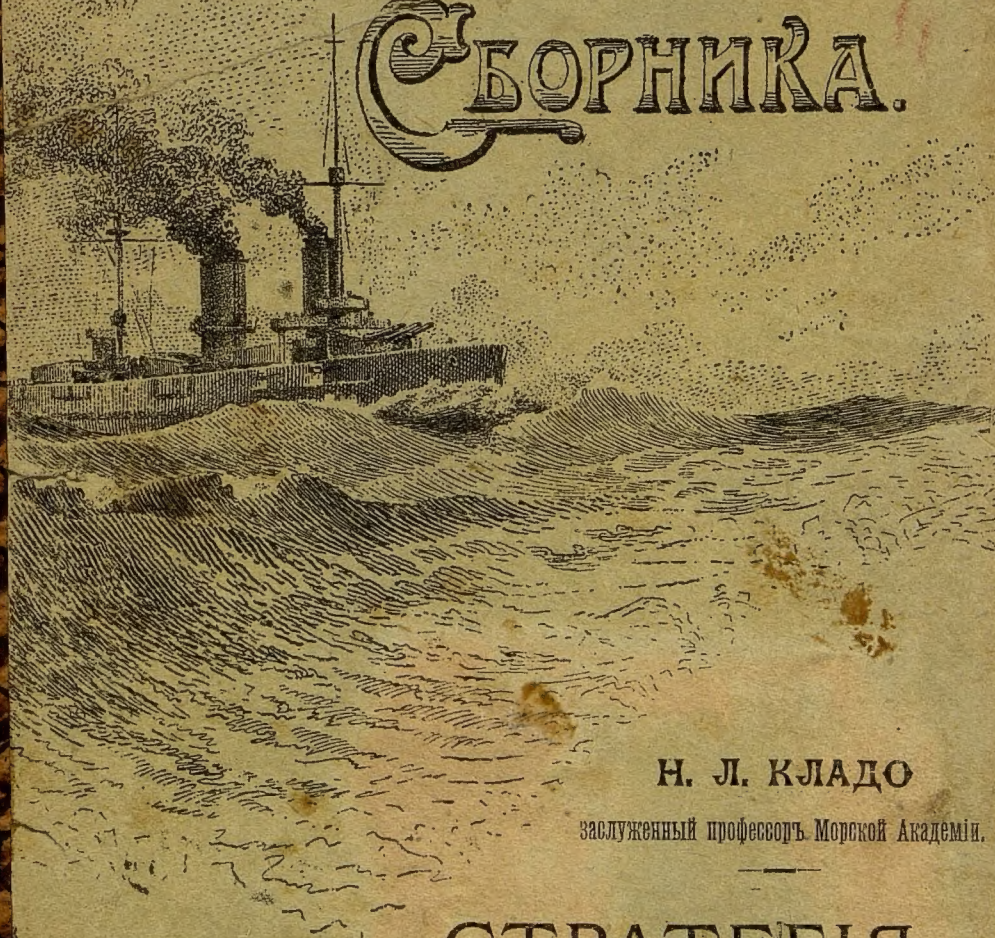

Библиотека 1917 г. Морского Сборника.

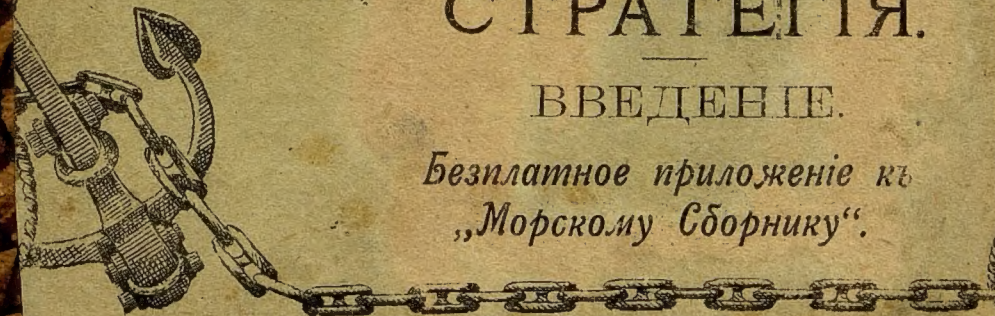
Н. Л. КЛАДО

заслуженный профессор Морской Академіи.

СТРАТЕГІЯ.

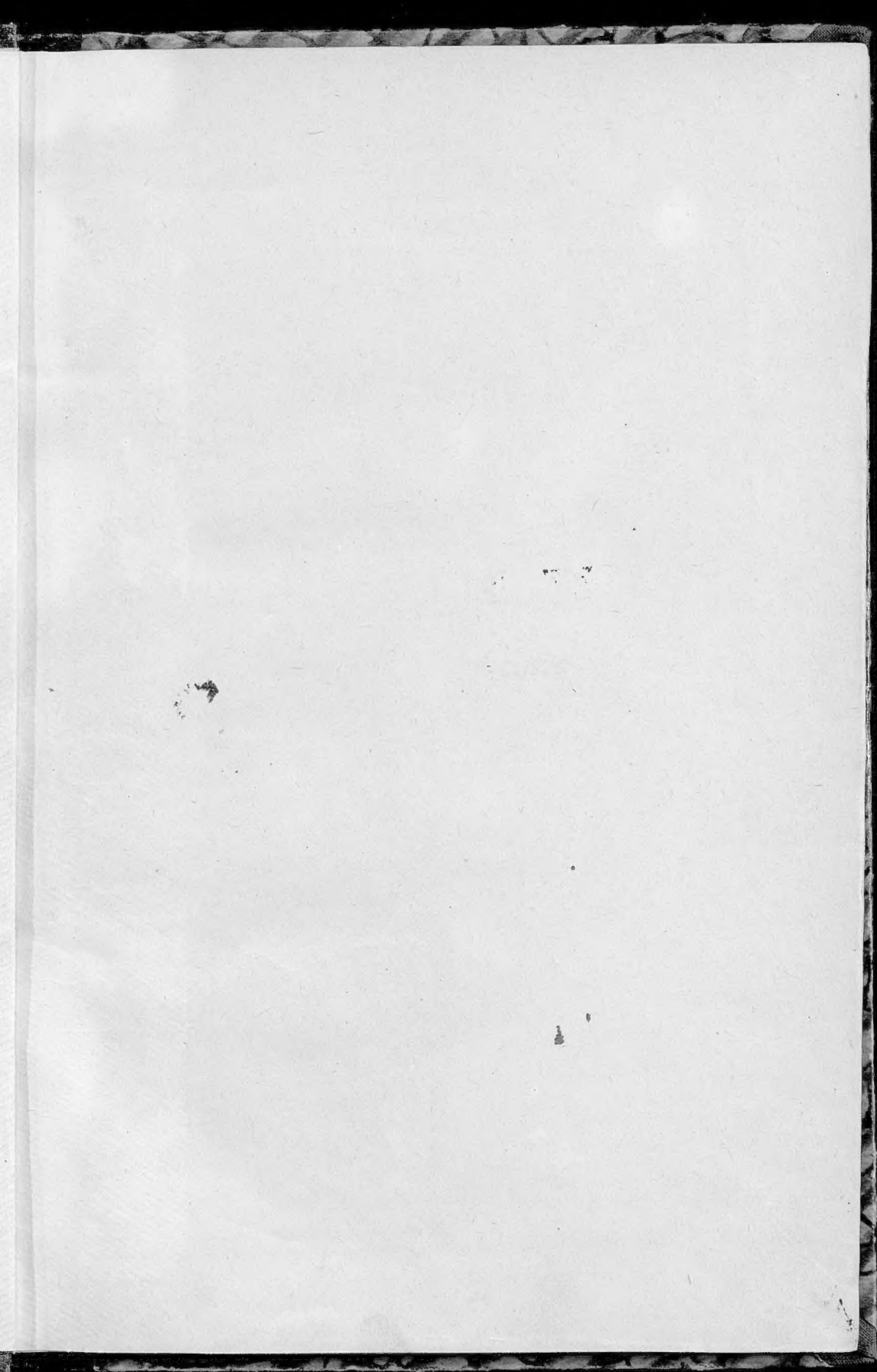
ВВЕДЕНІЕ.

Безплатное приложеніе къ
„Морскому Сборнику“.

113927

2

27887

Библіотека „Морского Сборника“.

№ 5.

Н. Л. КЛАДО

заслуженный профессор Морской Академіи.

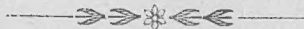
ф 113927.
СТРАТЕГІЯ.

2

ВВЕДЕНІЕ.

Безплатное приложение „Морского Сборника“.

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія Морского Министерства, въ Главномъ Адмиралтействѣ.

1918.

Судебная медицина

№ 3

ОДВАД А. И.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

ОТРАТЕН

ВВЕДЕНИЕ

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

18604

У

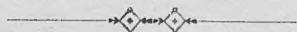
К

Н. Л. Кладо
заслуженный профессор Морской Академіи.

СТРАТЕГІЯ

ВВЕДЕНІЕ.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія Морского Министерства, въ Главномъ Адмиралтействѣ.
1918.

IIAa
K-47

IIAa0

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Глава I. Знаніе и умѣнье.

§§	Стр.
1. Для практической дѣятельности цѣнно только умѣнье	1
2. Умѣнья нѣтъ безъ знанія	1
3. Пути полученія знанія	1
4. Степень знанія	1
5. Область знанія	2
6. Знаніе переходитъ въ умѣнье путемъ опыта	2
7. Сущность умѣнья	2
8. Степень умѣнья	3
9. Область умѣнья	3
10. Характеръ и особенности работы въ области знанія	4
11. Воля въ области знанія	7
12. Отвѣтственность въ области знанія	7
13. Характеръ и особенности работы въ области умѣнья	10
14. Отвѣтственность въ области умѣнья	11
15. Воля въ области умѣнья	13
16. Соотношеніе воли и мышленія въ области умѣнья	13

Глава II. Наука и искусство.

17. Наука	15
18. Искусство	15
19. Наука въ опредѣленіяхъ Вл. Соловьева и Л. Петражицкаго	15
20. Теорія какъ результатъ прежняго опыта.	19
21. Работа теоріи	19
22. Чистая теорія (чистая наука)	20
23. Нормы	21
24. Нормы условны	21
25. Рецептатура	22
26. Прикладная теорія (прикладная наука)	22
27. Теорія ничего не рѣшаетъ и ни въ чемъ не стѣсняетъ творчество.	22
28. Разница въ значеніи словъ: «практическій» и «прикладной»	23
29. Разныя значенія слова «искусство»	23

Глава III. Наука (теорія) и искусство (умѣнье) въ военномъ дѣлѣ.

§§	Стр.
30. Что такое война	24
31. <u>Война какъ продолженіе политики съ оружіемъ въ рукахъ</u>	24
32. Задача военного дѣла	25
33. Раздѣленіе военного дѣла	25
34. Военная наука	25
35. Военное искусство	26
36. Раздѣленіе военной науки	26
37. Задачи чистой военной науки (чистой теоріи военного дѣла)	26
38. Задачи прикладной военной науки (прикладной теоріи военного дѣла)	28
39. Задачи военной науки (чистой и прикладной) вообще	28
40. Задачи военного искусства	29
41. Элементы успѣха въ военномъ искусствѣ	29
42. Значеніе воли въ военномъ искусствѣ	29
43. Вліяніе достоинства военной науки на работу воли въ военномъ искусствѣ	30
44. Военная наука (теорія военного дѣла) ничего не рѣшаетъ въ военномъ искусствѣ	30
45. Военная наука какъ наилучшее средство для созданія единства военного мышленія	30
46. Военная практическая дѣятельность (военное искусство) мало пригодна для созданія единства военного мышленія	31
47. Преимущество военной науки передъ военнымъ искусствомъ въ дѣлѣ созданія единства военной мысли заключается въ <i>открытости</i> ея (прозрачности) для всѣхъ	32

Глава IV. Наука (теорія) и искусство (умѣнье) въ военно-технической и въ спеціально „военной“ сторонѣ военного дѣла.

48. Теорія военного технического умѣнья и теорія военного разума	33
49. Науки военно-техническія и науки спеціально-военныя	34
50. Примѣръ <i>теоріи</i> технического умѣнья (<i>прикладной</i> теоріи техники военного дѣла) и примѣръ <i>техническаго искусства</i>	35
51. Примѣръ <i>теоріи</i> военного умѣнья (<i>прикладной</i> теоріи военного дѣла) и примѣръ <i>военнаго искусства</i>	36
52. Теорія <i>военнаго</i> умѣнья какъ руководительница теоріи <i>техническаго</i> умѣнья	36

Примѣръ послѣдовательнаго прохожденія военного вопроса черезъ рядъ наукъ и искусствъ.

53. <i>Чистая</i> теорія созданія артиллеріи	37
54. <i>Прикладная</i> теорія созданія артиллеріи	37

§§	Стр.
55. <i>Искусство создания артиллерии</i>	37
56. <i>Чистая теория технического умения стрелять</i>	38
57. <i>Прикладная теория технического умения стрелять</i>	38
58. <i>Техническое искусство стрелять</i>	38
59. <i>Чистая теория военного умения стрелять</i>	38
60. <i>Прикладная теория военного умения стрелять</i>	40
61. <i>Военное искусство стрелять</i>	41
62. <i>Образцы неизменных элементов в военном дѣлѣ</i>	41

Глава V. Специально „военный“ отдѣлъ военного дѣла.

63. Специально «военная» наука и искусство	42
64. Раздѣленіе <i>военного искусства</i>	42
65. <i>Военная наука</i>	42
66. «Военный» отдѣлъ военного дѣла	42
67. <i>Военныя науки принадлежатъ къ отдѣлу социальныхъ наукъ</i>	42
68. Сложность предмета <i>военныхъ наукъ</i>	43
69. Для <i>военныхъ наукъ</i> почти недоступенъ опытъ	44
70. Истина особо трудно раскрывается вѣ <i>военныхъ событіяхъ</i>	44
71. Для <i>военныхъ наукъ</i> доступенъ почти исключительно только опытъ <i>прошлаго</i>	44
72. Опасность «диалектики» вѣ <i>военныхъ наукахъ</i>	45
73. Значеніе «научности» и «множественности» методовъ вѣ <i>военныхъ наукахъ</i>	45
74. <i>Военная исторія</i> принадлежитъ къ специально «военному» отдѣлу военного дѣла	46
75. Для примѣненія историческаго метода вѣ « <i>военныхъ</i> » наукахъ военно-историческій матеріалъ долженъ быть специально подготовленъ	46
76. Априорное представленіе о существованіи <i>неизменныхъ элементовъ</i> ведущихъ къ побѣдѣ	47
77. «Принципъ», какъ формулировка <i>неизменныхъ элементовъ</i> побѣды	48
78. <i>Неизменные по сущности (по идѣ)</i> принципы при дѣйствительномъ примѣненіи принимаютъ безконечно разнообразныя формы	49
79. <i>Принципы</i> вѣ чистой и прикладной теоріи и вѣ искусствѣ	51
80. <i>Историческій методъ обоснованія принциповъ</i>	52
81. <i>Исторія военного искусства</i>	54
82. <i>Военная исторія</i> какъ матеріалъ для обоснованія теоріи « <i>военнаго</i> » дѣла	55
83. <i>Практическія задачи военныхъ наукъ</i> (что должна дать <i>военная теорія</i> государству)	57
84. <i>Программа работы военной теоріи (военныхъ наукъ)</i>	57
85. <i>Матеріалъ надъ которымъ работаютъ военныя науки</i>	59
86. Вѣ основаніе <i>военныхъ наукъ</i> кладется гипотеза о <i>неизмѣнности</i> сущности природы человека	60

§§	Стр.
87. Разнообразіе людей—это разнообразіе формъ все той-же сущности	60
88. Составъ физическаго бытія у всѣхъ людей тотъ-же самый	60
89. Составъ духовнаго бытія у всѣхъ людей тотъ-же самый	61
90. Зависимость неизмѣнности руководящихъ плеѣ (принциповъ) военнаго дѣла отъ неизмѣнности физической природы человека	61
91. Эволюція духовной природы человека—это эволюція только формъ неизмѣнной сущности этой природы	62
92. Безъ гипотезы о неизмѣнности духовной природы человека немислимы вообще всѣ социальныя науки	63
93. Представленіе объ эволюціи сущности человеческой природы—это <i>вера</i> , а не <i>знаніе</i>	64
94. Культура не уничтожила ни одной сущности духовной природы человека—она только видоизмѣнила формы проявленія этой сущности	65
95. Сущность—въ проявленіяхъ, а форма проявленій—во вліяніяхъ на нихъ обстановки	66
96. Обоснованно принятая гипотеза должна оправдаться на опытѣ	67
97. Исторія военнаго искусства должна провѣрить гипотезу о неизмѣнности сущности природы человека	67

Глава VI. Предметъ, задачи и работа стратегіи.

98. Предметъ стратегіи	68
99. Задача стратегіи по отношенію къ остальнымъ отдѣламъ <i>военнаго дѣла</i>	69
100. Стратегія руководить остальными отдѣлами <i>военнаго дѣла</i>	71
101. Стратегіей руководить политика	71
102. Раздѣленіе стратегіи	71
103. Задачи стратегіи какъ <i>науки</i>	71
104. Задачи и работа <i>чистой</i> стратегіи (чистой теоріи стратегіи)	72
105. Методы вывода принциповъ въ <i>чистой</i> стратегіи	72
106. <i>Историческій</i> методъ обоснованія принциповъ <i>чистой</i> стратегіи выделяетъ въ особую науку—исторію военнаго искусства	73
107. <i>Чистая</i> стратегія (чистая теорія стратегіи)—это <i>философіи</i> военнаго дѣла	74
108. Что такое «цѣльное» знаніе	75
109. Философія военнаго дѣла—это «цѣльное», «жизненное» знаніе о войнѣ	78
110. Только «цѣльное» знаніе о войнѣ можетъ прочно пройти въ жизнь и создать настоящее «умѣнье»	79
111. Раздѣленіе философіи	79
112. Область «знанія» и область «вѣры»	80
113. Составъ философіи какъ «цѣльнаго» знанія	83
114. Составъ философіи войны какъ «цѣльнаго» знанія	83

§§	Стр.
115. Колебание между пацифизмом и милитаризмом какъ результатъ отсутствія «цѣльнаго» знанія о войнѣ	85
116. Въ какомъ видѣ возможно <i>теперь</i> построение философій войны (чистой теоріи стратегіи)	87
117. Задачи и работа <i>прикладной</i> стратегіи (прикладной теоріи стратегіи)	89
118. Методы разработки <i>нормъ</i> въ прикладной стратегіи	90
119. Прикладная стратегія должна особенно подчеркивать <i>условность</i> предлагаемыхъ ею нормъ	92
120. Роль изученія <i>полныхъ кампаний</i> въ прикладной стратегіи	92
121. Стратегія въ полной мѣрѣ обобщаетъ все военное дѣло	93
122. Военная исторія въ теоріи военного дѣла	94
123. Задачи и работа <i>практической</i> стратегіи (стратегическаго искусства, умѣнья)	94
124. Практическая работа военныхъ искусствъ по выполнению указаній стратегіи-искусства	98
125. Стратегія въ <i>академіи</i>	100

Глава VII. Этика войны. Изученіе природы войны (чистой теоріи стратегіи, логики войны) съ точки зрѣнія этики военной дѣятельности.

126. Человѣкъ <i>сознательно</i> работающій въ области военной дѣятельности <i>не можетъ</i> не ставить себя вопроса о нравственномъ смыслѣ войны	101
127. Если война есть зло лишь <i>относительно</i> , и если она <i>не устранима</i> , она имѣетъ нравственный смыслъ	101
128. Чтобы <i>осуществить</i> нравственный смыслъ войны, надо понимать ея сущность и сущность природы человѣка	102
129. Военная <i>этика</i> требуетъ изученія сущности войны и сущности природы человѣка	103
130. <i>Стремленіе</i> къ изученію <i>чистой</i> военной науки обязательно съ точки зрѣнія <i>военной чести</i>	104
131. <i>Стремленіе</i> къ изученію <i>чистой</i> военной науки обязательно и для <i>военнаго гения</i>	105
132. Обыкновенно <i>враждебность</i> къ военной наукѣ—послѣдствіе ограниченности и невѣжества	106
133. Военная этика осуждаетъ <i>самоуменьше</i> и таланта	106

Глава VIII. Объ эстетикѣ войны.

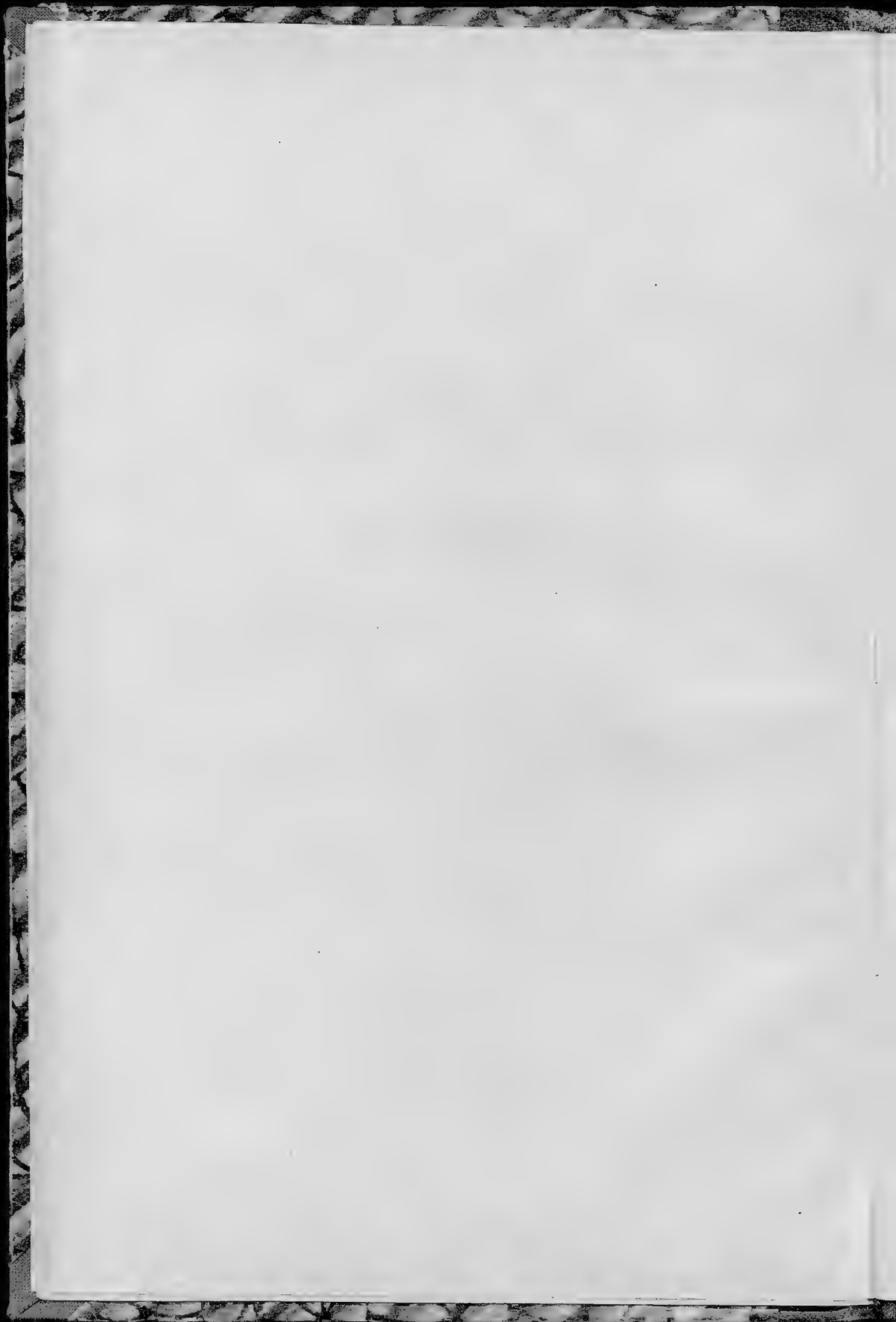
134. Что такое красота	107
135. Чувство красоты какъ средство познанія истины	107
136. Эстетика войны какъ опора логики войны	109
137. Путь отъ красоты къ истинѣ	109
138. Роль искусства въ познаніи истины черезъ красоту	110

§§	Стр.
139. Задача философии войны по использованию искусства	110
140. Периоды войны дают обильный материал для построения эстетики войны	110
141. Во время войны пацифисты постигают ее смысл	111
142. Профессор философии Е. Н. Трубецкой: война—духовное приоб- рѣтѣніе	112
143. Задача эстетики войны—запечатлѣть и сохранить для человѣ- чества смысл войны, постигнутый путем чувства красоты	112
144. П. Н. Милоковъ: война дает возможность народамъ открыть себя въ лучших своих проявленіях	114
145. Мистикъ И. А. Ильинъ: война—духовный подъемъ	115
146. Профессоръ политической экономіи и мистикъ С. Булгаковъ: война это крушеніе засилья «мѣщанства» и идеи «эволюціи»	117
147. Инженеръ Демчинскій: радость сопутствуетъ войнѣ	119
148. Профессоръ международного права А. А. Шленко: въ войнѣ есть что-то божественное	119
149. Профессоръ политической экономіи М. Туганъ-Барановскій: въ бояхъ трагическая красота	119
150. Философъ Бердяевъ: война пробуждаетъ творческое національное сознаніе	120
151. Соціологъ П. Б. Струве: война показала невиданное и неслы- шанное	120
152. Эстетъ Н. Врангель: во время войны жизнь необычайно увле- кательна	120
153. Женщины-писательницы указываютъ на благотѣльные по- слѣдствія войны	121
154. Писатель Л. Андреевъ: надо все направить къ войнѣ и къ побѣдѣ	122
155. Народъ оправдываетъ войну	123
156. Футуризмъ воспѣваетъ войну	123
157. Эстетика войны должна войти въ будущемъ въ составъ общей эстетики	124
158. Различные виды красоты въ явленіяхъ войны	126
159. Война, какъ «Судъ Божій»	126
160. Важность для военной науки, что ощущеніе красоты войны связано съ желаніемъ побѣды	129
161. Эстетика войны можетъ подтвердить гипотезу о неизмѣнности природы человѣка	131
162. Красоту войны люди чувствовали всегда	132
163. «Истина» о войнѣ дается въ «логикѣ» войны. Эстетика войны дѣлаетъ эту истину жизненной	136
164. Эстетика и этика войны безъ «логики» войны — могутъ дать практической дѣятельности ложное направленіе	138
165. Одна изъ причинъ разногласія въ мнѣніяхъ о войнѣ—это обос- нованіе мнѣній одними на знаніи, другими—на вѣрѣ	138

Заслуженный профессор Морской Академіи флота генераль-маіоръ Н. Л. Кладо.

ВВЕДЕНИЕ.

ГЛАВА I.

Знаніе и умѣнье.

Для всякаго дѣла непосредственный практическій смыслъ имѣетъ лишь *умѣнье* дѣлать это дѣло. Въ то время, когда оно *примѣняется*—вопросъ о томъ, какъ создалось это умѣнье—не имѣетъ значенія. Важенъ самый фактъ—*наличіе* умѣнья, и *степень* этого умѣнья. Когда же умѣнье *создается*—очевидно важно, чтобы оно создавалось какъ можно легче и бы-
стрѣе.

1. Для практической дѣятельности цѣнно только умѣнье.

Чтобы *умѣть* что нибудь дѣлать, надо *знать* какъ это дѣ-
лать. Безъ *знанія* умѣнье возникнуть не можетъ.

2. Умѣнья нѣтъ безъ знанія.

Знаніе можетъ явиться различными путями. Можно почерпнуть его изъ собственнаго *разума* — самому изобрѣсти (догадаться); можно знать, *видя* какъ это дѣло дѣлаютъ другіе; можно знать, когда другіе *покажутъ* какъ дѣлать дѣло или даже только *расскажутъ* объ этомъ; наконецъ, можно почерпнуть знаніе изъ *чтенія*.

3. Пути полученія знанія.

Степень знанія будетъ зависѣть отъ того, насколько *обстановка* (*) будетъ благопріятствовать его полученію, отъ размѣра затраченнаго на это полученіе *труда* (воли), и отъ размѣра *разума* (таланта) того, кто добивается знанія. Чѣмъ благопріятнѣе эти данныя, тѣмъ короче *время*, которое необходимо для пріобрѣтенія извѣстной степени знанія, тѣмъ выше та степень знанія, которая можетъ быть пріобрѣтена въ опредѣленный промежутокъ времени.

4. Степень знанія.

(*) Обиліе и совершенство источниковъ знанія, удобство ими пользоваться, время, предоставленное для этого.

Чѣмъ больше разумъ ищущаго знанія приближается къ таланту (*genio*), тѣмъ больше можетъ быть имъ самымъ *усовершенствовано* приобрѣтенное знаніе, тѣмъ больше въ немъ свободного *творчества*.

5. Область
знанія.

Въ области знанія, объективный принципъ (цѣль)—*истина*; субъективная основа (средство) — *мышленіе* (*) (разныя его степени—отъ обыкновеннаго до гениальнаго).

6. Знаніе пе-
реходить въ
умѣнье путемъ
опыта.

Однако, несмотря на то, что умѣнье немислимо безъ знанія, одно только наличіе знанія еще не даетъ умѣнья. Знаніе — это только *основа* умѣнья, первый шагъ къ умѣнью. Второй шагъ къ достиженію умѣнья—это *опытъ*—практика въ приложеніи знанія на дѣлѣ.

7. Сущность
умѣнья.

Обстановка, въ которой приходится прилагать знанія на дѣлѣ, чрезвычайно разнообразна. Сколь-бы ни было узко то или иное знаніе, т. е. сколь-бы ни было оно приноровлено къ той или другой обстановкѣ (въ этомъ случаѣ знаніе выражается въ извѣстномъ правилѣ или *нормѣ*), все-таки эта обстановка будетъ тоже только извѣстный типъ, извѣстная *норма*. На дѣлѣ она непремѣнно будетъ въ чемъ нибудь отступать отъ этого *предвидимаго* типа. Предвидѣть полностью величину и характеръ этого отступленія немислимо, такъ какъ въ числѣ причинъ этихъ отступленій находится и *случай*.

Чѣмъ болѣе *общій* характеръ носить знаніе, т. е. чѣмъ оно шире, тѣмъ, въ практическомъ своемъ примѣненіи, оно охватываетъ болѣе широкую область обстановки, и тѣмъ разнообразнѣе можетъ быть обстановка въ каждомъ частномъ случаѣ примѣненія этого знанія.

Каждое измѣненіе обстановки, очевидно, въ большей или меньшей мѣрѣ видоизмѣняетъ нормальную *форму* (норму) приложенія знанія. А значить сущность умѣнья отнюдь не заключается только въ томъ, чтобы имѣть опытъ въ воспроизведеніи нормальной формы приложенія того или другого знанія, а составляется: 1) — изъ умѣнья правильно *оцѣнить* *обста-*

(*) Вл. Соловьевъ. Полн. собр. соч. т. I. 264 (таблица основныхъ формъ человеческого организма).

новку каждого конкретного случая, въ которомъ приходится прилагать то или другое знаніе, и 2) — изъ умѣнья *найти наилучшую форму примѣненія* этого знанія именно къ *данной комбинаціи обстановки*.

Степень умѣнья, подобно степени знанія (§ 4), зависитъ отъ того, на сколько благоприятна обстановка (*) для практическаго приложенія знанія, отъ размѣра затраченнаго на это *труда* (воли), и объема *разума* (таланта). Чѣмъ благоприятнѣе эти данныя, тѣмъ короче *время*, которое необходимо для пріобрѣтенія извѣстной степени умѣнья, тѣмъ выше та степень умѣнья, которая можетъ быть пріобрѣтена въ опредѣленный промежутокъ времени.

8. Степень
умѣнья.

Опять чѣмъ больше разумъ приближается къ таланту (генію), тѣмъ шире проявляется въ области умѣнья свободное и вдохновенное творчество.

Въ области умѣнья, въ области практической человѣческой дѣятельности, объективный принципъ (цѣль) — общее (или свое) благо; субъективная основа (средство) — воля (характеръ) примѣнить знаніе (истину).

9. Область
умѣнья.

Въ зависимости отъ границъ области той или иной практической дѣятельности, цѣль, которой стремятся достигнуть посредствомъ умѣнья, можетъ быть самая различная. Эта цѣль всегда должна-бы была (въ идеалѣ человѣческой дѣятельности) такъ или иначе быть связана съ *общимъ* благомъ. Но, конечно, на самомъ дѣлѣ, или по непониманію (безсознательно), или и по злой волѣ (сознательно), поставленная для достиженія цѣль можетъ и противорѣчить *общему* благу, и вести лишь къ благу *частному*, которое можетъ и способствовать общему благу и ему противорѣчить.

Ведеть-ли то или иное частное благо къ общему благу или нѣтъ, не подлежитъ нашему разсмотрѣнію — это дѣло нравственной философіи. Намъ только достаточно отмѣтить, что въ идеалѣ оно должно вести къ нему, а на практикѣ можетъ и вести къ нему и ему противорѣчить. Но намъ нужно уста-

(*) Размѣръ предоставленныхъ для практики средствъ, удобство и время пользованія ими.

новить, что въ области практической человѣческой дѣятельности, въ области *умѣнья*, всякое умѣнье непосредственно *даетъ благо* (частное или общее), а неумѣнье непосредственно *приноситъ вредъ*, отнимаетъ благо (частное или общее). Или, иначе говоря—умѣнье непосредственно ведетъ къ *достиженію* поставленной цѣли (ведетъ-ли она лишь къ частному или общему благу,—теперь это безразлично), а неумѣнье—къ *неудачѣ*.

По существу, результатъ въ видѣ блага или вреда, достиженія или неудачи, зависить отъ наличія или отсутствія знанія (истины), такъ какъ на немъ зиждется умѣнье. Не-вѣрное знаніе (отсутствіе истины) даетъ умѣнье несоотвѣтствующее поставленной цѣли (§ 7), т. е. умѣнье не вѣрное, которое не можетъ вести къ ея достиженію, и можетъ вести только къ неудачѣ по отношенію къ этой цѣли.

Но знаніе заключаетъ въ себѣ благо и вредъ, достиженіе и неудачу лишь въ *потенціальномъ* состояніи (въ возможности). Умѣнье-же *осуществляетъ* эту возможность.

Отсюда проистекаетъ огромная разница въ степени *участія* *воли* въ работѣ въ сферѣ знанія и въ сферѣ умѣнья.

10. Характеръ
и особенности
работы въ об-
ласти знанія.

Въ области знанія работаетъ мышленіе. Оно, поставивъ себѣ нѣкоторыя опредѣленные практическія цѣли (*) или

(*) «Чисто теоретическое, отвлеченно-научное знаніе всегда было и будетъ праздною выдумкой, субъективнымъ призракомъ... Наша наука служить Богу или мамонѣ, но кому-нибудь служить для нея неизбѣжно: безусловно самостоятельно быть она не можетъ». Вл. Соловьевъ. Философскія начала цѣльнаго знанія. Полн. собр. соч. т. I. 344—345. О работѣ въ области знанія см. также «Истина и наука» Руд. Штейнера. 1913 г., стр. 51—85.

Такого-же мнѣнія о необходимости всякой наукѣ имѣть опредѣленную цѣль, держатся напр. профессоръ логики Введенскій, и историкъ Ключевскій.

«Каждая наука обязана имѣть либо философское (пригодность служить прямо или косвенно къ улучшенію міровоззрѣнія), либо утилитарное (пригодность прямо или косвенно служить къ улучшенію жизни) значеніе. Наука же, не имѣющая ни того, ни другого значенія, составляетъ своеобразный умственный спортъ, культивируемый нѣкоторыми любителями, которые обладаютъ особеннымъ вкусомъ къ бессмысленной умственной дѣятельности, спортъ не заслуживающій никакого уваженія и никакой поддержки со стороны государства». Введенскій. Логика. 1912 г., стр. 19.

«Цѣна всякаго знанія опредѣляется его связью съ нашими нуждами, стремленіями и поступками, иначе знаніе становится простымъ балластомъ на-

ищетъ истину, указывающую пути для достиженія этой цѣли, либо совершенствуетъ эту истину (углубляетъ и распространяетъ), либо изучаетъ ее готовую и обработанную для воспріятія.

Особенности этой работы:

1) *Все производится и остается въ мысленіи, не переходя въ дѣйствительность*; поэтому нѣтъ ни въ какой стадіи этой работы непосредственного практическаго результата, т. е. нѣтъ въ дѣйствительномъ проявленіи ни удачи ни неудачи, сопровождаемыхъ благомъ или зломъ. Здѣсь образуется (зарождается) только *возможность* этого блага или зла. Всякая замѣченная ошибка можетъ быть исправлена и вообще вся работа можетъ быть передѣлана съ самаго основанія. Опытъ, имѣющій здѣсь мѣсто какъ *средство* изслѣдованія, въ которомъ можетъ имѣть мѣсто дѣйствительно проявившаяся удача или неудача, не нарушаетъ этого положенія, такъ какъ эта удача и неудача происходятъ *раньше* вступленія на практической путь къ достиженію поставленной себѣ цѣли.

Отсюда *спокойствіе* духа, безъ гнетущаго страха за удачу и неудачу, какъ за непосредственный сейчасъ-же проявляющійся результатъ дѣятельности.

2) Работа эта относительно *не стѣснена временемъ*.

«Отысканіе и усовершенствованіе» истины обыкновенно не обусловливается *со стороны* никакимъ временемъ, ибо составляетъ предметъ свободнаго добровольнаго творчества, а на

матри, пригоднымъ для ослабленія житейской качки развѣ только пустому кораблю, который плыветъ безъ настоящаго цѣннаго груза. Какая-же можетъ быть эта практическая цѣль?... Историческое изученіе своими конечными выводами подходитъ вплоть къ практическимъ потребностямъ текущей минуты... Изученіе нашей исторіи можетъ помочь намъ уяснить задачи и направление предстоящей намъ практической дѣятельности». Ключевскій. Курсъ русской исторіи. Изд. 3-е, стр. 38—41. См. еще у Вундта, «Введеніе въ философію», стр. 7—8.

Я привожу эти мнѣнія выдающихся ученыхъ въ различныхъ областяхъ знанія въ виду того, что существуетъ такое мнѣніе, что «разъ наукѣ ставится опредѣленная цѣль, то чистой теоріи въ ней уже нѣтъ», и такое мнѣніе служило основаніемъ многимъ критикамъ утверждать, что военная наука въ моемъ изслѣдованіи не можетъ быть отнесена къ чистой теоріи. Подробнѣе, см. объ этомъ въ моей статьѣ «О теоріи въ военномъ дѣлѣ», § 35. «Морск. Сборн.» 1914 г.

«изученіе», если оно не добровольно, а производится какъ долгъ, обыкновенно отводится опредѣленное время, количество котораго сообразовано съ предметомъ и съ опредѣленной обстановкой изученія.

Въ результатѣ—это работа въ *спокойномъ* состояніи духа, безъ гнетущаго страха за удачу и неудачу отъ текущаго помимо насъ времени.

3) Въ этой работѣ въ значительной мѣрѣ ограничена необходимость *рѣшать*.

«Изученіе» истины исключаетъ всякую надобность что-либо рѣшать. «Отысканіе и усовершенствованіе» истины—это главнымъ образомъ изслѣдованіе, и «рѣшать» приходится только—на чемъ остановиться, какъ на истинномъ, или какъ на ближайшемъ приближеніи къ истинѣ. Рѣшенія эти обусловливаются совершенно опредѣленнымъ и изслѣдованнымъ матеріаломъ, опредѣленно поставленнымъ опытомъ, совершенно опредѣленно представляемой себѣ обстановкой; такимъ образомъ здѣсь не столько «рѣшеніе», сколько необходимый (логическій) «выводъ» изъ всего изслѣдованнаго и предположеннаго (*).

Этотъ «выводъ» дѣлается *спокойно*, съ полнымъ убѣжденіемъ въ его правильности въ той мѣрѣ, въ которой онъ вытекаетъ изъ имѣемаго опредѣленнаго матеріала и предполагаемой опредѣленной обстановки. Это спокойствіе не нарушается возможностью ошибочности вывода при *будущемъ* его примѣненіи на дѣлѣ; эта ошибочность вполне допускается, какъ результатъ неполноты и несоотвѣтствія изученнаго матеріала и предположенной обстановки по сравненію съ той, съ которой пришлось встрѣтиться на дѣлѣ.

Эта возможность не нарушаетъ спокойствія работы, такъ какъ знаніе и не претендуетъ давать указанія для *дѣйствія* во *всякой* встрѣтившейся обстановкѣ. Это имъ самимъ, по сущности дѣла (какъ результатъ того-же изслѣдованія), считается немислимымъ. Знаніе даетъ лишь, въ изслѣдованномъ и

(*) Точно извѣстнаго; что не точно извѣстно въ дѣйствительности, то опредѣленно извѣстно въ видѣ предположеннаго.

сведенномъ въ выводы видѣ, то изъ прежняго опыта (*), что можетъ служить для пріобрѣтенія опыта при настоящемъ положеніи дѣла и для пріобрѣтенія *умнья приспособивать* эти выводы (знанія) и опытъ къ любой обстановкѣ.

Такимъ образомъ знаніе даетъ *все*, что оно можетъ извлечь изъ доступнаго ему матеріала, и *ничѣмъ* не вторгается въ область *умнья*, предоставляя ему полную свободу использовать его указанія по своему усмотрѣнію, отнюдь не навязывая ихъ, какъ подлежащія примѣненію во что-бы то ни стало вообще, и буквально въ частности.

4) Въ сферѣ знанія всякая работа происходитъ въ *одиночествѣ* (**). Ищется-ли истина, совершенствуется-ли она или изучается, каждый работаетъ въ отдѣльности посредствомъ своего мышленія. Результатъ его работы не зависитъ отъ того, насколько удачно или неудачно работаютъ одновременно съ нимъ другіе (***). Его собственная неудача не вліяетъ на результатъ работы другихъ.

Разсмотрѣніе вышеперечисленныхъ особенностей работы въ сферѣ знанія приводитъ къ заключенію, что въ ней огромное, преобладающее значеніе имѣетъ *мышленіе*.

11. Воля въ области знанія.

Воля нужна только въ той мѣрѣ, чтобы заставить мышленіе обратиться къ опредѣленному предмету, заставить его все время помнить о поставленной себѣ практической цѣли, для которой создается или пріобрѣтается знаніе, и заставить его быть дѣятельнымъ (не лѣнивымъ).

Отвѣтственность въ области знанія является лишь въ видѣ отвѣтственности за *добросовѣстность* (****) работы.

12. Отвѣтственность въ области знанія.

Эта добросовѣстность на лицо, если въ предѣлахъ способностей работающаго въ области знанія, въ предѣлахъ доступ-

(*) «Разумъ мыслить возбуждаемый опытомъ». Вл. Соловьевъ. «Оправданіе добра», стр. 21.

(**) Вл. Соловьевъ. Философія начала цѣльнаго знанія. Полн. собр. соч. Т. I, стр. 289.

(***) Это не относится до работъ другихъ, какъ до *матеріала* для изслѣдованія. Но этотъ матеріалъ уже существуетъ, онъ уже сработанъ. Здѣсь же подразумѣвается лишь одновременная, параллельная работа.

(****) Вл. Соловьевъ. Оправданіе добра. Стр. 149—150.

ности для него матеріала, и въ предѣлахъ того времени которое онъ могъ удѣлить на работу, онъ:

1) изучилъ весь доступный ему матеріалъ (использовалъ весь доступный ему *предыдущий опытъ*);

2) обработалъ его наилучшими, съ его точки зрѣнія, которую онъ можетъ обосновать, методами;

3) искренно стремился всѣми доступными ему мѣрами избѣжать пристрастности въ дѣлѣ приближенія къ истинѣ (этотъ пунктъ, по существу, заключается въ предыдущемъ);

4) принявъ всѣ мѣры къ возможному приближенію къ истинѣ, все-таки не считаетъ свои выводы полной и окончательной истиной, и искренно готовъ ихъ измѣнить при новыхъ и усвоенныхъ имъ доказательныхъ указаніяхъ его ошибокъ въ выборѣ матеріала, въ методахъ его обработки и въ безпристрастности сужденій (эти ошибки—это недостатокъ метода);

5) ясно сознаетъ, что никакое знаніе не можетъ быть примѣнено на дѣлѣ въ *чистомъ* своемъ видѣ, что *форма* примѣненія его зависитъ отъ *обстановки*, и что для знанія необходимо предвидѣть всѣ обстановки;

6) на основаніи двухъ предыдущихъ сознаній, не даетъ, а тѣмъ болѣе никому не навязываетъ, какихъ либо готовыхъ *рѣшеній* (рецептовъ) для *формъ* примѣненія знанія для какой либо частной обстановки, и если и вырабатываетъ такіа формы для извѣстныхъ *типовъ* обстановки, то не какъ *рѣшенія* для всѣхъ (или какой нибудь одной изъ нихъ) частныхъ обстановокъ, соответствующихъ этому типу, а лишь какъ *указанія* о связи формы примѣненія совершенно опредѣленныхъ выводовъ знанія съ совершенно опредѣленными элементами обстановки (и только съ ними), опредѣляющими ея типъ, т. е. какъ *указанія* совершенно *условныя*, обусловленные совершенно опредѣленно предугазанными особенностями обстановки;

7) излагаетъ и въ этомъ изложеніи *обосновываетъ* весь ходъ своей работы (знаніе должно быть *прозрачно*) и по выбору матеріала, и по методамъ обработки, и по выводамъ и по предлагаемымъ условнымъ формамъ примѣненія, въ такой

степени подробности и ясности, чтобы каждый, желающий примѣнять это знаніе на дѣлѣ, имѣлъ возможность *самъ* убѣдиться въ его цѣлесообразности съ тѣмъ, чтобы примѣнять его со своимъ *собственнымъ* *убѣжденіемъ* въ его истинности, на которомъ онъ и обосновываетъ возможность взять на себя *отвѣтственность* за ожидаемый результатъ.

Отступленіе отъ этого порядка можно допустить или при *конспективномъ* изложеніи, имѣющемъ лишь учебный временный характеръ, при параллельной разработкѣ вопроса согласно вышеизложеннымъ требованіямъ, или по вопросамъ *окончательно установленнымъ* въ области знанія, по которымъ не существуетъ никакихъ разногласій, и обоснованіе которыхъ уже сдѣлано и доступно всякому желающему провѣрить это обоснованіе.

Такой характеръ отвѣтственности въ области знанія—лишь въ смыслѣ *личной добросовѣстности* (*), при отсутствіи *принужденія* кого либо и къ чему либо, имѣющему тотъ или иной для *другихъ практическій* результатъ, вызываетъ наименьшее напряженіе воли (*рѣшать* надо только въ области своего мышленія и понуждать лишь *себя* къ труду), и дѣлаетъ эту отвѣтственность сравнительно очень легкой.

Эта отвѣтственность не гнететъ. Добросовѣстная ошибка правильно не сознается виной. Результаты работы никому не навязываются, и сами по себѣ не влекутъ за собой ни для кого никакихъ практическихъ результатовъ. Въдѣ они заключаютъ въ себѣ возможность того или другого результата лишь въ потенциальномъ состояніи, и то въ очень неопредѣленномъ, такъ какъ могутъ проявиться лишь съ помощью умѣнья, которое, въ зависимости и отъ своего качества и отъ случая, можетъ и съ правильнымъ знаніемъ потерпѣть неудачу и имѣть успѣхъ и съ ошибочнымъ знаніемъ.

(*) Здѣсь каждый работаетъ въ одиночествѣ, не привлекая къ своей работѣ насильственно другихъ; никто никому ничего не приказываетъ; ничего не заставляетъ дѣлать другихъ, не справляясь съ ихъ убѣжденіями. Здѣсь только излагается и обосновывается свое убѣжденіе и только этимъ воздѣйствуютъ на убѣжденіе другихъ.

13. Характеръ
и особенности
работы въ об-
ласти умѣнья.

Въ области умѣнья все это представляется въ совершенно иномъ видѣ—и характеръ и особенности работы, и въ зависимости отъ этого и роль отвѣтственности и воли.

Въ области умѣнья, также какъ и въ области знанія (§ 10) работаетъ тоже мышленіе. Но, поставивъ себѣ задачей достиженіе нѣкоторой опредѣленной цѣли, оно уже не ищетъ истину, указывающую пути для достиженія этой цѣли—это уже берется готовымъ послѣ соответствующей провѣрки (§ 12, п. 7) изъ знанія, а *примѣняетъ себя* (практикуется) *къ примѣненію* этихъ средствъ въ различной обстановкѣ, и *примѣняетъ ихъ на дѣлѣ* въ той обстановкѣ, которая окажется въ наличіи въ томъ или иномъ конкретномъ случаѣ.

Особенности второй и самой важной части этой работы:

1) все совершается въ дѣйствительности, все имѣетъ немедленный практическій результатъ—удачу или неудачу (§ 9); никакая ошибка не можетъ быть сама по себѣ исправлена, а можетъ быть лишь компенсирована дальнѣйшими дѣйствіями; передѣлано дѣло быть не можетъ безъ ущерба для него, такъ какъ оно дѣлалось въ тотъ моментъ и въ той обстановкѣ, въ которой нужно было его сдѣлать, и возвратить этотъ моментъ и обстановку нельзя; всякая сознательная ошибка можетъ быть лишь зачтена въ активъ *будущаго* умѣнья;

2) время для работы мышленія всегда ограниченное, и всегда можетъ явиться необходимость придти къ тому или другому рѣшенію *миновенно*—иначе вѣрная неудача;

3) здѣсь постоянно надо *рѣшать*; надо рѣшать, что изъ предлагаемаго знанія пригодно къ дѣлу вообще, и къ извѣстной обстановкѣ этого дѣла—въ частности, и *какъ* это выбранное примѣнять; данныя для рѣшенія могутъ быть очень неопредѣленными и неполными (оцѣнка обстановки), и нѣкоторые изъ нихъ могутъ проявляться совершенно внезапно, и уже во время приведенія рѣшенія въ исполненіе могутъ все время появляться новыя данныя и тоже неопредѣленныя и тоже внезапно; между тѣмъ мышленіе должно, на основаніи наличнаго въ его запасахъ знанія, и на основаніи оцѣнки обстановки, дать совершенно опредѣленное и

часто *миновенное* (*) рѣшеніе, вызывающее непосредственный практический результатъ въ видѣ удачи или неудачи;

4) здѣсь мышленіе можетъ работать не только для себя, въ одиночествѣ, но и совмѣстно съ другими, за другихъ и для другихъ, а потому *неудача ведетъ и къ неудачѣ другихъ*, и поскольку достиженіе поставленной цѣли составляетъ благо для другихъ, постольку неудачный выборъ знанія, неудачная оцѣнка или выборъ обстановки, и неудачное примѣненіе выбраннаго знанія къ наличной обстановкѣ—все это приносятъ непосредственный вредъ *другимъ*.

Всѣ эти особенности работы въ области умѣнья ведутъ къ огромной роли въ нихъ чувства отвѣтственности и воли.

Отвѣтственность здѣсь не ограничивается отвѣтственностью за добросовѣстность работы, какъ это имѣетъ мѣсто въ области знанія (§ 12).

14. Отвѣт-
ственность
въ области
умѣнья.

Добросовѣстное знаніе никому себя не навязываетъ (§ 12 п. 6), ничего не *требуетъ*, а только *предлагаетъ* выводы своей работы для свободнаго, добровольнаго имъ пользованія въ области умѣнья, давая всѣ средства (оно *прозрачно*, § 12, п. 7.) для провѣрки правильности этихъ выводовъ. Этѣмъ оно и снимаетъ съ себя дальнѣйшую отвѣтственность, отвѣчая только за добросовѣстность своей работы.

Умѣнье постоянно *требуетъ* (§ 13 п. 3 и 4), и за каждое рѣшеніе несетъ отвѣтственность, такъ какъ за всякимъ рѣшеніемъ идетъ его выполненіе, а за нимъ непосредственно слѣдуетъ и результатъ въ видѣ удачи и неудачи, и въ послѣднемъ случаѣ въ видѣ вреда для дѣла и для другихъ, на сколько эти другіе заинтересованы въ успѣхѣ.

Знаніе можетъ свалить отвѣтственность на умѣнье (на неумѣнье *примѣнить* знаніе), а умѣнью уже свалить эту

(*) Эта возможная *миновенность* рѣшенія характеризуетъ область всякаго умѣнья. Очевидно, что это сплошь и рядомъ имѣетъ мѣсто въ бою, но съ этѣмъ приходится постоянно встрѣчаться и въ обыкновенной обстановкѣ. Когда нужно разѣхаться съ внезапно появившимся изъ за угла экипажемъ, или объѣхать заѣзжавшагося прохожаго, или отвѣтить во время ученаго диспута—умѣнье должно принять *миновенное* рѣшеніе, и мгновенно привести это рѣшеніе въ исполненіе.

отвѣтственность не на кого (*), и *некому*, кромѣ него, эту отвѣтственность нести.

Умѣнье, какъ и знаніе можетъ также ошибаться добросовѣстно, и юридически въ этомъ случаѣ оно освобождается отъ отвѣтственности. Но нравственная отвѣтственность на немъ остается, т. е. вѣрнѣе оно само не можетъ ее съ себя снять, такъ какъ оно могло въ каждомъ данномъ случаѣ поступить иначе, чѣмъ поступило, и тогда не былъ-бы принесенъ вредъ дѣлу и другимъ, а своимъ рѣшеніемъ (свободнымъ въ выборѣ) оно этотъ вредъ принесло.

Между тѣмъ всякое рѣшеніе для умѣнья поставлено въ очень трудныя условія вслѣдствіе постоянно возможной неопредѣленности данныхъ для рѣшенія (§ 13), и ограниченности во времени.

Такимъ образомъ, постоянная отвѣтственность въ области умѣнья *неизбѣжна* и чрезвычайно *тяжела*, такъ какъ это отвѣтственность не за предложеніе, не за *слово* (совѣтъ), могущее быть принятымъ или непринятымъ, а за *дѣйствіе*, которое *вернуть нельзя*, и которое въ той или иной мѣрѣ (въ кругъ своихъ личныхъ потребностей) ведетъ къ непосредственному благу или вреду для *общаго дѣла* и вообще для *другихъ*.

Правильность и цѣлесообразность совѣта, предложенія, указанія можетъ быть провѣрена раньше, чѣмъ сообразно ему дѣйствовать (§ 12 п. 7). Можетъ быть провѣрено и рѣшеніе еще не перешедшее въ дѣйствіе т. е., пока оно остается въ области знанія. Оно открыто, ибо можетъ быть изложено до перехода въ дѣйствіе. Но само дѣйствіе (область умѣнья) и степень умѣнья въ немъ проявляются только въ результатѣ. Проявленіе умѣнья—процессъ внутренній, непроявляемый (онъ *темный* въ противоположность *прозрачному* процессу знанія) пока онъ идетъ, ощутимый лишь какъ тотъ или иной результатъ; это процессъ *безповоротный* въ смыслѣ получившагося результата—блага или вреда.

(*) Нельзя свалить эту отвѣтственность на знаніе, такъ какъ то только предлагаетъ свои выводы, давая полную возможность *убѣдиться* самому въ ихъ правильности—знаніе прозрачно (§ 12, п. 7).

Вотъ эта *безповоротность* результата умѣнья въ видѣ блага или вреда и для себя и въ особенности для другихъ, и *невозможность его проверки другими* во время самого процесса проявленія умѣнья, дѣлаетъ отвѣтственность въ области умѣнья тяжелой и гнетущей вообще, и эта *инетущая* тяжесть можетъ доходить до размѣровъ чрезвычайныхъ.

15. Воля въ области умѣнья.

Вотъ почему всякое *рѣшеніе* (какъ результатъ оцѣнки знанія и оцѣнки обстановки, въ которой надо примѣнить выбранное знаніе) при переходѣ въ *исполненіе*, встрѣчаетъ препятствіе въ чувствѣ отвѣтственности, которое преодолѣть можно только *волей*, которая и играетъ огромную роль въ области умѣнья.

Нужна воля, чтобы заставить себя принять извѣстные выводы знанія, хотя-бы и не было полной увѣренности въ ихъ правильности и цѣлесообразности, и даже являлось-бы болѣе или менѣе значительное въ этомъ сомнѣніе. Нужна воля, чтобы заставить себя все-таки исходить изъ этихъ выводовъ въ своихъ дѣйствіяхъ, разъ дѣйствовать все равно *нужно*, а лучшихъ знаній подъ рукой *нѣтъ*.

Также нужна воля, чтобы при сомнѣніи совсѣмъ отказаться отъ дѣйствія, принявъ на себя отвѣтственность за неизбежный вредъ отъ бездѣйствія, т. е. нужна воля чтобы принять отвѣтственность за рѣшеніе, что вредъ отъ бездѣйствія будетъ меньше, чѣмъ отъ дѣйствія на основаніи хотя-бы и *шаткаго* знанія.

Нужна воля, чтобы при сомнѣніи въ знаніи—а сомнѣніе это въ огромномъ большинствѣ всегда существуетъ въ большей или меньшей мѣрѣ—чтобы *заставить другихъ* дѣйствовать извѣстнымъ образомъ, а также и самому дѣйствовать такъ—*какъ предписываетъ другой*, которому, по обстоятельствамъ дѣла, предоставлено рѣшать.

Сомнѣніе—это результатъ мышленія. А потому извѣстный недостатокъ въ мышленіи, именно въ области умѣнья (практической дѣятельности), можетъ облегчать дѣйствіе волн, и въ руководствѣ другими, и въ исполненіи воли другихъ.

16. Соотношеніе воли и мышленія въ области умѣнья.

Но это не значитъ, что этотъ недостатокъ улучшить и руководство и исполненіе. Это значитъ только, что *чѣмъ выше*

мышленіе, тѣмъ сильнѣе должна быть воля, т. е. что всякое мышленіе можетъ въ области умѣнья проявить всю свою силу *только съ помощью соотвѣтственной силы воли*, но слабую волю сильное мышленіе можетъ парализовать. При отсутствіи воли, сколь угодно сильное мышленіе въ области умѣнья не дастъ ничего, тогда какъ въ области знанія оно можетъ работать превосходно.

Относительный *избытокъ* силы мышленія (по отношенію къ силѣ воли) имѣетъ и положительныя стороны. Если сильное мышленіе яснѣе сознаетъ несовершенство знанія (если оно дѣйствительно шатко), то это сильное мышленіе, вмѣстѣ съ тѣмъ, яснѣе понимаетъ правильность и цѣлесообразность знанія, если оно таково въ дѣйствительности (тѣмъ сильнѣе оно обосновываетъ увѣренность въ немъ), и глубже проникаетъ въ смыслъ имѣемыхъ данныхъ обстановки, если онѣ дѣйствительно этотъ смыслъ имѣютъ, и легче улавливаетъ такія данныя, которыя для слабого мышленія не имѣютъ никакой цѣны.

Значить сколь угодно сильное мышленіе при *дѣйствительно сильной* волѣ можетъ принести только пользу, и значить въ области умѣнья сильная воля въ извѣстной мѣрѣ, въ зависимости отъ дѣла—необходима. И тогда сколь угодно сильное мышленіе только полезно. При слабой-же волѣ такое мышленіе будетъ вредно, такъ какъ приведетъ къ отсутствію и плохихъ и хорошихъ рѣшеній, т. е. къ тому, что дѣло не будетъ сдѣлано ни худо, ни хорошо. А это уже является несомнѣнной неудачей, въ особенности если дѣло носитъ характеръ борьбы съ элементами не только пассивными (напр. постройка дома), но и активными (напр. война или торговля).

ГЛАВА II.

Наука и искусство.

Итакъ, всякое дѣло, преслѣдующее достиженіе опредѣленной цѣли (всякое дѣло дѣлается для чего нибудь, см. выноски на стр. 4), для осуществленія этого достиженія требуетъ знанія и умѣнья.

То что нужно *знать* для этого, приведенное въ извѣстный порядокъ, и обработанное съ цѣлью *убѣдить*, что это знаніе—возможное приближеніе къ истинѣ, т. е. съ цѣлью укрѣпить это знаніе въ человѣческомъ сознаніи—это *наука* объ этомъ дѣлѣ, это его *теорія* (*).

17. Наука.

Умнѣе-же въ дѣйствительности дѣлать это дѣло, обобщенное на знаніи (наукѣ, теоріи), и полученное путемъ опыта въ его приложеніи—это *искусство* въ этомъ дѣлѣ.

18. Искусство.

Философъ Владиміръ Соловьевъ опредѣляетъ науку такъ:

«Наука—въ широкомъ смыслѣ—совокупность всякихъ *сводный* (**), подвергнутыхъ нѣкоторой умственной провѣркѣ или отчету и приведенныхъ въ извѣстныи систематическій порядокъ, начиная отъ теологіи, метафизики, чистой математики и кончая геральдикой, нумизматикой, ученіемъ о копытахъ кавалерійскихъ лошадей».

19. Наука въ опредѣленіи Вл. Соловьева и Петражицкаго.

«Въ болѣе тѣсномъ смыслѣ изъ области науки исключаются, съ одной стороны, всѣ чисто-фактическія и техническія свѣдѣнія и указанія, а съ другой—всѣ чисто умозрительныя построенія, и она опредѣляется какъ *объективно-достоверное и систематическое знаніе о дѣйствительныхъ явленіяхъ со стороны ихъ закономерности или неизмѣннаго порядка*».

«Существенные признаки науки какъ такой, или свойства научности сводятся къ двумъ условіямъ: 1) наибольшей провѣренности или доказательности со стороны содержанія, и 2) наибольшей систематичности со стороны формы».

Профессоръ Петражицкій (***) главнымъ признакомъ научности теоріи выставляетъ ея *адекватность*, т. е. ея сообразованность съ *природой* (сущностью) (****) именно тѣхъ явленій, совокупность которыхъ служитъ предметомъ изслѣдованія теоріи. Онъ требуетъ, чтобы то, что высказывается теоріей (логическія сказуемыя, предикаты вмѣстѣ съ ихъ основаніями) было

(*) Опредѣленіе слова «теорія» см. Вѣремовъ. Словарь иностранныхъ словъ. 1912 г. Радловъ. Философскій словарь. 1913 г. Вл. Соловьевъ. Полн. собр. сочиненій 2-е изд. т. I, стр. 291.

(**) Значить—*знаній*.

(***) Введеніе въ изученіе права и нравственности. Третье изд. 1908 г., стр. 66 и дальше, стр. 101 и дальше.

(****) См. выноски къ § 37.

истинно именно относительно того класса объектовъ, о которомъ оно высказывается (мыслится). И если о какомъ-либо *видѣ* какого-либо *рода* (вещей, явленій, идей), или объ его *подвидѣ* и т. д. высказывается нѣчто такое, что на самомъ дѣлѣ истинно относительно *всего рода* или вообще *болѣе обширнаго* класса, или имѣется налицо обратное несоотвѣтствіе, то это не будутъ адекватныя теоріи въ выставленномъ имъ смыслѣ.

Если теорія изслѣдуетъ и опредѣляетъ тѣ свойства какого-либо класса, которыя на самомъ дѣлѣ являются свойствами *высшаго* (болѣе обширнаго) класса, то такія теоріи Петражицкій называетъ *хромающими*, ибо онѣ напоминаютъ неэстетическіе образы большихъ и громоздкихъ предметовъ, положенныхъ на недостаточныя по размѣру или числу подставки—«подлежащія». Если-же теорія, обратно, изслѣдуя и опредѣляя извѣстныя свойства (вещей, явленій, идей), приписываетъ ихъ болѣе высшему классу, чѣмъ то существуетъ на самомъ дѣлѣ, то такія теоріи Петражицкій называетъ *прыгающими*, ибо въ нихъ «сказуемыя» совершаютъ прыжки черезъ свои естественныя границы въ чуждыя области «подлежащихъ» (*).

(*) Напр. изслѣдуя явленія войны, теорія войны должна изслѣдовать природу человѣка, чтобы опредѣлить—пронстекаетъ-ли война изъ его природы, или она противорѣчитъ его природѣ, и значить для него неестественна, и значить представляеть для человѣчества временное, преходящее явленіе. И вотъ, если при изслѣдованіи человѣческихъ природныхъ свойствъ теорія войны начнетъ разсуждать о такихъ свойствахъ человѣческаго тѣла какъ инерція, вѣсъ, расширяемость отъ тепла и сжимаемость отъ холода и т. п., т. е. о тѣхъ свойствахъ, которыя присущи матеріи вообще (матерія принадлежитъ къ высшему, болѣе общему классу, чѣмъ человѣкъ), то такая теорія будетъ явно «хромающей», а значить не «адекватной», т. е. не научной. Но то-же самое будетъ имѣть мѣсто, если теорія будетъ разсуждать, напр. о природной необходимости человѣка питаться, какъ одной изъ причинъ борьбы (войны), ибо эта необходимость и вытекающая изъ нея борьба — это природное свойство всего «живого», каковое названіе опредѣляетъ болѣе обширный (высшій) классъ чѣмъ названіе «человѣкъ». А потому, чтобы не оказаться «хромающей», военная теорія, если ее интересуетъ природное свойство человѣка необходимости питаться, какъ одна изъ предполагаемыхъ причинъ борьбы, должна подняться классомъ выше и изслѣдовать это свойство у класса «живого», и уже затѣмъ изслѣдовать проявленія и послѣдствія этого общаго для всего «живого» свойства въ комбинаціи со свойствами, прису-

Значить адекватныя теоріи суть такія теоріи, которыя вполне свободны какъ отъ порока хроманія, такъ и отъ по-

нимъ только низшему (менѣе обширному) классу—«человѣку». Эти послѣднія свойства называются «специфическими».

Съ другой стороны, чтобы не оказаться «прыгающей», военная теорія должна остерегаться распространять свои выводы (о «специфическихъ» свойствахъ или признакахъ) за предѣлы естественныхъ (сущихъ) границъ того класса (вещей, явленій, идей), которому присущи эти выводы.

Профессоръ Петражицкій указываетъ, что этотъ порокъ особенно распространенъ въ области общественныхъ и вообще гуманитарныхъ наукъ. Къ нимъ-то и принадлежатъ военныя науки, а потому надо намъ особенно остерегаться, чтобы не впасть въ этотъ порокъ. Напр. въ социологіи существуетъ множество конкурирующихъ теорій, изъ которыхъ каждая возводитъ какой-либо особый факторъ или элементъ человѣческой жизни въ «основу» *всей* общественной жизни и ея исторіи. Одни социологи утверждаютъ, что основой всего въ человѣческой жизни, факторомъ опредѣляющимъ всё прочія явленія (напр. право, нравственность, религію, науку и т. д...) являются условія производства матеріальныхъ благъ, производительныя силы и орудія производства (такъ наз. экономическій матеріализмъ, социологическій марксизмъ); другіе все сводятъ къ подражанію со стороны членовъ общенія болѣе выдающимся и проявляющимъ личное творчество индивидамъ (Тардъ и др.); третьи все сводятъ къ столкновенію и покоренію однихъ племенъ и однихъ общественныхъ группъ другими (Гумиловичъ); четвертые считаютъ рѣшающими борьбу за существованіе и естественный подборъ (социологи-дарвинисты); пятые корень всего видятъ въ свойствахъ расы, шестые—въ физико-географическихъ условіяхъ жизни даннаго общества, и проч., и проч. По мнѣнію Петражицкаго это все «прыгающія» теоріи, и въ этомъ смыслѣ онъ называетъ социологію, въ ея современномъ состояніи, своего рода музеемъ научной патологии, въ видѣ обильной коллекціи разныхъ прыгающихъ теорій.

Такого увлеченія желательно избѣжать. Въ книгѣ I (О насиліи) настоящаго труда проводится мысль, что въ составѣ «природы» человѣка непоколебимо стремленіе къ «насилію». И если-бы тамъ утверждалось, что *вся* дѣятельность человѣчества руководится *только* этимъ стремленіемъ, то такая «теорія» могла-бы оказаться и «прыгающей», ибо для такого утвержденія нѣтъ достаточныхъ основаній. Но что *вся* эта дѣятельность руководится и «насиліемъ», и что по «неизмѣнности» человѣческой природы, что можетъ быть достаточно основательно доказано, при извѣстномъ опредѣленіи слова «неизмѣнность» (см. главу IV, книги первой), это «насиліе» будетъ и впредь въ составѣ импульсовъ управляющихъ *всей* дѣятельностью человѣчества, и такъ было это и всегда—эта теорія, какъ мнѣ кажется, не можетъ быть причислена къ числу «прыгающихъ». Конечно, я могу и ошибаться въ моемъ такомъ представленіи, да оно было бы и простительно. Вѣдь по утверженію профессора Петражицкаго всё существующія общественныя науки страдаютъ этимъ недостаткомъ, а также и «хроманіемъ», хотя конечно масса ученыхъ, работавшихъ надъ этими науками, хотѣли избѣжать этихъ недостатковъ. И если это не удалось имъ, то тѣмъ труднѣе это могло удалиться мнѣ, въ особенности въ столь «юной» наукѣ, какъ «военная».

рока прыганія, т. е. теоріи, въ которыхъ то, что высказывается (мыслится), отнесено не къ слишкомъ узкому, но и не къ слишкомъ широкому, а какъ разъ къ *соответствующему* классу, т. е. къ классу, обнимающему область объективной правильности теоретическаго сказуемаго.

Только адекватныя теоріи и всѣ адекватныя теоріи суть исполнѣ правильныя, совершенныя теоріи: адекватность есть необходимый и достаточный критерій правильности теорій.

Вопросъ о критеріи для сужденія о *правильности* теорій можно выразить нѣсколько иначе. Каждый классъ (вещей, явленій, идей) можетъ имѣть два рода признаковъ (свойствъ). Признаки, общіе всѣмъ членамъ класса, *но не имѣ однимъ*, т. е. признаки свойственные какому-либо болѣе общему, высшему классу: роду, видомъ котораго является данный классъ, надъ-роду и т. д., — называются «родовыми признаками». Признаки-же, спеціально свойственные даннымъ классамъ, отличающіе ихъ отъ всѣхъ другихъ классовъ — называются «видовыми», «специфическими отличіями» (*differentia specifica*). Напр. въ классѣ прямоугольные треугольники — наличность трехъ угловъ — это «родовой» признакъ, а прямоугольность — «специфическій» (видовой). Въ классѣ «прозрачныя жидкости» — жидкое состояніе — не только «родовой» признакъ, т. е. свойственный не только ближайшему высшему роду — всѣмъ «жидкостямъ», но еще и «надъ-родовой» — признакъ матеріальной природы, т. е. принадлежащій еще болѣе обширному классу — физическимъ тѣламъ вообще, въ томъ числѣ и твердымъ и газообразнымъ. «Прозрачность»-же жидкости — это признакъ «видовой» (специфическій). Въ классѣ «бѣлыя круглыя тѣла» признаки: тѣлесная природа, бѣлизна, круглая форма въ отдѣльности, а равно и комбинаціи по два: тѣлесность + бѣлизна (бѣлыя тѣла), тѣлесность + круглая форма (круглыя тѣла) суть «родовые признаки», но комбинація сразу всѣхъ трехъ признаковъ — это «специфическое отличіе» даннаго класса.

И вотъ теоріи, сказуемыя конхъ связаны не съ «родовыми», а съ «видовымъ» признаками, со «специфическими» отличіями теоретическихъ подлежащихъ, не допускають расширенія пу-

темъ отнесенія сказуемыхъ къ болѣе обширнымъ классамъ, ибо въ противномъ случаѣ получились-бы «прыгающія» теоріи. Слѣдовательно эти теоріи свободны и отъ порока «хроманія», и значить онѣ «адекватныя».

«Отсюда видно», заключаетъ профессоръ Петражицкій, «сколь важную роль играютъ специфическія классовыя отличія при научно-методическомъ образованіи теоретическихъ ученій, въ томъ числѣ цѣлыхъ теоретическихъ наукъ о какихъ-либо объектахъ, напр. о правѣ, нравственности, государствѣ и т. д... Специфическія отличія изучаемыхъ классовъ должны представлять *научные базисы* всѣхъ теоретическихъ построеній и тезисовъ; они истинныя *fundamenta theoriae*. *Содержаніе научной теоріи должно состоять изъ изложеній того, что связано логически или причинно со специфическимъ отличіемъ изучаемаго класса, и изъ выясненій и доказательствъ этихъ связей.*

Теорія (наука) имѣетъ задачей служить для созданія искусства (умѣнья), въ смыслѣ указаній наилучшихъ путей для достиженія тѣхъ практическихъ цѣлей (см. выноски на стр. 4), для которыхъ существуетъ искусство въ извѣстномъ дѣлѣ. Это искусство добывается, опираясь на знанія, опытомъ, результаты котораго провѣряютъ цѣлесообразность знанія.

20. Теорія —
результатъ
прежняго
опыта.

Поэтому, очевидно, при разработкѣ всякой теоріи (науки) мышленіе должно изслѣдовать все ему доступное въ области прежняго опыта, сдѣлать его сводку и дать разумную оцѣнку полученнымъ результатамъ, и усовершенствовать приемы достиженія результатовъ съ помощью всей суммы знаній, доступныхъ мышленію и онѣ изслѣдованія этого прежняго опыта.

Такимъ образомъ *теорію* дѣла (явленій) можно опредѣлить какъ *изслѣдованный, сведенный въ систему и обобщенный прежній опытъ* въ области этихъ явленій.

При этой обработкѣ изслѣдованію, очевидно, подлежатъ не конечные результаты опыта сами по себѣ, а:

21. Работа
теоріи.

- 1) тѣ пути (средства), которые привели къ этимъ результатамъ;
- 2) тѣ типы обстановокъ, въ которыхъ эти пути (средства) примѣнялись;

3) тѣ вліянія, которыя оказывали типичныя особенности этихъ обстановокъ, на изслѣдуемые пути (средства), благодаря которымъ эти пути выливались въ извѣстныя типичныя формы, и, наконецъ;

4) сущность природы тѣхъ цѣлей, для достиженія которыхъ разрабатывается теорія искусства ихъ достиженія, и сущность природы человѣка (для овладѣнія имъ искусствомъ только и разрабатывается теорія), и отношеніе этой сущности къ области (къ обстановкѣ) тѣхъ явленій, въ которыхъ эти цѣли достигаются, такъ какъ эти сущности не могутъ такъ или иначе не вліять на пути (средства) достиженія, изслѣдованіе которыхъ и представляетъ изъ себя *главную* практическую задачу теоретическаго изслѣдованія (§ 20) для того, чтобы изъ него могло исходить обученіе искусству (умѣнью).

22. Чистая
теорія (чистая
наука см.
§ 37).

Въ этомъ изслѣдованіи мышленіе прежде всего постарается отмѣтить то, что въ области изслѣдуемыхъ явленій представляетъ ихъ сущность, неизмѣнно имъ принадлежащую по самой ихъ природѣ, а потому *всегда* лежащую въ основѣ явленій, какія-бы формы она ни принимала въ зависимости отъ обстановки, могущей быть безконечно разнообразной.

Выводъ или описаніе и формулировка различныхъ сторонъ частей этой неизмѣнной сущности, и соотношеній между этими частями (сторонами), и законѣрнаго ихъ проявленія, опредѣленіе или описаніе и формулировка тѣхъ *неизмѣнныхъ*, не зависящихъ отъ обстановки, элементовъ сущностей въ области разбѣраемыхъ явленій, которые *всегда* вліютъ на достиженіе тѣхъ цѣлей, которыя ставятся человѣкомъ въ области этихъ явленій, и формулировка законѣрности этого вліянія — это *чистая наука* объ этихъ явленіяхъ, *чистая теорія* этихъ явленій, чистая наука о путяхъ достиженія извѣстныхъ цѣлей, чистая теорія этого достиженія.

Ясное представленіе объ этихъ сущностяхъ, остающихся *все тѣми-же*, и принимающими подъ вліяніемъ различной обстановки лишь различныя формы — представляетъ твердый и необходимый фундаментъ для пріобрѣтенія умѣнья вѣрно понимать и оцѣнивать явленія, какія-бы формы они ни приняли, и, сообразно этому, для пріобрѣтенія умѣнья вѣрно выбрать

ту форму пути достиженія поставленной себѣ цѣли, при которой сущность средствъ наилучшимъ образомъ гармонировала-бы съ сущностью явленія и съ сущностью цѣли.

Такимъ образомъ чистая теорія является драгоценной руководительницей, какъ при приобрѣтеніи искусства (практикой), такъ и при примѣненіи его для достиженія поставленныхъ себѣ цѣлей.

Но теорія (наука) можетъ пойти и дальше. Она можетъ, изслѣдовавъ обстановку, въ которой протекаетъ извѣстный разрядъ явленій, распредѣлить эту, могущую быть безконечно разнообразной, обстановку по извѣстному числу типовъ, опредѣленно формулировать особенности этихъ типовъ, и, опредѣливъ вліяніе именно этихъ особенностей на неизмѣнные элементы средствъ достиженія извѣстныхъ цѣлей, выведенные и формулированные въ чистой теоріи, она можетъ вывести и формулировать совершенно опредѣленные *нормы*, нормальные пути (средства, способы) для достиженія опредѣленныхъ типичныхъ цѣлей въ опредѣленныхъ типичныхъ обстановкахъ.

23. Нормы.

Эти нормы принесутъ огромную пользу, какъ исходныя положенія для приобрѣтенія искусства (при опытномъ ихъ приложеніи), и для принятія рѣшеній, и для приведенія ихъ въ исполненіе при примѣненіи искусства на дѣлѣ (на практикѣ). Но это имѣетъ мѣсто при одномъ только условіи—неизмѣнно помнить, что нормы эти *не безусловны*, какъ выводы чистой теоріи, а условны, а именно, что онѣ вѣрны только для опредѣленныхъ типичныхъ обстановокъ, и лишь въ той мѣрѣ, въ которой онѣ опредѣляются опредѣленно формулированными типичными особенностями этихъ обстановокъ.

24. Нормы —
условны.

Значитъ и для всякихъ конкретныхъ обстановокъ, хотя-бы и принадлежащихъ къ опредѣленному типу, соотвѣтствующія этому типу нормы, не могутъ примѣняться въ чистомъ видѣ, а могутъ быть примѣнены лишь въ формѣ соотвѣтственно видоизмѣненной, согласно съ такими особенностями данной обстановки, которая не исключаютъ ее изъ даннаго типа, и вмѣстѣ съ тѣмъ могутъ быть безконечно разнообразными.

И если забыть объ этой условности, и прилагать нормы въ чистомъ видѣ къ соотвѣтствующимъ имъ типичнымъ обста-

новкамъ, или прилагать ихъ къ обстановкамъ несоотвѣтствующимъ имъ типовъ, то нормы вмѣсто пользы принесутъ только вредъ въ дѣлѣ приобрѣтенія и проявленія искусства.

25. Рецентура. Такое отношеніе къ нормамъ, какъ къ опредѣленнымъ неизмѣннымъ *рецептамъ* — это вредная во всякомъ практическомъ дѣлѣ *рецентура*.

26. Прикладная теорія (прикладная наука см. § 38). Та часть науки (теоріи), которая въ отличіе отъ чистой, изслѣдующей безусловные элементы явленій, изслѣдуетъ *условные* ихъ элементы (типы обстановокъ, нормы рѣшеній, соотвѣтствующія этимъ обстановкамъ и т. п.) — это *прикладная наука, прикладная теорія*. Иначе ее можно опредѣлить какъ теорію приложенія выводовъ чистой теоріи въ области извѣстныхъ явленій къ типичнымъ обстановкамъ, въ которыхъ могутъ протекать различныя явленія въ этой области.

27. Теорія ничего не рѣшаетъ и ни въ чемъ не стѣсняетъ творчества. Прикладная теорія (наука) — это значитъ непосредственная основа для приобрѣтенія искусства (умѣнья) посредствомъ опыта (§ 6). Въ искусствѣ, какъ въ стадіи его приобрѣтенія посредствомъ опыта, такъ и въ области его примѣненія на дѣлѣ, открывается широкое поле для самостоятельнаго творчества, такъ какъ обстановка здѣсь можетъ быть безконечно разнообразной, и положенія теоріи, какъ чистой, такъ и прикладной, если они и приняты творчествомъ къ руководству (они могутъ быть и не приняты творчествомъ, могутъ быть имъ видоизмѣнены или имъ могутъ быть созданы свои исходныя теоретическія положенія), никогда не могутъ быть примѣнены въ чистомъ видѣ, а должны выливаться въ формы, соотвѣтствующія наличной обстановкѣ.

Оцѣнить обстановку и создать соотвѣтствующія ей формы примѣненія теоретическихъ (научныхъ) положеній (взятыхъ изъ разработанныхъ другими науки или созданныхъ самимъ) — это дѣло *свободнаго творчества*, и успѣхъ этого дѣла, какъ было уже указано (§ 15), зависитъ не только отъ степени ума (таланта), а также и отъ воли, наличіе которой абсолютно необходимо, и тѣмъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ больше неопредѣленность въ данныхъ для оцѣнки обстановки и чѣмъ больше отвѣтственность за результатъ. Такимъ образомъ наука (теорія), какъ чистая, такъ и прикладная *ничего не*

рѣшаетъ — она только описываетъ то, что происходитъ въ области тѣхъ или иныхъ явленій, систематизируетъ, изслѣдуетъ и объясняетъ ихъ, и *предлагаетъ условныя рѣшенія* для достиженія опредѣленныхъ цѣлей въ типичныхъ случаяхъ той обстановки, въ которой протекаютъ эти явленія. Все это она предлагаетъ какъ свою *помощь* и *советъ* практическому дѣятелю, ни въ какой мѣрѣ не насилуя его воли, отвѣчая лишь за добросовѣстность при выработкѣ своихъ предложеній, но не за степень ихъ истинности, предоставляя практическому дѣятелю полную свободу, и давая ему всѣ для этого средства чтобы провѣрить ея положенія (теорія *прозрачна* § 12, п. 7), и принять ихъ для примѣненія на его собственные страхъ и вѣру.

Поэтому отъ практическаго дѣятеля требуется постоянное напряженіе воли, и это и дѣлаетъ работу въ извѣстныхъ областяхъ искусства очень тяжелой, и предъявляетъ особыя требованія къ качествамъ работающихъ въ этихъ областяхъ людей.

28. Разница въ значеніи словъ: «практическій» и «прикладной».

То что опредѣлено выше какъ прикладная наука (теорія приложения выводовъ чистой теоріи), въ повседневной жизни и даже въ научной литературѣ довольно часто обозначается иногда терминомъ—*практическая наука*, практическая часть науки. Въ нашемъ изложеніи мы этого дѣлать не будемъ.

Практика.—это процессъ приобрѣтенія *умѣнья* путемъ опыта, и самое проявленіе уже имѣемаго *умѣнья* на дѣлѣ. Поэтому слово «практическій» обозначаетъ принадлежность къ области *умѣнья*, т. е. искусства.

Прикладная-же наука лежитъ въ области *знанія* (см. главу I), и представляетъ изъ себя такое *знаніе*, которое лишь такъ обработано, чтобы непосредственно *прилагать его на практикѣ*, могущее быть приложеннымъ, въ дѣйствительности и прилагаемое. Но *умѣнья* (искусства) его прилагать въ немъ еще нѣтъ. Для этого еще нужна *практика*.

Также и слово «искусство» имѣетъ совершенно другой и вполне законный смыслъ—«художество». Последняго смысла, опредѣляющаго одну изъ сферъ человѣческаго творчества, въ которомъ объективнымъ принципомъ (цѣлью) является *красота*, а субъективной основой (средствомъ)—*чувство*, мы пока не

29. Разныя значенія слова «искусство».

касаемся. Мы беремъ здѣсь слово «искусство» только какъ опредѣляющее извѣстное человѣческое качество—*умѣнье*, соотвѣтствующее слову «искусный», а не слову «художественный», какъ нѣкоторый «творческій процессъ», ведущій къ достиженію определенной цѣли, при чемъ въ этомъ словѣ заключается и *качественное* опредѣленіе этого процесса, какъ «искуснаго» (умѣлаго) т. е. процесса хорошаго качества.

ГЛАВА III.

Наука (теорія) и искусство (умѣнье) въ военномъ дѣлѣ.

30. Что такое война.

Жизненная дѣятельность государствъ проявляется въ двухъ, очень рѣзко между собою разграниченныхъ областяхъ: въ устройствѣ внутренней своей жизни, и во внѣшнихъ сношеніяхъ съ другими государствами, т. е. въ установленіи такихъ отношеній съ ними, при которыхъ могли-бы быть соблюдены общіе съ ними интересы и согласованы интересы съ ними противоположные. По поводу этихъ противоположныхъ интересовъ въ каждый данный моментъ можетъ возникнуть споръ, и если никто изъ спорящихъ не хочетъ или не можетъ уступить, остается одинъ путь рѣшить этотъ споръ—сплою оружія, войной.

Значить война—это одна изъ сторонъ проявленія жизненной дѣятельности государствъ. Состояніе войны характеризуется тѣмъ, что государства рѣшаютъ споръ о согласованіи своихъ противоположныхъ интересовъ, о своихъ правахъ или владѣніяхъ, не путемъ переговоровъ, обосновываемыхъ различными доказательствами юридическаго свойства, подкрѣпляемыми угрозами насилія, а *путемъ осуществленія насилія* посредствомъ своихъ вооруженныхъ силъ.

Внутренняя жизнь государствъ направляется ихъ внутренней политикой, а ихъ отношенія между собою регулируются внѣшней политикой.

31. Война — это продолженіе политики съ оружіемъ въ рукахъ.

Значить, война—это продолженіе внѣшней политики съ оружіемъ въ рукахъ. А значить, веденіе войны связано съ внѣшней политикой, исходитъ изъ нея, и находится отъ нея въ постоянной зависимости.

Въ извѣстныхъ случаяхъ и внутренняя политика можетъ привести къ употребленію оружія, и въ этомъ смыслѣ—бунтъ, возстаніе, ихъ подавленіе и междоусобную войну можно опредѣлить какъ продолженіе съ оружіемъ въ рукахъ внутренней политики, и въ этихъ случаяхъ опять, именно эта политика является верховной руководительницей дѣйствій вооруженныхъ силъ.

Военное дѣло имѣетъ своей задачей опредѣлить, создать и умѣть примѣнять во всякой обстановкѣ войны средства (способы, пути) для побѣды.

32. Задача
военнаго
дѣла.

«Военная наука—наука побѣждать» (Суворовъ) (*).

Зная средства (пути, способы), которые нужны для побѣды, и зная какъ (въ общемъ, а не въ частности) придется ихъ примѣнять въ различныхъ *типичныхъ* случаяхъ для достиженія побѣды, военное дѣло опредѣляетъ,—какъ нужно готовиться къ войнѣ, какъ *создавать* средства для побѣды, и разрабатываетъ умѣнье создавать эти средства.

Для этого военное дѣло *изучаетъ* явленія, происходящія въ области войны, чтобы ихъ *понимать*, и, на основаніи этого пониманія, указываетъ средства и пути для достиженія побѣды, повѣряя свои указанія опытомъ (§ 20) прежнихъ войнъ, какъ единственно ему доступнымъ.

Послѣдующая за выработкой указаній война—это уже то, для чего эти указанія вырабатываются, и она служитъ опытомъ для *будущихъ* войнъ, для которыхъ будутъ выработаны указанія вновь, принявшія во вниманіе и этотъ опытъ. Такая переработка должна происходить непрерывно и во время войны. Въ зависимости отъ длительности войны эта переработка, начавшись въ области практики (см. § 28), можетъ переходить въ область прикладной теоріи, и даже въ область чистой теоріи.

Военное дѣло, какъ и всякое другое, подраздѣляется (гл. II) на *военную науку* (знаніе, теорію) и *военное искусство* (умѣнье).

33. Раздѣленіе
военнаго
дѣла.

Теорія въ военномъ дѣлѣ—это изслѣдованный, обобщенный, и сведенный въ систему опытъ всѣхъ предыдущихъ войнъ, и опытъ эволюціи военнаго дѣла въ мирное время (§ 20),

34. Военная
наука.

(*) См. выноски на стр. 4.

т. е. это есть знаніе о томъ какъ готовится къ войнѣ и какъ ее вести, проверенное опытомъ всѣхъ предыдущихъ войнъ.

35. Военное искусство.

Проверка это знаніе, и принявъ его положенія въ той или иной мѣрѣ (въ зависимости отъ степени его убѣдительности для разныхъ людей), практическіе дѣятели, исходя изъ этихъ положеній вырабатываютъ *умѣнье*, на сколько это допускаетъ обстановка мирнаго времени (отсутствіе реального противника), и примѣняютъ и совершенствуютъ это умѣнье на войнѣ. Въ характерѣ практическихъ дѣятелей необходимо наличие воли (§ 15) тѣмъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ выше отвѣтственность за результатъ, а въ военномъ дѣлѣ эта отвѣтственность можетъ достигать огромныхъ размѣровъ.

Такимъ путемъ создается военное *искусство*.

36. Раздѣленіе военной науки.

Теорія военного искусства, или военная наука, какъ и всякая другая наука, дѣлится на теорію (науку) чистую и на теорію (науку) прикладную.

37. Задачи чистой военной науки (чистой теоріи военного дѣла, § 22).

Первоначальная задача чистой теоріи—исслѣдовать, описать и формулировать *природу* военныхъ явленій. И не только эту природу вообще, но и природу тѣхъ *целей*, къ достиженію которыхъ стремятся на войнѣ, природу примѣняющихся для этого *средствъ*, природу примѣняющихся теорію т. е. природу *людей*, природу той *обстановки*, въ которой происходятъ военныя явленія.

Чѣмъ ближе мы будемъ къ истинѣ не только въ познаніи природы явленій, такъ какъ она воспринимается органами ощущеній, но и въ *пониманіи сущности* (*) природы всѣхъ

(*) *Сущность* (essentia)—обозначаетъ *незримую внутреннюю природу* предмета, въ противоположность его случайнымъ, зависящимъ отъ условій пространства и времени, т. е. признакамъ, составляющимъ его *существованіе* (existentia). Познаніе, образуя понятія, стремится схватить именно *сущность* вещей, ибо именно эта сущность неизменно связана съ вещами, и наиболѣе определеннымъ образомъ отдѣляетъ понятіе объ одномъ предметѣ отъ понятія о другомъ, и такимъ образомъ препятствуетъ смѣшенію понятій. Часто это же значеніе придаютъ и слову «природа», которое имѣетъ двойное значеніе: 1) *сущность вещи*, т. е. нѣчто развивающееся въ ней по собственнымъ внутреннимъ законамъ, и 2) *міръ явленій*, воспринимаемый органами ощущеній. Пониманіе природы (въ смыслѣ сущности) явленій, вещей и идей является необходимымъ для построенія научной теоріи объ этихъ явленіяхъ, вещахъ и идеяхъ (см. § 19).

элементовъ явленій, т. е. въ *пониманіи* и внутренней незримой ихъ природы, того, что развивается въ нихъ по собственнымъ внутреннимъ законамъ, въ пониманіи ихъ требованій, вытекающихъ изъ ихъ *сущности*, тѣмъ, очевидно, легче мы будемъ разбираться въ безконечно разнообразныхъ комбинаціяхъ этихъ требованій, и тѣмъ легче будемъ находить естественный (требующій наименьшей затраты [силъ и времени]), и потому и наивыгоднѣйшій, путь для рѣшенія военныхъ вопросовъ.

Это формулированное познаніе о сущности природы военныхъ явленій, составляя предметъ чистой военной науки (чистой теоріи), и послужитъ основаніемъ для выработки *нормальныхъ рѣшеній* для *типичныхъ комбинацій обстановки*, которыя составятъ предметъ *прикладной теоріи военного дѣла* (прикладной военной науки, § 23—26), а та, въ свою очередь, служить практическимъ военнымъ дѣателямъ, въ той мѣрѣ насколько они найдутъ возможнымъ взять на себя отвѣтственность ее примѣнять, какъ основаніе для пріобрѣтенія и примѣненія на дѣлѣ *военнаго искусства*.

Поэтому, послѣдующая задача чистой теоріи—отмѣтить въ природѣ явленій войны ихъ неизмѣнную *сущность*, то что хотя и проявляется въ различныхъ *формахъ*, но само по себѣ всегда существуетъ и все то-же самое, неизмѣнно присутствующее въ военныхъ явленіяхъ, въ какой-бы обстановкѣ они ни протекали.

Когда эти сущности выявлены и изслѣдованы всѣми доступными для мышленія въ военной области методами, и провѣрены сопоставленіемъ результатовъ этихъ изслѣдованій, чистая военная теорія формулируетъ эти сущности, какъ такія, отношеніе которыхъ къ тѣмъ или другимъ военнымъ цѣлямъ *неизмѣнно*, независимо ни отъ какой обстановки, и значитъ какъ такія, удовлетвореніе требованіямъ которыхъ составляетъ неизмѣнную, независящую ни отъ какой обстановки, часть тѣхъ условій, которыя ведутъ къ успѣху или неуспѣху на войнѣ (см. ниже, §§ 59, 62 и 76—79).

На этомъ кончается роль чистой теоріи.

38. Задачи
прикладной
военной науки
(прикладной
теоріи воен-
наго дѣла,
§ 26).

Прикладная теорія военного дѣла (прикладная военная наука) вновь изслѣдуетъ обстановку, въ которой протекають военныя явленія, но уже не съ цѣлью выявить ея сущности—это дѣло чистой теоріи,—а съ цѣлью расклассифицировать обстановку таковую, какъ она проявляется въ дѣйствительности, по типамъ.

Это работа совсѣмъ другая. Работая надъ выявленіемъ сущностей обстановки, придется ее разлагать на простѣйшіе элементы (напр. элементы времени, мѣста и т. п.), которые въ жизни въ отдѣльности никогда мѣста не имѣютъ, и выявлять сущности этихъ элементовъ въ отдѣльности. Здѣсь-же берутся цѣлыя и сколь угодно сложныя комбинаціи изъ элементовъ обстановки, именно такія какъ онѣ встрѣчаются въ жизни, но раздѣляктся онѣ въ каждой военной области лишь по тѣмъ частнымъ военнымъ цѣлямъ, которыя являются ихъ составною частью, или по географическимъ ихъ элементамъ и т. п.

Таковы напр. подготовка къ войнѣ и веденіе войны, подготовка къ войнѣ вообще и подготовка къ войнѣ съ опредѣленнымъ противникомъ, подготовка матеріальной части и подготовка людей, война на сушѣ и война на морѣ, война въ рѣчной области и въ степи, въ шхерахъ и въ открытомъ морѣ, развѣдка и бой, высадка десанта и блокада, крейсерская война и осада, мобилизація и стратегическое развертываніе и т. п.

Затѣмъ прикладная теорія изслѣдуетъ *формы*, въ которыя выплываютъ сущности различныхъ военныхъ элементовъ, вслѣдствіе вліянія на нихъ и сущностей элементовъ обстановки, которые входятъ во взятую комбинацію, и особенностей этой комбинаціи только ей одной принадлежащей. На основаніи этого изслѣдованія она формулируетъ *нормы* рѣшеній тѣхъ или другихъ военныхъ вопросовъ въ различныхъ типичныхъ обстановкахъ.

39. Задачи
военной науки
(чистой и при-
кладной
вообще).

На этомъ роль теоріи вообще (чистой и прикладной) заканчивается.

Она только изслѣдуетъ и объясняетъ военныя явленія, и предлагаетъ практическому дѣятелю обоснованныя ею указанія о неизмѣнныхъ элементахъ условій, вліяющихъ на успѣхъ достиженія военныхъ цѣлей, и предлагаетъ нормы для рѣше-

нія различныхъ военныхъ вопросовъ въ различныхъ типичныхъ обстановкахъ, рѣзко оговоривъ ихъ условность (§ 24).

Такимъ образомъ *теорія ничего не рѣшаетъ*.

Практическій дѣятель (*) (свободное практическое творчество), принявши (будучи самъ *убѣжденъ* въ цѣлесообразности) выводы и указанія теоріи (чистой и прикладной), *вырабатываетъ опытомъ искусство*, и примѣняетъ его на дѣлѣ для достиженія военныхъ цѣлей, принимая это на свою *полную ответственность* (§ 14). Онъ опредѣляетъ тѣ *формы* въ которыя выливаются указанія теоріи (чужой, ставшей его собственной, или имъ самимъ созданной) подъ вліяніемъ наличной (конкретной) обстановки, которую онъ долженъ умѣть правильно оцѣнить.

40. Задачи
военнаго ис-
кусства.

Успѣхъ будетъ зависѣть:

1) отъ степени его талантливости во всемъ этомъ, т. е. въ вѣрномъ усвоеніи или исправленіи чужой теоріи, или въ созданіи своей собственной теоріи; въ вѣрной оцѣнкѣ обстановки; въ вѣрномъ нахожденіи наилучшей формы примѣненія теоретическаго положенія при наличной обстановкѣ;

41. Элементы
успѣха въ
военномъ ис-
кусствѣ.

2) отъ степени его искусства (умѣнья) все это дѣлать, пріобрѣтеннаго опытомъ; это искусство, которое можетъ быть доведено во многихъ своихъ частяхъ до *инстинктивности* (когда мысль работаетъ мгновенно, такъ что нельзя выдѣлить періодъ ея работы,—какъ мысль управляющая движеніемъ ногъ при ходьбѣ), будетъ дѣятельнымъ помощникомъ талантливости;

3) отъ степени воли, отъ ея способности заставлять рѣшать на какой формѣ примѣненія теоріи остановиться, и рѣшать дѣйствительно ее примѣнить.

Въ особенности наличіе и степень воли важны при возникающихъ сомнѣніяхъ, и въ правотѣ положеній теоріи, и въ правильности оцѣнки данныхъ обстановки. Именно въ военномъ дѣлѣ для этихъ сомнѣній широкое поле, и для кажущихся (не основательныхъ) и для сомнѣній дѣйствительныхъ

42. Значеніе
воли въ воен-
номъ искус-
ствѣ.

(*) Если онъ не принялъ выводы и указанія теоріи разработанной другими, онъ значитъ принялъ какую-то свою имъ самимъ созданную теорію, ибо безъ извѣстной работы мысли не можетъ быть ни рѣшенія ни дѣйствія.

(обоснованных); въ особенности послѣднихъ сомнѣній много въ обстановкѣ военныхъ явленій, въ которой сплошь и рядомъ не хватаетъ данныхъ для непреложной ея оцѣнки, и въ значительной мѣрѣ приходится руководиться вѣроятностями и дополнять ихъ догадками.

Вотъ, чтобы при *такихъ* обстоятельствахъ брать на себя тяжелую отвѣтственность, нужна сильная воля, а одна изъ особенностей военныхъ явленій и заключается въ томъ, что отвѣтственность здѣсь очень тяжела вообще (за ошибочное рѣшеніе и выполненіе расплата идетъ человѣческими жизнями и государственными интересами), и можетъ доходить до такихъ исключительныхъ степеней тяжести, которыя едва-ли и встрѣчаются въ другихъ областяхъ человѣческой дѣятельности, а если и встрѣчаются, то несравненно рѣже (*).

43. Вліяніе достоинства военной науки на работу воли въ военномъ искусствѣ.

Чѣмъ теорія обоснованнѣе, т. е. чѣмъ она ближе къ истинѣ и чѣмъ лучше эта ея близость къ истинѣ *доказана*, откуда проистекаетъ и большая увѣренность въ ней того, кто ее примѣняетъ на дѣлѣ, тѣмъ меньше въ ней сомнѣній. А значитъ *тѣмъ меньше требуется усилій воли* въ принятіи под-сказываемыхъ ею рѣшеній, и тѣмъ самымъ эти усилія въ большей мѣрѣ употребляются на преодоленіе сомнѣній лишь въ обстановкѣ.

44. Военная наука (теорія военного дѣла) ничего не рѣшаетъ въ военномъ искусствѣ.

Итакъ теорія ничего не рѣшаетъ въ области искусства, но является *могучимъ помощникомъ* искусства въ его исключи-тельно тяжелой по самой своей природѣ (тяжко отвѣтственной) практической дѣятельности.

45. Военная наука — наилучшее средство для созданія единства военного мышленія.

Есть у теоріи и еще въ высшей степени важная роль, въ особенности въ области военныхъ явленій.

Одна изъ особенностей этой области — неопредѣленность представленія о паличной обстановкѣ, во-первыхъ вслѣдствіе

(*) Военное дѣло есть дѣло счастливыхъ минутъ, вдохновеній. Опоздай вдохновеніе одной минутой — и дѣло потеряно. Въ другихъ искусствахъ умъ не зависитъ отъ минутъ. Года, десятки лѣтъ мастера трудятся надъ своимъ произведеніемъ и принимаютъ за него лишь въ тѣ минуты, когда чувствуютъ себя вдохновленными. Вдохновеніе никогда опоздать не можетъ, каждая ошибка можетъ быть исправлена.

Лееръ.

ея сложности (напр. хотя-бы по огромному и разбросанному пространству) вообще, и въ частности вслѣдствіе того, что въ составъ ея входитъ давняя воли (дѣйствій) противника, который всѣми мѣрами свои дѣйствія скрываетъ.

Поэтому для успѣха въ военномъ дѣлѣ нельзя обойтись безъ того, чтобы не предоставлять очень широкую инициативу подчиненнымъ дѣятелямъ.

А тогда, чтобы не нарушалась плановѣрность дѣйствій, устанавливаемая руководителемъ, надо чтобы дѣятельность всѣхъ направлялась *одинаково всеми понимаемыми*, одинаково всѣми принимаемыми, какъ ближайшее приближеніе къ истинѣ, положеніями.

Нужно, такъ называемое, *единство военного мышленія*.

Такія положенія можетъ дать только теорія.

Дѣйствительно, всѣ практическія рѣшенія, всякіе практическіе приемы не касаются сущностей элементовъ военныхъ явленій. Они даютъ только *формы* рѣшеній для опредѣленныхъ конкретныхъ случаевъ, столь-же разнообразныя, сколь могутъ быть разнообразны тѣ частныя обстановки, въ которыхъ эти формы оказались пригодными и даже наилучшими.

Этимъ *формамъ* могутъ *подражать*, болѣе или менѣе удачно, присутствовавшіе при ихъ примѣненіи, когда они въ свою очередь окажутся въ подобныхъ-же частныхъ обстановкахъ. Но, очевидно, это нисколько не подвинетъ впередъ дѣло достиженія единства военного мышленія, если этимъ присутствовавшимъ не будутъ раскрыты тѣ сущности дѣла, которыя обосновали эти рѣшенія, и которыя приняли ту или иную форму лишь подъ вліяніемъ известныхъ комбинацій изъ тѣхъ или иныхъ элементовъ обстановки. Только тогда они будутъ примѣнять эти формы сознательно и найдутъ соответствующія формы для примѣненія тѣхъ-же сущностей и въ другихъ обстановкахъ, гдѣ имъ придется рѣшать вопросы по своему собственному разумѣнію, безъ непосредственной указки руководителя.

А если это сдѣлано, то значитъ имъ усвоена та *теорія*, которой руководились тѣ, отъ кого они заимствовали формы рѣшеній. Практическіе дѣятели,—какіе-бы они ни были, дѣй-

46. Военная практическая дѣятельность (военное искусство) мало пригодна для созданія единства военного мышленія.

ствуютъ въ мирное время въ болѣе или менѣе ограниченной опредѣленной сферѣ, гдѣ формы тѣхъ или иныхъ рѣшеній часто повторяются и приобрѣтаютъ характеръ *навыковъ*, и самое это примѣненіе не сопровождается постоянными объясненіями—почему такъ или иначе дѣлается то или другое.

Во-первыхъ это происходитъ такъ потому, что процессъ личнаго творчества (процессъ отъ мысли къ выполнению) протекаетъ *скрытно*, и у каждаго онъ *свой*, и нѣтъ времени для этого объясненія, когда уже нужно дѣлать самое дѣло. Сплошь и рядомъ практическіе дѣятели, и талантливые между ними, дѣйствуютъ совершенно *инстинктивно*, и, дѣйствуя правильно, сами не всегда могутъ вполне ясно и опредѣленно изложить ходъ (процессъ) своего творчества.

На войнѣ практическіе дѣятели выходятъ изъ сферы обычной обстановки. Имъ приходится рѣшать такіе вопросы, которые сколь угодно далеко лежатъ внѣ этой сферы, но число этихъ вопросовъ на каждаго практическаго дѣятеля придется очень ограниченное, и тѣ-же самые вопросы и тѣмъ-же и различными дѣятелямъ придется рѣшать въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ, также ограниченныхъ въ числѣ, обстановкахъ (*).

Такой путь распространенія единства военной мысли—путь до чрезвычайности медленный, неуклюжій, чрезвычайно трудный изъ-за *скрытности* и *индивидуальности* творческаго процесса, и собственно и не могущій, особенно въ современной обстановкѣ, привести къ какому-либо успѣху.

47. Преимущество военной науки передъ военнымъ искусствомъ въ дѣлѣ созданія единства военной мысли заключается въ открытости ея (прозрачности) для всѣхъ.

(*) Извѣстный полководецъ Эрцгерцогъ Карлъ, самый даровитый изъ противниковъ Наполеона, послѣ 20-ти лѣтняго періода большихъ войнъ, въ которыхъ онъ принималъ самое дѣятельное участіе, писалъ: «Полководца создаютъ *научныя* занятія и научнымъ путемъ приобрѣтенный опытъ, но не одинъ лишь *собственный* опытъ. Какъ обильна событіями должна была-бы быть человѣческая жизнь для того, чтобы могъ быть приобрѣтенъ этотъ опытъ? И кто имѣлъ возможность упражняться въ трудномъ искусствѣ быть полководцемъ до полученія этого высокаго поста? Обогащеніе своихъ знаній достигается преимущественно изученіемъ *чужого* опыта, познаваніемъ и опѣнкой прежнихъ изслѣдованій, и сравненіемъ славнѣйшихъ военныхъ дѣяній и ихъ результатовъ изъ военной исторіи». Штенцель. Исторія войны на морѣ въ ея важнѣйшихъ проявленіяхъ съ точки зрѣнія морской тактики. Т. I, стр. 82.

А этотъ *чужой* опытъ, изслѣдованный, приведенный въ систему и формулированный, и представляетъ изъ себя то, что мы называли военной наукой, или теоріей въ военномъ дѣлѣ (§ 34).

Такъ, въ извѣстной мѣрѣ, можетъ создаваться единство военнаго мышленія лишь въ небольшой группѣ людей, путемъ постоянной совмѣстной боевой практики, т. е. при наличіи частыхъ и продолжительныхъ войнъ, при болѣе или менѣе простомъ военномъ искусствѣ, и только въ низшихъ его проявленіяхъ. Это путь единства мышленія въ *военномъ ремеслѣ*, болѣе или менѣе бывшій доступнымъ прежде, и все-таки дававшій, и при подходящей для этого обстановкѣ, результаты очень сомнительные, пока на помощь къ нему не приходила теорія, всѣмъ одинаково *доступная*, вся *открытая* (§ 12, п. 7) въ своемъ процессѣ созданія выводовъ, которую всякій можетъ *проверить* и принять ее свободно, какъ свое собственное убѣжденіе.

Именно вотъ благодаря этимъ своимъ качествамъ только теорія и можетъ дать серіозный результатъ въ дѣлѣ созданія единства военнаго мышленія.

Военные практическіе геніи и таланты (геніальные и талантливые флотоводцы и полководцы) создавали свои школы (т. е. кружокъ единомыслящихъ), но школы эти захватывали массу лишь тогда, когда эти геніи и таланты сами, — а это случалось обыкновенно рѣдко, и понятно почему, — или другіе подвергали даваемые ими образцы искусства тщательному анализу и на этомъ изслѣдованіи строили теорію (*).

«Высшая задача теоріи указать — почему геній дѣйствовалъ такъ, а не иначе» (Клаузевицъ). Вотъ почему для военнаго дѣла огромное значеніе имѣетъ талантливо разработанная и доказательно и ясно изложенная (послѣднее необходимо для созданія единства военной мысли) теорія.

ГЛАВА IV.

Наука (теорія) и искусство (умѣнье) въ военно-технической и въ спеціально «военной» сторонахъ военнаго дѣла.

Теорія военнаго дѣла (военная наука) прежде всего подраздѣляется на два крупныхъ отдѣла — на теорію *техническаго* созданія и *технической* подготовки матеріальныхъ средствъ.

48. Теорія
военнаго тех-
ническаго
умѣнья и тео-
рія военнаго
разума.

(*) Подробнѣе см. мои «Этюды по стратегіи». Вып. I, эт. II, стр. 35, § 7.

войны, короче—на теорію *военной техники*, и на теорію разумнаго *использованія этой техники* (*) и *самого человека* (**) на войнѣ.

Въ эту послѣднюю теорію, изъ изслѣдованія о томъ, что можетъ быть разумно примѣнено на войнѣ изъ того, что можетъ дать техника, и о томъ—какія возможности человѣческой природы и въ какомъ видѣ и качествѣ должны имѣться на лицо для этого разумнаго использованія, будутъ входить изслѣдованія вопросовъ о выборѣ соотвѣтственной техники и о соотвѣтственной подготовкѣ человѣка, и о постановкѣ требованій къ техникѣ, т. е. о руководствѣ ея дѣятельностью. Все это не можетъ разсматриваться иначе, какъ въ связи съ природой явленій войны, какъ съ извѣстной отраслью человѣческой дѣятельности (вооруженной борьбы людей), тоже неизмѣнно связанной съ природой самого человѣка.

Такимъ образомъ, если первый отдѣлъ теоріи военнаго дѣла можно кратко опредѣлить какъ *теорію военной техники*, какъ теорію военнаго техническаго умѣнья, второй отдѣлъ можно опредѣлить какъ *теорію военнаго разума* (военной познавательной дѣятельности человѣка), какъ теорію умѣнья военнаго руководства и поведенія.

49. Науки
военно-техни-
ческія и науки
спеціально
военныя.

Науки, относящіяся къ первому отдѣлу, можно опредѣлить какъ науки военно-техническія, а науки, относящіяся ко второму отдѣлу, какъ науки спеціально-военныя. Характерное отличіе вторыхъ — въ томъ, что онѣ изучаютъ *войну*, т. е. вѣрнѣе — *человѣка на войнѣ*, такъ какъ все, что нужно для того, чтобы побѣдить имѣетъ смыслъ только какъ средства сломить человѣческую волю. Когда эта воля сломлена, человекъ побѣжденъ, такъ какъ онъ подчиняется требованіямъ противника и война прекращается.

Изъ этого изученія выясняются требованія къ матеріальнымъ средствамъ борьбы. Эти требованія передаются военно-техническимъ наукамъ, а эти науки, исходя изъ вышеуказанныхъ требованій, создаютъ матеріальныя средства и выра-

(*) Всего того, что она *можетъ* дать.

(**) Всѣхъ заложенныхъ въ немъ и приобретаемыхъ имъ возможностей.

батываютъ приемы технического или управленія, руководствуясь всѣмъ тѣмъ, что научное знаніе даетъ для технической промышленности, обслуживающей мирныя потребности человѣка.

Затѣмъ, въ наукахъ спеціально военныхъ, *закономѣрность* (*) опредѣляется сущностью войны какъ особаго явленія и проявленіями человѣческой природы именно на войнѣ. Въ наукахъ-же военно-техническихъ эта закономірность опредѣляется сущностями природы, изъ которой человѣкъ извлекаетъ технические средства, и проявленіями природы человѣка въ области технической промышленности и технического управленія ея произведеніями. Короче, въ спеціально-военныхъ наукахъ—все исходитъ изъ *спеціальныхъ* положеній войны, а въ наукахъ военно-техническихъ изъ *общихъ* научныхъ положеній.

Напр. военная наука опредѣляетъ, что *война требуетъ* приспособленія, посредствомъ котораго можно-бы было убивать людей на разстояніи. За осуществленіемъ такого приспособленія она обращается къ технике, соображая свои требованія къ ней съ той обстановкой, въ которой придется примѣнять эти приспособленія на войнѣ (**), и съ тѣмъ, что можетъ техника дать по состоянію въ соотвѣствующихъ ея отрасляхъ человѣческаго знанія и умѣнья.

Въ отвѣтъ на это техника создаетъ пращу, лукъ, катапульту, ружье, пушку и вырабатываетъ *техническіе приемы* ихъ примѣненія,—напр. для катапульты и пушки—какъ ихъ заряжать, наводить и вообще какъ изъ нихъ стрѣлять быстро и мѣтко—*когда указана цѣль*.

Такимъ образомъ создается *техническое умѣнье* дѣйствовать катапультию и пушкой.

Все въ этомъ техническомъ умѣньѣ, т. е. напр., въ умѣньѣ построить пушку со всѣми необходимыми приспособленіями, чтобы изъ нея стрѣлять и попадать, и въ самомъ *умѣньѣ* стрѣлять и попадать, обосновано на знаніи и умѣньѣ въ

(*) См. стр. 15, опредѣленіе науки въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.

(**) Разстояніе, крѣпость и устройство защитныхъ приспособленій, моральное состояніе тѣхъ, кто будетъ примѣнять требуемое приспособленіе и того, кто будетъ подвергаться его дѣйствию и т. п.

50. Примѣръ теоріи «техническаго» умѣнья и примѣръ «техническаго» искусства.

области производства изъ стали, на цѣломъ рядѣ подсобныхъ познаній въ области математическихъ и естественныхъ наукъ, и на познаніяхъ и умѣньѣ обучать людей техническому примѣненію различныхъ техническихъ приспособленій.

Это все то-же самое (т. е. изъ той-же области), что нужно и для того, чтобы построить молотилку, корабль или локомотивъ, и выучить человѣка управлять молотилкой, кораблемъ и локомотивомъ. Все это лишь *технически* подготовлено для достиженія *военныхъ цѣлей*, все это лишь различные *средства* для ихъ достиженія.

51. Примѣръ теоріи «военнаго» умѣнья (прикладной теоріи военнаго дѣла) и примѣръ «военнаго» искусства.

Теорія этого достиженія — это уже область спеціальной *военной науки*.

Въ данномъ случаѣ, въ артиллеріи, это будетъ *теорія умѣнья выбирать цѣль*—куда и какой силы направлять огонь, *теорія умѣнья* какъ поддержать и усилить мѣткость этого огня путемъ сохраненія хладнокровія (поддержанія свойства духа) стрѣляющихъ въ страшной обстановкѣ боя, чтобы какъ можно меньше эта обстановка вліяла на ослабленіе имѣющагося уже у нихъ технического умѣнья. Вотъ эта теорія ляжетъ въ основу спеціально *военнаго* умѣнья въ области артиллеріи, основаннаго на требованіяхъ только войны, а не на требованіяхъ общихъ научныхъ положеній, на основаніи которыхъ построена пушка, и человѣкъ выученъ попадать изъ нея въ указанную цѣль въ обстановкѣ безопасности для его жизни.

52. Теорія «военнаго» умѣнья руководить теоріей «техническаго» умѣнья.

Изъ изслѣдованій того, насколько *на дѣлѣ*, въ цѣломъ рядѣ случаевъ, эта техническая подготовка (сама пушка и умѣнье попадать въ цѣль) соответствовала наилучшему достиженію *военныхъ цѣлей*, т. е. изслѣдовавъ результаты и выводы *военнаго* умѣнья въ использованіи пушки, *военная теорія* этого использованія предъявить новыя требованія къ военной *техникѣ* (въ данномъ случаѣ къ артиллерійской *техникѣ*). Техника-же съ своей стороны видоизмѣнитъ въ доступныхъ ей предѣлахъ, и техническое артиллерійское производство и техническое артиллерійское умѣнье стрѣлять, и используетъ все наличіе относящихся къ этому вопросу *человѣческихъ познаній*, чтобы удовлетворить требованія, поставленныя теоріей *военнаго* использованія артиллеріи.

*Примѣръ послѣдовательнаго прохожденія военного вопроса
черезъ рядъ наукъ и искусствъ.*

Итакъ, рѣшеніе ряда вопросовъ, связанныхъ съ постройкой и использованием пушки, пройдетъ черезъ нижеслѣдующій рядъ теорій (наукъ) и искусствъ военно-техническихъ и чисто (спеціально) военныхъ, имѣющихъ одну общую опредѣленную цѣль — удовлетворить требованіямъ, предъявляемымъ пушкѣ боемъ:

1) *Чистая теорія постройки пушки*—самостоятельное или заимствованное изъ другихъ наукъ изслѣдованіе свойствъ металловъ и взрывчатыхъ веществъ, выборъ пригодныхъ для пушки, спеціальное изслѣдованіе ихъ свойствъ, эволюцій этихъ свойствъ отъ различныхъ физическихъ и химическихъ процессовъ, съ выдѣленіемъ тѣхъ процессовъ, которые приближаютъ металлы или комбинаціи изъ металловъ и взрывчатыхъ вещества къ требованіямъ, вытекающихъ изъ тѣхъ, которыя поставлены боемъ; изслѣдованіе методовъ выработки формъ пушки и ея приспособленій, наилучшимъ образомъ удовлетворяющихъ требованіямъ боя.

53. Чистая теорія созданія артиллеріи.

2) *Прикладная теорія постройки пушки*—описаніе примѣненія методовъ выработки формъ (*типичные приемы*) къ созданію опредѣленныхъ *типичныхъ формъ пушки* и ея приспособленій, требуемыхъ боемъ; описаніе (*) *типовъ* всѣхъ средствъ производства (печей, станковъ, процессовъ работы съ ними и т. п.), и описаніе *нормъ* примѣненія (*типичные приемы*) всѣхъ этихъ средствъ для воспроизведенія типичныхъ формъ пушки и ея приспособленій.

54. Прикладная теорія созданія артиллеріи.

3) *Искусство* наилучшимъ образомъ *воспроизвести въ действительности* все указанное въ прикладной теоріи и использовать при этомъ указанія (знаніе) чистой теоріи.

55. Искусство созданія артиллеріи.

Въ результатѣ этихъ *техническихъ* теорій—чистой и прикладной и этого *техническаго искусства*, явятся различные

(*) Созданіе средствъ производства, въ свою очередь, имѣетъ свои чистую и прикладную теорію и искусство, и такимъ путемъ мы послѣдовательно придемъ къ теоріи искусства выработки первоначальныхъ матеріаловъ, т. е. металловъ, кирпича, камня, дерева и т. п., но это уже не будетъ *военная техника*.

типы пушекъ съ соотвѣтствующими приспособленіями, соотвѣтствующія боевымъ требованіямъ, въ мѣрѣ возможностей техники и талантливости разрабатывавшихъ и примѣнявшихъ эти техническія теоріи.

56. Чистая теорія «техническаго» умѣнья стрѣлять.

4) *Чистая теорія* стрѣльбы—баллистика и теорія вѣроятностей попаданія, разработанныя въ направленіяхъ, вытекающихъ изъ *боевыхъ* требованій.

57. Прикладная теорія «техническаго» умѣнья стрѣлять.

5) *Прикладная теорія* стрѣльбы — описаніе приѣмовъ стрѣльбы способствующихъ попаданію въ различныхъ *типичныхъ* обстановкахъ (приемы наводки, производства выстрѣловъ и т. п. днемъ, ночью, цѣль неподвижна, подвижна, платформа неподвижна, подвижна, море, суша и т. п...); *нормы* системъ примѣненія этихъ приѣмовъ для того, чтобы люди могли ихъ усвоить и достигнуть способности *инстинктивно* примѣнять ихъ; раздѣленіе стрѣльбы на *типы* — одиночная, массовая въ различныхъ комбинаціяхъ, нормы ихъ организациі въ различныхъ типичныхъ обстановкахъ и т. п.

58. «Техническое» искусство стрѣлять.

6) *Искусство* наилучшимъ образомъ выполнить въ дѣйствительности все указанное въ прикладной теоріи и использовать при этомъ указанія (знаніе) чистой теоріи.

Въ результатѣ этихъ *техническихъ теорій*—чистой и прикладной и этого *техническаго искусства*, явится личный составъ, обладающій техническимъ искусствомъ использованія артиллеріи, умѣющій давать наибольшее число попаданій въ *указанную* цѣль при различныхъ *типахъ* стрѣльбы въ *типичныхъ* обстановкахъ, т. е. просто личный составъ, обученный стрѣльбѣ, сообразно *боевымъ* требованіямъ.

59. Чистая теорія «военнаго» артиллерійскаго умѣнья.

7) Чистая теорія *военнаго* артиллерійскаго умѣнья, т. е. умѣнья использованія артиллеріи въ бою съ цѣлью сломить волю противника.

Это изслѣдованіе природныхъ свойствъ человѣка, какъ они проявляются, комбинируются и реагируютъ на смертельную опасность, которой насыщена сфера боя (*), и выводъ изъ этого изслѣдованія какъ, съ одной стороны, могутъ вліять

(*) Если это изслѣдованіе уже сдѣлано въ другой отрасли военной науки, то оттуда заимствуются выводы.

результаты дѣйствія артиллеріи на уничтоженіе воли дѣйствовать и сопротивляться вообще, и въ частности на состояніе технического умѣнья стрѣлять, и съ другой — что можетъ создавать, поддерживать и увеличивать эту волю, и сохранять это умѣнье.

На основаніи этого изслѣдованія могутъ быть формулированы такія условія наилучшаго достиженія военныхъ цѣлей посредствомъ артиллеріи, и такія требованія къ подготовкѣ личнаго состава къ этимъ условіямъ, которыя неизмѣнно, внѣ зависимости отъ всего того, что внѣ этихъ условій и требованій, т. е. внѣ зависимости отъ всей остальной обстановки, способствуютъ достиженію каждой военной цѣли посредствомъ артиллеріи, а черезъ нихъ и достиженія основной цѣли войны — победы.

Иначе можно опредѣлить эти условія и требованія, какъ неизмѣнныя части *тѣхъ условій и требованій, которыя ведутъ къ достиженію военныхъ цѣлей посредствомъ артиллеріи* (см. выше § 37 и ниже, §§ 62, 76—79).

Примѣръ (*). Человѣческая воля угнетается страхомъ. Угнетеніе это тѣмъ сильнѣе, чѣмъ *внезапнѣе* возникаетъ причина этого страха, чѣмъ интенсивнѣе она проявляется, и чѣмъ настоятельнѣе (дольше и непрерывнѣе) она дѣйствуетъ. Въ собраніи людей страхъ распространяется какъ зараза. Поэтому, чтобы сломить волю этого собранія выгодно соединить свои средства для произведенія возможно болѣе интенсивнаго страха въ какой либо *части* этого собранія, и отсюда онъ уже самъ распространится по всему собранію. Выбирать эту часть слѣдуетъ такую, которая сильнѣе другихъ можетъ вліять на остальные, т. е. важнѣйшую. Въ чемъ ея важность — это зависитъ отъ обстановки.

Примѣненіе этихъ средствъ къ выбранной части должно быть какъ можно *внезапнѣе и настойчивѣе*. Значитъ надо умѣть опредѣлять важнѣйшую часть силы противника, которая можетъ быть обята страхомъ отъ дѣйствія артиллеріи, надо умѣть массировать огонь противъ этой части, и над^о

(*) Это примѣръ, а не выводъ. Примѣръ для иллюстраціи сказаннаго. То что въ немъ приводится не доказано, а потому не утверждается.

умѣть дѣлать такъ, чтобы проявлять это массированіе по возможности *внезапно*, и имѣть возможность *настойчиво* его продолжать.

Какъ и въ какой мѣрѣ все это дѣлать—это будетъ зависѣть отъ обстановки, которая можетъ быть безконечно разнообразной, но то или иное осуществленіе этихъ *неизмѣнных* стремленій (неизмѣнно выгодныхъ) составитъ неизмѣнную (пока существуетъ артиллерія) часть тѣхъ условій, которыя способствуютъ достиженію военныхъ цѣлей посредствомъ артиллеріи.

Неизмѣнность этой части въ томъ, что она принадлежитъ къ *сущности* этихъ условій (составляетъ всю эту сущность или ея часть), а остальное (помимо сущностей) принадлежитъ къ формѣ этихъ условій, и вотъ эта форма безконечно видоизмѣняется вмѣстѣ съ измѣненіемъ обстановки.

Изъ того, что человѣческая воля угнетается страхомъ, является требованіе къ такому воспитанію личнаго состава, чтобы страхъ въ немъ возникалъ какъ можно труднѣе (*), и требованіе къ созданію такой обстановки подготовки личнаго состава и положенія его въ бою, чтобы эта цѣль созданія и поддержанія противодѣйствія страху дѣйствительно достигалась въ наивозможной полнотѣ (**).

Въ какой *мѣрѣ* всѣ эти требованія должны быть предъявлены, и *какъ* они должны быть выполнены (въ какой *формѣ*), это безконечно разнообразно, въ зависимости отъ разнообразія обстановки, но требованія эти должны быть поставлены, и сущность ихъ должна быть сформулирована въ *чистой* теоріи.

60. Прикладная теорія боемннго артиллерійскаго умѣнья.

8) Прикладная теорія *военнаго* артиллерійскаго умѣнья.

Сюда войдетъ классификація обстановокъ артиллерійскаго боя по *типамъ* (***) и разработка *нормъ* (*условныхъ формъ*)

(*) Мужество, довѣріе къ начальнику, что его искусствомъ страшная обстановка скоро будетъ устранена и не поведетъ къ пораженію, довѣріе къ своей артиллеріи и довѣріе къ своему искусству стрѣльбы, отдаляющимъ угнетеніе страхомъ воли дѣйствовать.

(**) Трѣбованія къ совершенству артиллеріи, къ совершенству технического обученія, къ умѣнью использовать это обученіе, къ достаточному прикрытію и т. п.

(***) Суша, море; противникъ—крѣпость, флотъ, войска; эскадренный бой, одиночный бой, отраженіе минной атаки и т. п.

примѣненія въ этихъ типичныхъ случаяхъ положеній, вырабатанныхъ чистой теоріей.

9) Искусство, руководясь указаніями *чистой теоріи* военного артиллерійскаго умѣнья, и исходя изъ *нормъ прикладной теоріи* этого умѣнья, *проявляютъ это умѣнье на дѣлѣ*, т. е. создавать формы примѣненія теоріи въ любомъ конкретномъ случаѣ. Это и будетъ само *военное* артиллерійское умѣнье.

61. «Военное артиллерійское искусство».

Въ результатѣ этихъ *военныхъ* теорій—чистой и прикладной, и этого *военнаго* искусства, явится личный составъ, умѣющій наилучшимъ образомъ использовать артиллерию на войнѣ для достиженія побѣды въ любой обстановкѣ, и умѣющій ставить технику въ вѣрныя цѣли (*боевыя* требованія) для ея работы.

Результаты этой работы (техническихъ теорій и искусства) перейдутъ вновь для использованія ихъ черезъ военные теоріи (чистую и прикладную) къ военному искусству, которое изъ своего новаго опыта поставитъ новыя требованія технику и т. д.

И все въ этой постоянной эволюціи будетъ переменнo—и матеріалы, изъ которыхъ дѣлаютъ пушки, и самыя пушки и ихъ приспособленія, и способы и искусство ихъ изготовленія, и приемы и типы стрѣльбы и искусство попадать въ цѣль, и типы артиллерійскаго боя, и нормы умѣнья примѣнять артиллерию въ бою и самое искусство это дѣлать.

62. Образцы неизмѣнныхъ элементовъ въ военномъ дѣлѣ.

Неизмѣнными останутся только тѣ законы природы, на которыхъ все это обосновано.

Въ военной технику—законы физики, химіи, механики и математики.

Въ использованіи этой техники на войнѣ—законы человеческой природы, законы воздѣйствія на нее смертельной опасности (являющейся слѣдствіемъ примѣненія техники), законы подготовки природы человека къ дѣятельности въ сферѣ смертельной опасности и тяжелой отвѣтственности, законы воздѣйствія воли на волю, однимъ словомъ *законы человеческого духа въ сферѣ войны*.

Эти законы и являются объектомъ изученія чистой спеціально—военной теоріи (чистой спеціально—военной науки), тогда какъ объектомъ чистой технической военной теоріи

(чистой технической военной науки) является выборъ законовъ физики, химіи, механики и математики, и выработка такой ихъ комбинаціи, которая могла-бы служить основаніемъ для созданія такой техники, которая удовлетворяла-бы требованіямъ поставленнымъ къ этой технике специально *военнымъ* искусствомъ.

ГЛАВА V.

Специально «военный» отдѣлъ военного дѣла.

63. Специально «военный» наука и искусство. Для краткости, специально военныя науку и искусство, въ отличіе отъ науки и искусства военно-техническихъ, будемъ называть просто *военными*.
64. Раздѣленіе «военнаго» искусства. *Военное искусство* можно подраздѣлить на три главныхъ отдѣла: 1) искусство вести бой; 2) искусство вести войну, пользуясь результатами боя, какъ средствомъ, и 3) искусство создавать (организовать) военные *организмы*, т. е. такія соединенія изъ людей и средствъ, которыя были-бы наилучшимъ образомъ подготовлены для веденія боя и войны.
65. «Военная» наука. Каждое изъ этихъ военныхъ искусствъ имѣетъ соотвѣтствующую теорію, которыя въ своей совокупности представляютъ изъ себя *теорію военного искусства* или *военную науку*.
66. «Военный» отдѣлъ военнаго дѣла. Переименованныя военныя искусства, каждое въ совокупности съ соотвѣтствующей ему теоріей, называются, въ порядкѣ ихъ переименованія — *тактикой*, *стратегіей* и *организацией*.
Въ своей совокупности тактика, стратегія и организація составляютъ *специально военный отдѣлъ* военнаго дѣла, въ отличіе отъ *военно-техническаго отдѣла*, въ который входятъ напр. артиллерія (не родъ оружія въ смыслѣ напр. пѣхоты, а искусство и теорія созданія и техническаго использованія артиллерійскаго оружія), фортификація, кораблестроеніе, воздухоплаваніе, минное дѣло и т. п.
67. «Военныя» науки принадлежать къ отдѣлу социальныхъ наукъ. Военныя науки (чистая и прикладная теорія тактики, стратегіи и организаціи) принадлежать къ числу социальныхъ или *общественныхъ* наукъ, т. е. такихъ, которыя изучаютъ и направляютъ разныя стороны и проявленія *жизни* человѣческихъ обществъ.

Вооруженная борьба народов за свои интересы — это одно изъ проявленій жизни человѣческихъ обществъ (въ предвидѣніи и въ состояніи вооруженной борьбы), и вотъ достиженіе *побѣды* въ этой борьбѣ путемъ цѣлесообразнаго ея веденія и путемъ цѣлесообразной къ ней подготовки, какъ отдѣльныхъ людей, такъ и всякихъ ихъ групповыхъ соединеній, и составляетъ предметъ военныхъ наукъ.

Между тѣмъ военно-техническія науки — это комбинаціи изъ наукъ математическихъ и естественныхъ.

Предметъ военныхъ наукъ, какъ и вообще наукъ социаль-ныхъ (человѣкъ въ разныхъ проявленіяхъ социальной жизни), гораздо сложнее (множественность причинъ явленій) и гораздо труднѣе поддается научному изученію и научной обработкѣ, чѣмъ предметы математическихъ и естественныхъ наукъ.

68. Сложность предмета «военныхъ» наукъ.

Математическія науки имѣютъ дѣло съ самыми простыми явленіями (величинами), къ нимъ легче примѣнимы самые точные приемы изслѣдованія, а потому и выводы математическихъ наукъ являются наиболѣе точными.

Естественныя науки, хотя имѣютъ уже дѣло съ явленіями природы, т. е. съ явленіями гораздо болѣе сложными (причинъ ихъ производящихъ гораздо больше и связь этихъ причинъ сложнѣе), но за то при ихъ изученіи въ широкой мѣрѣ приложимъ такой превосходный приемъ изслѣдованія какъ *опытъ*, который даетъ возможность по произволу мѣнять условія, въ которыхъ протекаетъ то или другое изъ изучаемыхъ явленій, и къ изученію этихъ явленій въ широкой мѣрѣ примѣнимы и приемы математическихъ наукъ. Поэтому и выводы естественныхъ наукъ, хотя и менѣе точны и болѣе условны, чѣмъ выводы математическихъ наукъ, но все-таки безусловность этихъ выводовъ обнимаетъ очень широкія области, соотвѣтствующія все совершенствующемуся и распространяющемуся проникновенію человѣка въ тайны окружающей его природы.

Таковы выводы и наукъ военно-техническихъ.

Соціальныя-же науки, имѣя дѣло съ самыми сложными явленіями, могутъ пользоваться при ихъ изученіи приемами математическихъ наукъ (напр. при примѣненіи статистическаго метода) и опытомъ въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ.

69. Для «военных» наук почти недоступен опыт.

Въ особенности мало доступенъ опытъ при изученіи явленій войны. Никому и въ голову не можетъ придти затѣять войну специально для испытанія своихъ военныхъ предположеній, а всѣ остальные опыты для повѣрки какихъ либо военныхъ предположеній и организацій, напр. маневры не заключаютъ въ себѣ главныхъ элементовъ военной обстановки — смертельной опасности для жизни, и исключительно тяжелой ответственности за рѣшенія принимаемыя въ очень неопредѣленной обстановкѣ.

70. Истина особо трудно раскрывается въ военныхъ событіяхъ (*).

А затѣмъ, когда этотъ опытъ (война) является, хладнокровное, тщательное и всестороннее его наблюденіе и регистрація чрезвычайно затруднены все тою-же атмосферой смертельной опасности и тяжелой отвѣтственности, побуждающей къ отдачѣ всего вниманія и силъ самому дѣлу, а не его изслѣдованію для будущаго. А потому въ этой атмосферѣ, наравнѣ съ проявленіемъ самыхъ возвышенныхъ чувствъ, имѣетъ мѣсто и взрывъ цѣлаго ряда низменныхъ страстей, благодаря которымъ многое, что происходитъ на войнѣ, скрывается и искажается по мотивамъ чисто личнымъ. И дѣлается это и путемъ официальныхъ документовъ и писемъ, и дневниковъ и воспоминаній и т. п.

Такимъ образомъ добратся до возможнаго приближенія къ истинѣ, что именно дѣйствительно произошло на войнѣ, можно только *послѣ* войны, путемъ тщательнаго и кропотливаго изслѣдованія, изученія и сравненія самыхъ различныхъ источниковъ, и всегда можно ожидать, что послѣ этой работы могутъ появиться новые источники, представляющіе тотъ или иной новый фактъ въ новомъ освѣщеніи.

71. «Для военных» наукъ доступенъ почти исключительно опытъ «прошлага».

Итакъ въ области военныхъ наукъ, опытовъ для повѣрки ихъ выводовъ производить почти нельзя, можно эти выводы повѣрять почти исключительно *только на войнѣ*, т. е. не опытомъ (въ смыслѣ эксперимента, а не эмпириі (**)), специально

(*) Подробнѣе см. мон «Этюды по стратегіи». Выпускъ первый 1914 г. § 11 послѣдующіе.

(**) Опытъ имѣетъ двойное значеніе: 1) опытъ (*эмпирија*) противопоставляется *умозрѣнію*, и въ этомъ значеніи есть понятіе *родовое* подчиняющее себѣ и наблюденіе и экспериментъ; 2) опытъ (*экспериментъ*) — *видовое* понятіе, про-

какъ опытъ обставленнымъ, а самымъ *дългомъ*. Значитъ для военныхъ наукъ доступенъ лишь *опытъ прошедшаго* (въ смыслѣ эмпириі).

Какъ было указано выше, этотъ источникъ военнаго познания далеко несовершененъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и неизбѣженъ, такъ какъ изслѣдованіе военныхъ явленій, какъ крайне сложныхъ и неопредѣленныхъ въ данныхъ своей обстановки, чрезвычайно затруднено и всякими другими методами.

Вслѣдствіе этого въ этихъ изслѣдованіяхъ, при несовершенствѣ источниковъ и при трудностяхъ пользованія ими, легко можетъ выступить на первый планъ,—т. е. можетъ занять совершенно неподобающее ей мѣсто,—*діалектика*, путемъ которой, при искусствѣ въ ней и *недобросовѣстномъ* использованіи этого искусства, можно проводить, *видимо какъ-бы и доказанныя*, но на самомъ дѣлѣ ложныя положенія.

При увлеченіи діалектикой, и легкомысленномъ или неумѣломъ пользованіи источниками, проведеніе ложныхъ положеній можетъ оказаться и *невольнымъ*.

Средство противъ *вольныхъ* ложныхъ выводовъ одно—добро-совѣстность.

Противъ-же *невольныхъ*—*научность* (**) (соотвѣтствіе требованіямъ логики) методовъ изслѣдованія, и примѣненіе *оспыхъ научныхъ методовъ* (путей изслѣдованія), какіе только допустимы въ той области, въ которой производится изслѣдованіе (***), чтобы параллельными и встрѣчными изысканіями,

72. Опасность «діалектики» (*) въ «военныхъ наукахъ».

73. Значеніе «научности» и «множественности» методовъ въ «военныхъ наукахъ».

тивополагаемое наблюденію. Экспериментъ—это наблюденіе, въ которомъ условія произвольно ставятся изслѣдователемъ съ цѣлью всесторонняго ознакомленія съ явленіемъ и точнѣйшаго измѣренія его. Подробности см. Философскій словарь Радлова.

Экспериментъ въ широкой мѣрѣ примѣняется въ *военно-техническихъ наукахъ*.

(*) См. смыслъ этого слова (по Канту—логика *видимости*)—Радловъ Философскій словарь, на понятія «діалектика» и «антиномія».

(**) См. выше § 19, и Петражицкій. Введеніе въ изученіе права и нравственности, изд. 3-е, стр. 96—112.

(***) Достигнуть абсолютной доказанности какихъ либо общихъ положеній и законовъ очень трудно. «Это впрочемъ относится въ извѣстномъ смыслѣ ко всему человѣческому знанію, какъ таковому» говоритъ профессоръ Петражицкій. «Дѣло идетъ только о разныхъ степеняхъ *разумной утѣренности* или,

провѣрять результаты полученные однимъ методомъ, результатами, полученными другими.

Это требуется въ полной мѣрѣ въ наукахъ военныхъ (см. выше, § 68).

74. Военная исторія принадлежитъ къ специально «военному» отдѣлу военного дѣла.

Такъ какъ одинъ изъ главныхъ источниковъ специально «военного» отдѣла военного дѣла—военная исторія (военный опытъ въ прошломъ), которая должна быть, для возможности ея использованія, научно обработана (военные факты должны, быть соотвѣтственнымъ образомъ выбраны, провѣрены и систематизированы), и такъ какъ ни для какихъ наукъ и искусствъ, кромѣ военныхъ практически эта обработка не нужна, то военная исторія какъ наука (историческое знаніе чистое и прикладное) и какъ искусство (умѣнье примѣнить его въ историческомъ изслѣдованіи, изложить это знаніе и передать его другимъ) сама принадлежитъ къ специально «военному» отдѣлу военного дѣла, и военная исторія, какъ наука,—это тоже специально «военная» наука (см. ниже § 81).

75. Для примѣненія историческаго метода въ «военныхъ» наукахъ военно-историческій матеріалъ долженъ быть специально подготовленъ (*).

Итакъ, для примѣненія историческаго метода къ изслѣдованію военныхъ явленій, военно-историческій матеріалъ долженъ быть извѣстнымъ образомъ подготовленъ, и въ смыслѣ выбора этого матеріала и способа его обработки (§ 80).

Чѣмъ-же руководствоваться при этомъ отборѣ? Да все той-же основной цѣлью, для которой только и существуетъ военная наука—*изыскивать и формулировать пути для победы*. Въ военной исторіи для военной науки и для практическаго ея приложенія—военнаго искусства—цѣнно не то, что привело къ побѣдѣ тогда, когда эта побѣда дѣйствительно была одержана, а лишь то изъ всего того, что привело *тогда* къ побѣдѣ, что можетъ вести къ побѣдѣ *и теперь*, а также будетъ вести къ побѣдѣ и въ *будущемъ*, т. е. то, что, въ той или

хотя-бы, вѣроятности, и о томъ, чтобы, примѣнять въ каждой области науки тѣ приемы, которые способны доставить соотвѣтствующую природѣ изслѣдуемой области степень разумной увѣренности или вѣроятности». Введеніе въ изученіе права и нравственности. Изд. 3-е, 1908 г., стр. 238.

(*) См. ниже §§ 80 и 81. Подробности объ этомъ см. въ моей книгѣ «О теоріи въ военномъ дѣлѣ» 1914 г., глава III, и моп «Этюды по стратегіи». Вып. первый 1914. Этюдъ II и Этюдъ V, стр. 186, 192, 205, 218, 239.

иной формѣ, въ формѣ болѣе или менѣе совершенной, болѣе или менѣе законченной и полной, является *всегда* (§ 22) спутникомъ побѣды.

Если такихъ элементовъ нѣтъ совсѣмъ, если каждая новая побѣда зависитъ исключительно отъ элементовъ совершенно новыхъ, и безконечно мѣняющихся, а не отъ новыхъ лишь комбинацій элементовъ постоянныхъ съ переменными, то факты военной исторіи не могутъ дать ничего для военного искусства.

Тогда исторія будетъ лишь объяснять почему то, что существуетъ *теперь*, вылилось въ ту или иную форму. Это тоже крайне полезно, но для этого, конечно, нѣтъ надобности залѣзть вглубь исторіи.

Но тотъ фактъ, что воюютъ все тѣ же люди, основныя свойства которыхъ, какъ моральныя такъ и физическія, остаются все тѣми-же самими, тотъ фактъ, что побѣда—это всегда результатъ *умнаго* такъ воздѣйствовать на *моральныя* силы противника, что онъ *отказывается* отъ борьбы или въ данный моментъ (проигрышъ сраженія), или вообще отъ борьбы за то дѣло, изъ-за котораго ведется вооруженная борьба (проигрышъ войны), указываетъ, что пути для побѣды должны имѣть какія-то *общія* основы, и лишь ихъ *формы*, въ которыя выливаются въ каждомъ данномъ случаѣ эти пути, могутъ быть безконечно разнообразны въ зависимости отъ безконечнаго разнообразія переменныхъ элементовъ, въ тѣсномъ соприкосновеніи съ которыми протекаютъ военныя явленія.

Эти переменные элементы въ своей совокупности называются въ военномъ дѣлѣ *обстановкой*.

Такое апріорное пока заключеніе, что имѣются постоянные элементы побѣды, и что эти элементы исходятъ изъ неизмѣняемости извѣстныхъ сторонъ духовной и физической человѣческой природы, подтверждается и тѣми заключеніями и представленіями, которыя человечество вынесло о войнѣ изъ огромнаго многовѣковаго своего опыта въ дѣлѣ вооруженной борьбы, въ лицѣ именно тѣхъ людей, которые оказывались наиболѣе искусными въ военномъ дѣлѣ—въ лицѣ выдающихся

76. Апріорное представленіе о существованіи «неизмѣнныхъ» элементовъ, ведущихъ къ побѣдѣ.

военныхъ талантовъ и геніевъ. Люди эти неизмѣнно утверждали, что секретъ побѣды лежитъ въ умѣньѣ понять и использовать моральныя стороны человѣческой природы, въ умѣньѣ найти такія средства и пути, которые сильнѣе всего могутъ воздѣйствовать на эти стороны.

77. «Принципъ» какъ формулировка неизмѣнныхъ элементовъ побѣды.

Вотъ на почвѣ систематической провѣрки, а затѣмъ и обоснованія этихъ апріорныхъ и опытныхъ сужденій, и создалась военная наука (*), которая и формулировала эти неизмѣнные элементы побѣды въ видѣ основныхъ принциповъ военного дѣла (подготовки и веденія войны).

Слово *принципъ*, для обозначенія формулировки этихъ неизмѣнныхъ элементовъ,—самое подходящее (**).

Эти формы «неизмѣннаго» нельзя назвать *аксіомами*, изъ которыхъ исходятъ математическія науки, такъ какъ онѣ требуютъ вывода (доказательства), и притомъ возможно большимъ числомъ научныхъ методовъ, другъ друга провѣряющихъ (см. выше § 73). Ихъ также нельзя назвать и *законами*, которыя ложатся въ основу естественныхъ наукъ, такъ какъ эти законы опредѣляются какъ *количественныя* зависимости одного явленія отъ другого, или нѣсколькихъ другихъ, служащихъ причиною перваго или совмѣстныхъ съ нимъ явленій, или какъ *количественно* выраженные взаимныя зависимости свойствъ тѣлъ.

Между тѣмъ—какъ опредѣлить какое-нибудь количественное соотношеніе или зависимость одного военного явленія отъ другого?

Затѣмъ, законы природы человѣку нарушить немислимо—они существуютъ *помимо* его воли.

Неизмѣнные-же элементы, ведущіе къ побѣдѣ,—только *даются* *человѣку* какъ *знаніе*, которому онъ можетъ слѣдовать или не слѣдовать на войнѣ. Они подобны такъ называемымъ нравственнымъ законамъ (тоже на самомъ дѣлѣ не законамъ),

(*) Подробнѣе см. мои «Этюды по стратегіи». Вып. первый 1914 г. Эт. IV.

(**) См. Радловъ. Философскій словарь на понятія «Выводъ» и «Доказательство» и «Законъ». Вл. Соловьевъ. Оправданіе добра. Стр. 260, 338 и 418; Полн. собр. соч. т. I, стр. 317—319 и 381; Ефремовъ, Словарь иностранныхъ словъ, на понятіе «Принципъ».

которымъ тоже человѣкъ можетъ слѣдовать или не слѣдовать, Сообразно своей волѣ онъ можетъ быть добрымъ или недобрымъ, тогда какъ не слѣдовать закону тяготѣнія, закону сохраненія энергіи и т. п., онъ не можетъ.

Принципъ-же—это руководящая идея, начало въ извѣстной области дѣятельности, это «то, чѣмъ объединяется въ мысли и въ дѣйствительности извѣстная совокупность фактовъ» (Вл. Соловьевъ).

Извѣстная дѣятельность, извѣстная совокупность фактовъ, выделяется изъ всякой другой, т. е. объединяется извѣстной целью. А потому принципъ неизмѣнно связанъ съ этой целью.

Поэтому принципы можно опредѣлить какъ руководящія идеи для достиженія опредѣленной цѣли, и пока *остается неизмѣнна эта цель, остаются неизмѣнными и принципы.*

Если цѣль — нравственное совершенство, надо любить ближняго какъ самаго себя, надо быть добрымъ, милосерднымъ, справедливымъ и т. д.

Если цѣль — побѣдить въ вооруженной борьбѣ, надо *заставить волю противника отказаться* отъ этой борьбы, воздействуя на него страхомъ (или истребить его безъ остатка), поселяя въ немъ этотъ страхъ внезапнымъ *сосредоточеніемъ своего вооруженнаго воздействия* противъ такой части его, откуда страхъ (отказъ отъ борьбы) самъ распространится по остальнымъ частямъ, отнимая отъ него *всякую* надежду на возможность сопротивленія и т. п...

Но эта неизмѣнность цѣлей и простирающаяся отсюда неизмѣнность руководящихъ идей для достиженія этихъ цѣлей, не заключаютъ въ себѣ идеи о неизмѣнности тѣхъ формъ, въ которыя, въ *безконечно разнообразной дѣйствительности*, выливаются и эти цѣли и руководящія идеи. Напротивъ, эти цѣли и руководящія идеи должны въ каждомъ данномъ случаѣ (при наличіи опредѣленной дѣйствительности) *приспосабливаться* къ этой дѣйствительности, должны выливаться въ соотвѣтствующія ей *временныя* формы. Эти временныя формы, все время, пока продолжается дѣятельность для достиженія опредѣленной конечной цѣли, видоизмѣняясь сообразно на-

78. Измѣнныя по сущности (по идѣ) принципы, при дѣйствительномъ примѣненіи, принимаютъ безконечно разнообразныя формы.

личной дѣйствительности, при окончаніи дѣятельности (при достиженіи цѣли), въ своей совокупности выразить и цѣль и руководящія идеи въ нѣкоторой общей формѣ, соотвѣтствующей совокупности той дѣйствительности, въ которой протекала дѣятельность отъ ея начала до конца. Но *сущность* цѣли и руководящихъ идей для ея достиженія будетъ оставаться *все та-же*, несмотря на безконечное разнообразіе этихъ временныхъ и окончательныхъ формъ.

Сущность нравственного совершенства все та-же, но окончательная его форма, достижимая для каждого отдѣльнаго человека, или для каждой отдѣльной группы людей, самая различная за время ихъ существованія, и зависитъ и отъ самого человека или человѣческой группы, и отъ той дѣйствительности, въ которой протекаетъ ихъ жизнь.

Также различны и переходныя формы нравственного совершенства, достижимыя для человека или группы въ извѣстный періодъ ихъ существованія, т. е. временныя для нихъ.

Также различны и формы достиженія этихъ формъ нравственного совершенства посредствомъ проявленія любви къ ближнему, доброты, милосердія, справедливости и т. п..., хотя руководящія идеи всѣхъ этихъ формъ будутъ по сущности все тѣ-же: принципъ доброты, принципъ милосердія, принципъ справедливости и т. п...

Таковы-же принципы и военнаго дѣла, т. е. руководящія идеи для достиженія побѣды; напр. принципы сосредоточенія силъ противъ одного изъ участковъ непріятельской силы, или принципъ частной побѣды, принципъ внезапности, принципъ взаимной поддержки, принципъ единства власти (въ управленіи военной силой), принципъ инициативы (когда эта власть неспособна судить о наличной дѣйствительности, а потому не можетъ выбрать соотвѣтствующую *форму* дѣйствія), и т. п... Сущность ихъ все та-же, а формы, въ которыхъ они проявляются, безконечно разнообразны въ зависимости отъ безконечнаго разнообразія дѣйствительности обстановки, въ которой онѣ протекаютъ. Также разнообразны и временныя (во время войны) и окончательныя (итогъ побѣды при окончанія войны) формы побѣды, какъ результаты примѣненія различныхъ формъ

принциповъ, хотя сущность ихъ остается неизмѣнной—отказъ воли отъ борьбы подѣ воздействиемъ страха за себя и за другихъ (отвѣтственности).

И сущность этихъ разнообразныхъ формъ, какъ цѣлей, такъ и руководящихъ идей для ихъ достиженія, будетъ оставаться до тѣхъ поръ неизмѣнной, пока не измѣнится сущность человѣка, т. е. пока не измѣнится сущность воли, страха, отвѣтственности, эгоизма и т. п...

Такимъ образомъ, *принципы* въ социальныхъ наукахъ можно 79. Принципы въ чистой и прикладной теоріи и въ искусствѣ (*).

опредѣлить какъ неизмѣнныя составныя части тѣхъ условій (руководящія идеи), которые ведутъ къ достиженію той опредѣленной цѣли, для которой существуетъ наука.

Если, напр., цѣль науки—изслѣдованіе условій правильнаго устройства человѣческаго общества, то принципы это будутъ тѣ руководящія идеи (точки зрѣнія), которые неизмѣнно будутъ способствовать такому устройству, вѣ зависмости отъ мѣста, времени и другихъ обстоятельствъ. Однимъ изъ нихъ будетъ, напр., принципъ *справедливости* (**), который непременно долженъ лечь въ основаніе, какъ одно изъ нихъ (основаній), науки объ устройствѣ общества.

Изслѣдованіе сущности справедливости, доказательство, что именно она непременно должна лечь въ основаніе устройства общества, и формулировка ея въ видѣ общихъ положеній, лежащихъ въ основаніе всякаго осуществленія справедливости при устройствѣ общества, это будетъ часть *чистой науки* (часть чистой теоріи) объ этомъ устройствѣ.

Нормальные формы этого осуществленія (нормы) въ типичныхъ случаяхъ устройства общества, и опредѣленіе этихъ типичныхъ случаевъ (типовъ)—это будетъ часть *прикладной науки* (часть прикладной теоріи) объ устройствѣ общества.

Искусство примѣненія этихъ нормъ въ любой конкретной обстановкѣ (нахожденіе наиболѣе цѣлесообразныхъ формъ примѣненія справедливости къ наличной дѣйствительности)—

(*) Нѣкоторыя подробности по этому вопросу см. въ моей книгѣ «О теоріи въ военномъ дѣлѣ», 1914 г. (напечатана въ «Морск. Сб.» за 1914 г.) Глава V.

(**) См. Радловъ, «Философскій словарь» на понятіе «справедливость».

это будетъ часть *искусства* устройства общества и поддержанія и прогресса этого устройства, т. е. управленія обществомъ. Формы-же примѣненія этого искусства будутъ безконечно разнообразны.

Военная наука только для того и существуетъ, чтобы достигнуть побѣды надъ противникомъ.

Поэтому *принципы военной науки*—это неизмѣнныя составныя части *тѣхъ условий*, которыя ведутъ къ побѣдѣ (§§ 37, 59 и 62), которыя, значитъ, должны быть положены въ основу дѣйствій и всякой военной подготовки, внѣ зависимости отъ средствъ, времени и мѣста и всякихъ другихъ обстоятельствъ (элементовъ обстановки).

Формы-же, въ которыя будутъ облекаться эти неизмѣнныя части, будутъ зависѣть отъ наличной дѣйствительности, въ которой эти неизмѣнныя части имѣютъ проявиться, а потому эти формы могутъ разнообразиться до безконечности.

Находить эти формы наилучшимъ образомъ соответствующія наличной дѣйствительности (наиболѣе цѣлесообразныя)—это область военного искусства.

80. Историческій методъ обоснованія принциповъ.

Чѣмъ проще та форма, въ которой представляется человѣческая борьба, имѣющая цѣлью принудить противника къ отказу отъ борьбы посредствомъ примѣненія силы, тѣмъ явственнѣе должны проявляться *постоянные* элементы побѣды, такъ какъ тѣмъ меньше мѣста вліянію элементовъ *перемѣнныхъ*. Таковою является напр. борьба двухъ атлетовъ. Но ограничиться *только* такимъ изслѣдованіемъ нельзя, такъ какъ для убѣжденія, что эти найденные элементы побѣды дѣйствительно постоянны при всякой обстановкѣ, т. е. таковы и теперь и въ будущемъ, надо провѣрить—такъ-ли это при обстановкахъ наиболѣе отличающихся другъ отъ друга, путемъ сравнительныхъ изслѣдованій историческихъ фактовъ; имѣвшихъ мѣсто при самыхъ различныхъ обстановкахъ (сравнительно-историческій методъ), и посмотрѣть сходятся-ли полученные результаты съ результатами изслѣдованія сущности борьбы въ самомъ простомъ ея видѣ.

Выборъ этихъ фактовъ намѣчается самъ собой.

Прежде всего это тѣ періоды и отдѣльные факты вооруженной борьбы, которыми руководили люди, отмѣченные какъ выдающіеся военные таланты и гении и въ которыхъ особенно ярко проявилось ихъ искусство (умѣнье). Если, дѣйствительно, существуютъ постоянные элементы побѣды, то именно эти люди и должны были умѣть ихъ выискивать, должны были умѣть оцѣнить ту обстановку, въ которой имъ приходилось дѣйствовать, и должны были умѣть выдвинуть на первое мѣсто эти постоянные элементы, и именно въ такой формѣ, которая наилучшимъ образомъ соотвѣтствовала наличной обстановкѣ.

Чтобы не быть одностороннимъ въ выборѣ фактовъ, и тѣмъ избѣжать односторонности и въ результатахъ изслѣдованія, необходимо изслѣдовать и такіе факты, въ которыхъ эти таланты и гении терпѣли неудачи, и такіе факты, въ которыхъ успѣхъ оказывался на сторонѣ людей неискусныхъ и вообще тѣхъ, шансы на побѣду которыхъ были гораздо меньше ихъ противниковъ. Наконецъ, надо выбирать факты характерные въ смыслѣ приложенія военныхъ идей, господствовавшихъ въ тотъ или иной періодъ, у того или иного народа (военныхъ школъ), чтобы, разложивши эти идеи на элементы, отмѣчать вліяніе этихъ идей на военное искусство не только общей массы, которая, обыкновенно, слѣпо подчиняется этимъ идеямъ, но и на людей талантливыхъ, стоящихъ выше общей среды.

Разъ будутъ взяты факты, принадлежащіе ко *всѣмъ* указаннымъ разрядамъ, и выполнено будетъ требованіе, чтобы въ каждомъ разрядѣ были отобраны факты, наиболѣе *резко* отличающіеся по обстановкѣ, этимъ достаточно будетъ обезпечена обоснованность получаемыхъ изъ изслѣдованій выводовъ.

Конечно, тѣмъ обоснованнѣе будутъ выводы, чѣмъ число этихъ фактовъ будетъ больше, но число это ограничивается, при изученіи—силами отдѣльныхъ изслѣдователей, а при преподаваніи—тѣмъ временемъ, которое на это можетъ быть удѣлено.

Отобранный на вышеуказанныхъ основаніяхъ матеріалъ надо еще соотвѣтственнымъ образомъ обработать (§75), т. е., помимо

наивозможно болѣе точнаго установленія факта, надо тщательнѣе выяснитъ всѣ причины успѣха и неуспѣха и расклассифицировать эти причины по категоріямъ, по заранѣе намѣченному плану. Это нужно для того, чтобы потомъ, при *сравненіи* цѣлаго ряда такихъ изслѣдованій, ясно можно-бы было видѣть, существуютъ ли причины постоянныя, и каковы эти причины, на какіе типы можно подраздѣлить причины не постоянныя, и въ какой мѣрѣ и въ какихъ формахъ проявилось умѣнье руководителей провидѣть и использовать всѣ элементы побѣды, и умѣнье устранить или насколько возможно полнѣе парализовать тѣ элементы, которые могли помѣшать побѣдѣ.

91. Исторія
военнаго
искусства.

Вотъ такимъ образомъ обработанный матеріалъ можетъ быть названъ *исторіей военнаго искусства*.

Историческій матеріалъ, такъ обработанный, по существу представляетъ изъ себя рядъ подвергнутыхъ анализу образцовъ именно «практическаго умѣнья», т. е. *искусства* находить пути къ побѣдѣ въ самыхъ различныхъ обстановкахъ, съ цѣлью найти и формулировать постоянные элементы, на которыхъ можно обосновывать практическія рѣшенія военныхъ вопросовъ и теперь.

Конечно, за этими образцами «умѣнья» стоятъ и знанія, и господствующія ученія и идеи, и очень важно выяснитъ ихъ вліяніе на «искусство»; но все-таки то, что анализируется въ «исторіи военнаго искусства», — это именно «умѣнье», «искусство» дѣйствовать, а не «знаніе».

Важно изслѣдовать именно «искусство», т. е. «умѣнье» военныхъ геніевъ и выдающихся талантовъ (мастеровъ военнаго дѣла) дѣйствовать *на дѣлѣ*, а не ихъ *знаніе*, котораго, быть можетъ, у нихъ и не было, и не какое либо «ученіе», которому они, быть можетъ, и не слѣдовали, ибо ихъ «творчество», ихъ «вдохновеніе», ихъ «мастерскіе приемы» далеко не всегда являлись слѣдствіемъ только «знанія», но были инстинктивнымъ проявленіемъ ихъ таланта и генія.

Нужно проанализировать «практическое творчество», «искусство», главнымъ образомъ выдающихся талантовъ и геніевъ въ области войны, и непременно *различныхъ* эпохъ, и дѣй-

ствовавшихъ въ самыхъ *различныхъ* обстановкахъ, чтобы найти въ этомъ творествѣ такіе элементы, которые смѣло можно класть въ основу военной дѣятельности и *теперь* и въ *будущемъ*.

И вотъ такую исторію практическаго творчества (искусства) въ области войны, и соотношенія этого творчества и знанія, вполне логично назвать именно *исторіей военного искусства*.

Такимъ образомъ, «исторія военного искусства» — это особая форма «военной исторіи», специально обработанной въ этой формѣ для изслѣдованія неизмѣнныхъ элементовъ побѣды (*принциповъ*) и тѣхъ *формъ*, которыя могутъ принимать примѣненія принциповъ военного дѣла подѣ влияніемъ обстановки.

Эта форма наиболѣе удобна, и необходима для обоснованія историческимъ методомъ (см. выше §§ 73 и 74) стратегіи, тактики и организаціи (ихъ теоріи и искусства), а потому она должна составлять необходимую часть военного образованія.

Всѣмъ изъ военной исторіи необходимо именно то, что можетъ служить для *практическаго* рѣшенія современныхъ этимъ *всѣмъ* военныхъ вопросовъ, и все это собирается въ «исторіи военного искусства».

Всѣмъ необходима *теорія*, наиболѣе убѣдительно доказанная, т. е. выведенная и историческимъ методомъ.

Это тоже дѣлаетъ «исторія военного искусства». Поэтому она неизмѣнно должна входить въ число военныхъ наукъ, ставящихъ себѣ цѣлью изслѣдовать, обосновать и формулировать пути для побѣды и, такимъ образомъ, способствовать созданію *единства военного мышленія* (см. выше §§ 45—47).

Этимъ, конечно, нисколько не умаляется значеніе «военной исторіи», въ самомъ широкомъ значеніи этого слова, т. е. изслѣдованія (установленія истинности) всего, что *происходило* (прошлаго) въ области военныхъ явленій.

Но военная исторія, даже хотя-бы одного только народа, не имѣетъ никакихъ предѣловъ въ своемъ содержаніи, и эти предѣлы, отдѣляющія отъ нея то, что необходимо для *теоріи* военного дѣла, а черезъ нее — и для военного *искусства*, и устанавливаетъ «исторія военного искусства».

82. Военная исторія какъ матеріаль для обоснованія теоріи «военнаго» дѣла.
(См. § 122).

Поэтому «военная исторія» въ широкомъ значеніи этого слова, напр. предметомъ академическаго курса служить не можетъ. Она можетъ читаться только въ формѣ «исторіи военнаго искусства», и затѣмъ отдѣльные факты и части изъ военной исторіи могутъ быть использованы въ тактикѣ, стратегіи, организациі и въ военно-техническихъ наукахъ, какъ иллюстраціи и доказательства тѣхъ или другихъ положеній этихъ наукъ.

Эти части военной исторіи могутъ достигать и значительныхъ размѣровъ, и потому могутъ выдѣляться даже въ отдѣльные курсы (напр. въ стратегіи чтеніе отдѣльныхъ кампаній,—см. ниже § 120), но только въ мѣрѣ тѣхъ требованій, которыя предъявляются практическими, а черезъ нихъ и теоретическими требованіями военныхъ и военно-техническихъ наукъ. И этимъ и ограничиваются тѣ части «военной исторіи», изученіе которыхъ *необходимо*, и которыя поэтому должны войти и въ преподаваніе. Конечно, нельзя оспаривать, что чѣмъ обширнѣе эти части, тѣмъ больше,—если онѣ хорошо выбраны,—получается и польза. Но польза эта должна быть сообразована съ тѣмъ временемъ, которое будетъ отнято отъ другихъ сторонъ военнаго образованія.

Такимъ образомъ, изученіе «военной исторіи» впѣ тѣхъ предѣловъ, которые ставитъ ей «исторія военнаго искусства» и требованія военныхъ наукъ—это дѣло въ высокой степени полезное и плодотворное, но дѣло это чисто индивидуальное, дѣло *личнаго* изученія, въ зависимости отъ того, насколько у каждаго въ отдѣльности есть къ тому охота и свободное время.

Но чтобы дѣлать и это съ наибольшей *практической* пользой, надо предварительно изучить «исторію военнаго искусства».

Именно это изученіе даетъ представленіе о мѣстѣ и цѣнности каждаго историческаго факта, личности, періода или эпохи въ общемъ развитіи военнаго искусства.

Только «исторія военнаго искусства» даетъ тотъ уголъ зрѣнія, подъ которымъ слѣдуетъ разсматривать военные явленія въ прошломъ. Настоящую оцѣнку фактамъ «національ-

ной военной исторіи въ любомъ отношеніи можно дать только при знакомствѣ съ «общей» исторіей военного искусства.

Только при этомъ условіи можно опредѣлить, что цѣнно и что вредно въ національных особенностяхъ, въ національных традиціяхъ и павыкахъ.

Резюмируя все, что было сказано о военныхъ наукахъ, можно *практическую* ихъ задачу изложить такъ:

1) онѣ должны дать государству всѣ необходимыя указанія для созданія и содержанія въ боевой готовности такой военной силы, которая необходима для продолженія въ каждый данный моментъ политики государства силой оружія;

2) онѣ должны указать этой военной силѣ всѣ пути и способы, ведущіе къ побѣдѣ вообще, и въ частности—къ побѣдѣ надъ опредѣленнымъ (современнымъ, очереднымъ) противникомъ.

Для достиженія этихъ, поставленныхъ имъ государствомъ, цѣлей военной науки (теорія военного дѣла) должны:

1) изучить *сущность* (природу) войны, какъ явленія человеческой жизни, такъ какъ нельзя себѣ представить, что войну могутъ правильно вести, и, сообразно этому, правильно ее готовить, такіе люди, которые не понимаютъ ея природы, ея природныхъ, естественныхъ требованій; вслѣдствіе такого непониманія, они, вмѣсто того, чтобы направлять войну въ ея естественное русло, могутъ, въ большей или меньшей степени, стремиться выводить ее изъ этого русла и, такимъ образомъ, направлять ее къ такимъ препятствіямъ, для преодоленія которыхъ потребуются затраты лишнихъ силъ и средствъ, чѣмъ умалятся эти силы и средства для одолѣнія противника, т. е. для того, для чего только и ведется война;

2) изучить войну въ ея *историческомъ* прошломъ, чтобы использовать для *настоящаго* весь добытый прежними войнами опытъ;

3) изъ этихъ изученій вывести тѣ *неизмѣнныя* положенія (руководящія идеи, принципы), которыми можно руководиться

83. Практическія задачи «военныхъ» наукъ (что должна дать «военная теорія» государству).

84. Программа работы «военной» теоріи («военныхъ» наукъ).

для веденія войны и ея подготовки вообще, въ какой-бы обстановкѣ она ни протекала;

4) изучить всѣ элементы *обстановки*, въ которой протекаетъ война вообще, и тѣ частности этой обстановки, которыя вызываются, съ одной стороны,—*современными* социальнымъ состояніемъ и стремленіями государствъ, а съ другой—*современнымъ* состояніемъ техники, обслуживающей военное дѣло, которымъ опредѣляется *современное* состояніе различныхъ матеріальныхъ средствъ войны вообще, и въ частности—оружія; такое изученіе необходимо, чтобы ясно представить себѣ всю ту *дѣйствительность*, съ которой можетъ придтись и придется имѣть дѣло на войнѣ, чтобы понимать всѣ требованія, которыя предъявляетъ эта дѣйствительность къ военной дѣятельности, чтобы умѣть согласовать военную дѣятельность съ этими требованиями, и вмѣстѣ съ тѣмъ умѣть ее себѣ подчинять, вообще, чтобы умѣть познавать войну въ такомъ видѣ, какъ она происходитъ въ *дѣйствительности*, а не въ умозрительномъ отвлеченіи, чтобы оберечь себя отъ безпочвенныхъ увлеченій и полетовъ фантазій;

5) изъ этого изученія, проводя выведенные уже *принципы* (руководящія идеи) черезъ наиболѣе *типичныя* комбинаціи современной обстановки (типы военной обстановки), указать условныя (*), *нормальныя рѣшенія* различныхъ военныхъ вопросовъ, или, такъ называемыя *нормы*, которыми можно руководиться въ практической дѣятельности въ *современной* войнѣ; эти нормы будутъ, значитъ, тѣ *нормальныя формы*, въ которыя выливаются руководящія идеи подъ вліяніемъ типовъ современной обстановки (опредѣленныхъ комбинацій современныхъ формъ военныхъ цѣлей, современныхъ формъ военныхъ средствъ, современныхъ формъ культуры и вѣчныхъ явленій природы);

6) изъ этого-же изученія, позволяющаго использовать для войны всѣ возможности современной *военной техники*, выработать такія указанія (*требованія*) различнымъ отраслямъ

(*) Условность ихъ проистекаетъ изъ зависимости ихъ отъ опредѣленныхъ признаковъ того или иного типа обстановки.

этой техники (*), чтобы эти отрасли могли работать для военного дѣла наиболѣе продуктивно, и чтобы онѣ давали ему, въ предѣлахъ доступныхъ для нихъ возможностей, именно то, что ему нужно для достиженія побѣды, и не уклонялись-бы въ область работы техники для блеска и торжества лишь техники (когда она изъ средства обращается въ самодовлѣющую цѣль), къ чему наклонность въ технику существуетъ всегда; иначе говоря, *военныя науки должны регулировать работу военной техники*, т. е. военно-техническихъ наукъ и искусствъ.

Вотъ вся эта работа и распределяется между четырьмя «военными» (въ смыслѣ противоположеніи ихъ военно-техническимъ) наукамъ: *тактикой, стратегіей, военной организацией и исторіей военного искусства.*

Искусство (умѣнье) въ тактикѣ, стратегіи и военной организации—осуществляетъ результаты этой *научной* работы на дѣлѣ. Это искусство (умѣнье) утверждается въ сознаніи путемъ *убѣжденія* въ истинности этихъ результатовъ, путемъ *опыта* въ ихъ примѣненіи, и находитъ импульсы и мощность для практическаго осуществленія осознаннаго въ *талантъ* и *волю*.

Матеріаль, надъ которымъ работаютъ военныя науки для вывода своихъ положеній,—это:

1) естественныя свойства отдѣльныхъ людей и людскихъ массъ (ихъ природа), какъ они выражаются въ обстановкѣ войны и въ отношеніи къ войнѣ;

2) опытъ прежнихъ войнъ, въ той мѣрѣ насколько онъ можетъ быть формулированъ и использованъ въ видѣ указаній для *современнаго* военного дѣла (подготовки и веденія войны вообще и современной въ частности);

3) состояніе тѣхъ отдѣловъ техники, современной тому періоду когда производится работа, и обоснованно ожидаемыхъ отъ нея возможностей, которыя могутъ служить войнѣ.

(*) Напр. кораблестроенію, артиллеріи, военно-инженерному дѣлу, минному дѣлу, воздухоплаванию, постройкѣ военнаго обмундированія, заготовленію пищевыхъ припасовъ для военныхъ силъ, военной медицинѣ и т. п.

85. Матеріаль, надъ которымъ работаютъ «военныя» науки.

86. Въ основаніе «военныхъ» наукъ кладется гипотеза о неизмѣнности природы человѣка.

Почти всякая наука (понимаемая какъ теорія, въ отличіе ея отъ искусства, т. е. понимаемая какъ знаніе, въ отличіе его отъ умѣнья), за исключеніемъ чистой математики (та исходитъ изъ аксіомъ), основывается на какой-нибудь гипотезѣ (*).

Таковы-же и военныя науки. Въ ихъ основаніе кладется *гипотеза о неизмѣнности въ своей сущности духовной и физической природы человѣка* (**).

87. Разнообразіе формъ всей той-же сущности.

Формы, въ которыхъ проявляется эта сущность, безконечно разнообразны, и отсюда и является разнообразіе у людей, какъ въ ихъ тѣлѣ, такъ и въ мысляхъ и въ поступкахъ; такое разнообразіе, что нельзя найти во вселенной двухъ совершенно одинаковыхъ людей, какъ, впрочемъ, нельзя найти двухъ одинаковыхъ листьевъ на деревьяхъ той-же породы.

Но, какъ и въ листьяхъ мы можемъ указать неизмѣнныя черты, которыя присущи листу вообще — его сущности (и березы и пальмы одинаково, т. е. внѣ зависимости отъ видимой *формы* листа) — его назначеніе использовать солнечный свѣтъ для роста растенія посредствомъ опредѣленнаго вещества хлорофила, и напр. дубовому листу, въ частности (не смотря на разнообразіе породъ дубовъ), — его характерную *форму*, такъ и въ человѣкѣ мы знаемъ цѣлый рядъ элементовъ и въ духовной и физической природѣ, которые имѣются въ наличіи у *всѣхъ* людей, внѣ зависимости отъ тѣхъ формъ, которыя имѣютъ эти элементы, и кромѣ того различаемъ и *типы этихъ формъ* у различныхъ группъ людей, обособляющихся по этимъ формамъ другъ отъ друга, какъ дубы обособляются отъ березъ и пальмъ, хвойныя деревья отъ лиственныхъ и т. п...

88. Составъ физическаго бытія у всѣхъ людей тотъ-же самый.

Тѣло всѣхъ людей имѣетъ тѣ-же органы, имѣющіе тѣ-же назначенія. Эти органы выполняютъ свои назначенія хуже

(*) См. Радловъ. «Философскій словарь», на понятія «теорія» и «гипотеза», Ефремовъ «Словарь иностранныхъ словъ» и «Энциклопедическій словарь» Брокгауза и Ефрона на понятія «гипотеза».

(**) Гипотеза не можетъ быть произвольна, а должна быть строго обоснована. Подробное обоснованіе положенной въ основаніе военныхъ наукъ гипотезы изложено въ первыхъ четырнадцати главахъ книги I-й.

или лучше, они могут находиться въ худшемъ или лучшемъ состояніи, они могутъ быть искусственно развиты больше чѣмъ обыкновенно, они могутъ различаться въ подробностяхъ формы (цвѣтъ кожи, величина, пропорціональность и т. п., но все это лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ), но *сущность* ихъ назначенія все остается той-же самой. Всегда видѣть можно только глазомъ и слышать только ухомъ и ничѣмъ инымъ. Всякое человѣческое тѣло погибнетъ безъ пищи, которая при всемъ своемъ разнообразіи можетъ поддержать жизнь тѣла только пререварившись въ желудкѣ. Всякій человѣкъ долженъ періодически отдыхать и спать, и періодъ дѣятельности между сномъ и отдыхомъ имѣетъ свой предѣлъ, хотя самая работа и отдыхъ и сонъ могутъ принимать самыя разнообразныя формы.

Также всѣ люди имѣютъ тѣ-же органы духа — разумъ, волю, совѣсть, чувства, страсти, которые, выливаясь въ самыя различныя формы, по основному своему назначенію или опредѣленію, т. е. *по сущности*, остаются все тѣ-же.

89. Составъ духовнаго бытія у всѣхъ людей тотъ-же самый (*).

За все извѣстное время существованія человѣчества (**) никто не можетъ указать какихъ-либо измѣненій въ физической природѣ человѣка, и пока нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что эта природа измѣнится и въ будущемъ. И когда это случится, и когда измѣненіе этой природы будетъ происходить *постоянно*, въ основу военныхъ наукъ нельзя будетъ класть гипотезу о неизмѣнности этой физической природы. А, значить, тогда на основныхъ свойствахъ ея нельзя будетъ строить какихъ-либо выводовъ, имѣющихъ характеръ неизмѣнности. Тогда *не только формы* этихъ свойствъ, которыя и теперь могутъ быть безконечно разнообразны, но и самыя свойства перейдутъ въ область *обстановки*, и выйдутъ изъ области основаній, на которыхъ строятся *принципы*.

90. Зависимость неизмѣнности руководящихъ идей (принциповъ) «военнаго» дѣла отъ неизмѣнности физической природы человека.

Теперь мы убѣждены, что *всякій* человѣкъ смертенъ, что раны причиняютъ ему *страданіа* и смерть, и могутъ сдѣлать его

(*) См. о составѣ духовнаго бытія у Вл. Соловьева, полн. собр. соч. т. I, стр. 364—368.

(**) Доказательства этого положенія см. книгу I, гл. VIII, §§ 286—300.

инвалидомъ, что крайнія напряженія *истощаютъ* его организмъ, что физическія силы его *ограничены*, что онъ не можетъ обходиться безъ *отдыха, сна, пищи и питья*, наконецъ, что изъ смерти возврата для него нѣтъ.

И если какой-нибудь выводъ или руководящая идея для дѣйствій строится не на какихъ-либо *формахъ* этихъ сущностей физической природы человѣка, а лишь на самомъ фактѣ *неизмѣннаго* существованія (наличія) этихъ сущностей въ составѣ физической природы человѣка, то эту руководящую идею тоже можно считать *неизмѣнной*, внѣ зависимости отъ переменныхъ элементовъ (обстановки), при наличіи которыхъ ее приходится измѣнять, такъ какъ эти элементы (обстановка) могутъ измѣнить лишь *форму* примѣненія этой руководящей идеи, но не ея сущность.

Но вотъ если-бы въ числѣ людей оказались бессмертные, или могущіе въ періодъ примѣненія нашихъ руководящихъ идей сдѣлаться таковыми, или могущіе обходиться безъ пищи, или не подверженные страданіямъ отъ физическихъ поврежденій, то, конечно, наши руководящія идеи въ каждый данный моментъ могли-бы привести насъ къ ложнымъ расчетамъ и дѣйствіямъ, и тѣмъ самымъ уже не могли быть *неизмѣнными* и независящими отъ обстановки руководящими идеями.

91. Эволюція
духовной при-
роды чело-
вѣка—это
эволюція
только формъ
неизмѣнной
сущности этой
природы.

То, что такъ ясно относительно физической природы человѣка, не представляется въ такой ясности для природы духовной, выражающейся въ мысляхъ и дѣлахъ.

Въ отношеніи этой природы предполагается, что она эволюционируетъ и идетъ къ совершенству. Что она эволюционируетъ по *формамъ*, которыя принимаютъ мысли и дѣла людей,—это несомнѣнно, тогда какъ въ физической природѣ не замѣчается измѣненія и формъ.

Но что измѣняется при этомъ и сущность духовной природы человѣка, что измѣняются основныя свойства этой природы, это пока никѣмъ не доказано, какъ, впрочемъ, никѣмъ не доказана и ихъ неизмѣнность. Эта неопредѣленность является слѣдствіемъ большихъ трудностей въ выдѣленіи сущностей этихъ свойствъ отъ тѣхъ формъ, которыя онѣ

принимаютъ, такъ какъ и самыя эти свойства гораздо труднѣе регистрируются и ощущаются.

Поэтому *эта неизмѣнность предполагается въ видѣ гипотезы*, и предлагается она потому, что опытъ постоянно оправдываетъ такое предположеніе (*).

Опытъ показываетъ намъ, что человѣкъ можетъ быть добрымъ и злымъ, и мстительнымъ и жестокимъ, и храбрымъ и трусливымъ, и сердечнымъ и безжалостнымъ, справедливымъ и несправедливымъ, эгоистомъ и альтруистомъ, правдивымъ и лживымъ, онъ можетъ прибѣгать къ насилію и избѣгать насилія и т. п.

Все это выражается въ безконечно разнообразныхъ формахъ, и формы эти подвержены постоянному измѣненію. Но все это постоянно существуетъ кругомъ насъ и наводитъ насъ на мысль, что все это врожденныя, естественныя неизмѣнно существующія черты человѣческаго духа, которыя можно обуздать или дать имъ волю, или ихъ развивать, но уничтожить ихъ въ корнѣ (въ возможности, въ потенціи) нельзя безъ уничтоженія самого человѣческаго организма, такъ какъ онѣ составляютъ неизмѣнную его принадлежность, какъ составляютъ таковую принадлежность всѣ его физическіе органы. Можно измѣнять убѣжденія доказательствами, и можно воспитывать волю для принужденія поступать согласно извѣстнымъ и убѣжденіямъ и такимъ внѣшнимъ требованіямъ, которыя не согласуются съ внутреннимъ убѣжденіемъ. Но возможность измѣненія всего этого въ обратную сторону остается и въ этомъ человѣкѣ и передается имъ его ребенку.

Человѣкъ, воспитавшій въ себѣ безстрашіе (извѣстную степень безстрашія), родитъ ребенка, въ которомъ навѣрно будетъ чувство страха, и его вновь надо воспитывать для достиженія извѣстной степени безстрашія.

Безъ представленія (гипотезы) о неизмѣнности физической природы человѣка немислима была-бы медицина какъ наука, а психіатрія непременно строится на неизмѣнности и духовной человѣческой природы.

92. Безъ гипотезы о неизмѣнности духовной природы человѣка немислимы вообще всѣ социальныя науки.

(*) Подробное обоснованіе этой гипотезы, см. кн. I, гл. VII—XIV.

Безъ представленія (гипотезы) о неизмѣнности духовной природы человѣка немислима была-бы какъ наука, напр. психологія, въ которой видное мѣсто занимаетъ методъ *самонаблюденія*, результаты котораго переносятся на другихъ. Въ такомъ-же положеніи находится всякое право, ибо оно всегда обосновано на признаніи общности человѣческихъ стремленій въ области экономической и другихъ (*). Тоже самое надо сказать и про исторію, которая судитъ о психическихъ процессахъ прежнихъ людей, исходя изъ изслѣдованій объ этихъ процессахъ въ современности. Однимъ словомъ, безъ гипотезы о той или иной степени неизмѣнности духовной природы человѣка немислима вообще любая соціальная наука.

Въ такомъ-же положеніи находятся и военныя науки, и онѣ нисколько не въ большей мѣрѣ опираются на неизмѣнность человѣческой природы, какъ физической, такъ и духовной, чѣмъ и другія соціальныя науки.

93. Представ-
леніе объ
эволюціи
«сущности»
человѣческой
природы—это
вѣра, а не
знаніе.

Существуетъ ученіе (теорія эволюціи), что въ духовномъ отношеніи человѣчество совершенствуется, что количество добра возрастаетъ, а количество зла убываетъ.

Но такое ученіе поддерживается больше вѣрой, (**), что такъ *должно быть*, чѣмъ убѣжденіемъ, что *такъ есть*, обоснованнымъ на ощутимыхъ доказательствахъ.

(*) Профессоръ Петражицкій говоритъ, что «надлежащимъ и единственно возможнымъ приѣмомъ наблюденія правовыхъ явленій слѣдуетъ признать методъ *самонаблюденія* (интроспективный методъ)». Именно такимъ путемъ, говоритъ онъ «мы приобретаемъ средство добывать свѣдѣнія относительно явленій того-же рода въ психикѣ другихъ индивидовъ». Для построенія аналогій, обоснованныхъ значить не на чемъ иномъ какъ на общности (неизмѣнности) духовной природы у всѣхъ людей, онъ допускаетъ пользованіе указаніями «лѣтописцевъ (значить о людяхъ жившихъ въ прошлыя времена), біографовъ, путешественниковъ (значить о людяхъ живущихъ въ другихъ соціалогическихъ условіяхъ)», и такимъ образомъ предлагаетъ *научно* строить общія положенія, изъ которыхъ могутъ быть дедуктивно выведены сужденія о конкретныхъ случаяхъ, т. е. о *всякомъ* человѣкѣ въ отдѣльности. И заключаетъ онъ свое разсужденіе такъ: «иныхъ методовъ *научнаго* изученія феноменовъ права кромѣ интроспективнаго метода, какъ основного и абсолютно необходимаго для *познанія природы* правовыхъ явленій, нѣтъ и быть не можетъ». Введеніе въ изученіе права и нравственности. Изд. 3-е, 1908 г. § 3 (Заголовокъ: «научный методъ изученія правовыхъ явленій и ихъ элементовъ»), стр. 30—37.

(**) Подробное обоснованіе этого см. кн. I, гл. VII, §§ 256—277, и гл. XII—XIV.

Это происходитъ, во-первыхъ, изъ того, что *формы* проявленія духовной природы дѣйствительно сильно эволюціонируютъ, тогда какъ формы физической природы остаются неизмѣнными; во-вторыхъ—изъ за того, что, будучи труднѣе опредѣлимыми, сущности духовной природы труднѣе отдѣлимы отъ формъ своего проявленія, тогда какъ въ области физической природы это сдѣлать легче; и въ третьихъ—отъ того, что область духовной природы все расширяется въ видѣ расширенія знаній о виѣшней природѣ и искусства пользоваться этими знаніями, и вліяніе все болѣе и болѣе познаваемой виѣшней природы на внутреннюю духовную природу человѣка становится все меньше и меньше, все меньше ее угнетаетъ.

Но всѣ эти причины широкаго расцвѣта духовной природы человѣка и самый этотъ расцвѣтъ не противорѣчатъ представленію о *неизмѣнности* тѣхъ сущностей, которыя образуютъ весь этотъ расцвѣтъ подъ вліяніемъ привходящихъ перемѣнныхъ условій.

Вся мощь культурнаго духовнаго развитія человѣка не повліяла на его отношеніе къ смерти и страданіямъ. *Страхи смерти и страданій* живетъ въ каждомъ человѣкѣ, и у культурнаго человѣка скорѣе увеличился, чѣмъ уменьшился.

Чувство собственности, и своихъ личныхъ и групповыхъ интересовъ и готовность къ борьбѣ за эти собственность и интересы тоже только расцвѣли, и скорѣе обострились изъ за размноженія человѣческаго рода болѣе быстро, чѣмъ возрастаніе благъ, необходимыхъ для человѣческой жизни. Осталась и не уменьшилась, а скорѣе даже возрасла и жажда къ обладанію наибольшимъ количествомъ этихъ благъ для себя, для своей группы, для своего народа и т. д.

Осталась жажда привести другихъ къ *поклоненію своимъ богамъ*¹⁾ (въ смыслѣ религій или культуры или идей—это все лишь формы этихъ боговъ).

94. Культура не уничтожила ни одной сущности духовной природы человѣка—она только видоизмѣнила формы проявленія этой сущности.

¹⁾ Достоевскій, Великій инквизиторъ: «Они создали боговъ и взывали другъ къ другу: «бросьте вашихъ боговъ и придите поклониться нашимъ, не то смерть вамъ и богамъ вашимъ! И такъ будетъ до скончанія вѣковъ».

Осталось инстинктивное, или сознательное какъ необходимо, стремленіе приобѣгать въ борьбѣ, какъ въ области матеріальной, такъ и духовной, къ *насилію*, или къ явной или скрытой *угрозѣ насиліемъ*.

Вся практическая область примѣненія права въ любой общественной группѣ, и въ соотношеніяхъ организованныхъ группъ между собой, обоснована на угрозахъ насиліемъ и на его примѣненіи, въ случаѣ тщетности одной убѣдительности правовыхъ положеній.

Такъ-же какъ и прежде, человѣческая *воля ослабѣваетъ подѣ влияніемъ ужаса*, внезапности и другихъ душевныхъ потрясеній.

Также въ *толпѣ*, какъ культурной такъ и малокультурной, человѣкъ теряетъ свою личность и подчиняется особой психологіи, болѣе примитивной, не мыслимой для него внѣ толпы; также въ толпѣ распространяется какъ зараза страхъ, воодушевленіе, радость, горе...

Все это остается тѣмъ-же, потому-что такъ же неизмѣнна по своей сущности духовная природа человѣка, какъ и физическая его природа, все тѣ-же проявленія этой природы по сущности этихъ проявленій (жалость, благоговѣніе, стыдъ, насиліе, страхъ смерти и страданій и т. п.), и только *форма* этихъ проявленій эволюціонируетъ.

95. Сущ-
ность — въ
проявленіяхъ,
а форма про-
явленій — во
вліяніяхъ на
нихъ обста-
новки.

Собственно, самихъ *сущностей* природы, какъ физической такъ и духовной, мы не знаемъ и даже знать не можемъ, какъ не знаемъ, что такое уругій эфиръ, передающій, по одной изъ существующихъ гипотезъ, свѣтъ. Мы знаемъ только *проявленія* этой сущности, воспринимаемыя нашими внѣшними и внутренними чувствами.

А вотъ эти проявленія мы классифицируемъ по *основнымъ признакамъ*, идущимъ отъ самого человѣка, какъ такового, и могущимъ идти отъ *всякаго*, и *вѣчныхъ* по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя мы имѣемъ о человѣчествѣ (добро, зло, страхъ, насиліе и т. п.), и по *формамъ* этихъ проявленій, безконечно разнообразнымъ, въ зависимости отъ того какой человѣкъ, и въ какой обстановкѣ эти проявленія имѣютъ мѣсто.

Все сказанное, конечно, не можетъ служить исчерпывающимъ *доказательствомъ* неизмѣнности сущностей духовной природы человѣка. Какъ это, такъ и все дальнѣйшее ¹⁾, что будетъ сказано по этому поводу, служить только *основаніями*, которыя объясняютъ, почему принимается такая гипотеза.

Свое дальнѣйшее оправданіе эта гипотеза должна получить на *опытѣ*, и чѣмъ дальше и больше онъ будетъ ее оправдывать, тѣмъ ближе она будетъ къ истинѣ. Если серьезное объективное изслѣдованіе въ области опыта покажетъ, что эта гипотеза противорѣчитъ опыту, она должна быть устранена какъ неизмѣнное основаніе военной науки.

Не ожидая опыта будущаго, прежде всего эта гипотеза должна быть провѣрена объективнымъ серьезнымъ изслѣдованіемъ опыта прошедшаго. Вѣдь и постановка этой гипотезы въ основаніе военной науки явилась, собственно говоря, слѣдствіемъ прежняго военного опыта, и правильность этого требуетъ тщательной провѣрки путемъ сравненія, что должно-бы было быть, какъ выводы изъ этой гипотезы съ тѣмъ, что было на самомъ дѣлѣ. «Исторія военного искусства» должна дать вполне подготовленный матеріалъ для такой провѣрки. И *пока* этотъ матеріалъ оправдываетъ эту гипотезу. Этимъ уже серьезно обосновывается постановка этой гипотезы въ основаніе для вывода неизмѣнныхъ элементовъ военной науки, т. е. ея *принциповъ*, которые до тѣхъ поръ останутся неизмѣнными, пока кореннымъ образомъ не измѣнится по своей сущности человѣкъ. Сверхъ-люди,—когда таковые будутъ,—можетъ быть, совсѣмъ не будутъ воевать, а если будутъ, то будутъ строить подготовку и веденіе войны на совершенно другихъ основаніяхъ, обоснованныхъ на новыхъ неизмѣнныхъ свойствахъ ихъ природы. А если у нихъ этой неизмѣнности не будетъ, то обоснованной именно на этой измѣняемости, которая и будетъ тогда приниматься какъ неизмѣнная сущность этой новой ихъ природы.

96. Обоснованно принятая гипотеза должна оправдаться на опытѣ.

97. Исторія военного искусства должна провѣрить гипотезу о неизмѣнности сущности природы человѣка ²⁾.

¹⁾ Этому посвящена большая часть книги I-й.

²⁾ См. §§ 75—81.

ГЛАВА VI.

Предметъ, задачи и работа стратегіи.

98. Предметъ
стратегіи.

На основаніи всего того, что было сказано раньше (§§ 20, 33, 34, 64—66), стратегію можно опредѣлить такъ: *стратегія, изучивши войну, ведетъ ее, а, значитъ, ее и готовитъ.*

Въ такомъ краткомъ опредѣленіи стратегія заключаетъ въ себѣ *все* военное дѣло. Истинные ея предѣлы найдемъ путемъ исключенія. Прежде всего изъ нея исключается вся военная техника (см. главу четвертую), такъ какъ стратегія принадлежитъ къ специально «военному» отдѣлу военного дѣла. Во-вторыхъ, изъ нея исключается *тактика—веденіе боя*, и значитъ и специально тактическая подготовка къ бою.

Въ третьихъ—исключается *военная организація* (организація военной силы).

И, наконецъ, изъ нея (въ области изученія войны) выдѣляется, какъ особая отрасль специально военного дѣла—*военная исторія* (см. § 74).

Такимъ образомъ оказывается, что *стратегія готовитъ и ведетъ войну, въ специально «военномъ» отношеніи пользуясь какъ средствами:*

- 1) *военной техникой;*
- 2) *военными организаціями;*
- 3) *боемъ.*

Но, очевидно, что тотъ, кто пользуется чѣмъ-либо какъ *средствомъ* для достиженія опредѣленныхъ, ему извѣстныхъ, имъ самимъ себѣ заданныхъ, или заданныхъ ему другимъ, *целей*, также и опредѣляетъ:

1) *сообразно* этимъ *целямъ*, какимъ требованіямъ должно удовлетворять это средство, т. е. *чѣмъ оно должно быть;*

2) *что оно есть* на самомъ дѣлѣ—какова его *природа*; иначе нельзя примѣнять средство *цѣлесообразно*;

3) *гдѣ* (мѣсто) и *когда* (время) это средство должно быть примѣнено, чтобы быть *цѣлесообразнымъ.*

Все это онъ долженъ дѣлать, чтобы *сознательно* и *цѣлесообразно* примѣнять это средство.

Но именно для этой *сознательности*, раньше всего, во главѣ, должно быть поставлено изученіе природы самых *цѣлей* и природы той *обстановки*, въ которой эти цѣли ставятся и достигаются.

А потому стратегія имѣетъ своимъ предметомъ *изслѣдовать* и *формулировать*:

- 1) природу военныхъ явленій, т. е. природу военныхъ цѣлей и природу военной обстановки;
- 2) природу боя;
- 3) природу военныхъ организмовъ, т. е. природу челоѣка и групповыхъ соединеній изъ людей въ обстановкѣ войны (ея подготовки и веденія);
- 4) природу военной техники;
- 5) природу руководящихъ идей для подготовки и веденія войны;
- 6) нормы проявленія этихъ руководящихъ идей для типичныхъ комбинацій обстановки.

На основаніи этихъ изслѣдованій стратегія имѣетъ предметомъ умѣть:

- 1) ставить себѣ вѣрные военные цѣли, сообразно цѣлямъ, которыя ей ставятся извнѣ;
- 2) достигать этихъ цѣлей путемъ цѣлесообразнаго примѣненія руководящихъ идей и другихъ средствъ, сообразно паличной обстановкѣ;
- 3) на основаніи опыта въ постановкѣ военныхъ цѣлей и достиженія ихъ, т. е. на основаніи опыта подготовки и веденія войны, и на основаніи могущей быть предвидимой эволюціи военной обстановки, вырабатывать новыя требованія къ бою, къ военнымъ организмамъ и къ военной техникѣ, не выходя изъ предѣловъ достижимыхъ для нихъ возможностей.

Такъ какъ тактика (веденіе боя и спеціальная къ нему тактическая подготовка), военная организація и военная техника—выдѣлены изъ области стратегіи, какъ отдѣльныя науки и искусства для выработки средствъ стратегіи (военныхъ средствъ для стратегическаго ихъ примѣненія и

99. Задача стратегіи по отношенію къ остальнымъ отдѣламъ военнаго дѣла.

использования), то стратегія свои требованія къ нимъ выражаетъ лишь въ видѣ общихъ руководящихъ идей, ставитъ имъ общія руководящія цѣли для ихъ работы, не входя въ изслѣдованіе *способовъ ихъ достиженія*.

Она указываетъ имъ лишь—*что, почему* ¹⁾, *гдѣ и когда* должно быть сдѣлано, въ видѣ окончательныхъ результатовъ (готовыхъ для стратегическаго примѣненія и использования военныхъ средствъ) ихъ дѣятельности, предоставляя этой ихъ дѣятельности вопросъ *какъ* это должно быть сдѣлано.

Это, конечно, не исключаетъ и возможности и необходимости ставить этимъ подчиненнымъ стратегіи (руководимымъ ею) отдѣламъ военнаго дѣла различныя требованія другъ другу и помимо стратегіи, и ставить требованія и къ самой стратегіи.

Но всѣ эти требованія могутъ носить только двоякій характеръ:

1) или это будетъ лишь развитіе и соотвѣтственная передача все тѣхъ-же руководящихъ требованій стратегіи; напр. тактика, чтобы выполнить руководящее требованіе стратегіи, ставитъ извѣстныя требованія военной организаціи и военной техники, такъ какъ свои *средства* дѣйствія она почерпаетъ у нихъ, и безъ выполнения этихъ своихъ требованій, она не можетъ достигнуть руководящей цѣли, поставленной ей стратегіей;

2) или это будетъ указаніе объема доступныхъ въ своей области возможностей, съ которыми необходимо долженъ считаться ставящій требованія къ средствамъ и ими пользующіеся; напр. возможно технически совершенная артиллерія, т. е. результатъ военной техники,—предъявляетъ къ тактикѣ извѣстныя требованія въ способахъ использования этой артиллеріи (напр. въ смыслѣ дистанцій и маневрирования), и этимъ ограничиваетъ возможности доступныя тактикѣ, а черезъ нихъ оказываетъ вліяніе на таковыя возможности и для стратегіи; технически возможный на

---

¹⁾ Это «почему» въ полной мѣрѣ обязательно для стратегіи какъ науки, долженствующей быть прозрачной (см. § 12 п. 7) и лишь въ возможной мѣрѣ для стратегіи какъ искусства (см. § 14).

кораблѣ или аэропланѣ запасъ топлива, или естественный предѣлъ выносливости человѣка и лошади (напр. для суточного перехода) уже не косвенно (черезъ тактику), а прямо ограничиваетъ возможности для стратегіи и т. п...

Вся совокупность этихъ требованій, во главѣ которыхъ стоятъ руководящія требованія стратегіи, проникающія черезъ тактику, организацію и технику вглубь до природы, до естества элементовъ дѣйствующихъ на войнѣ, навстрѣчу которымъ поднимаются естественныя требованія природы этихъ элементовъ и вводятъ дѣятельность стратегіи и ея требованія въ естественныя границы, вся эта совокупность требованій вмѣстѣ съ цѣлесообразнымъ ихъ выполненіемъ и представляетъ изъ себя военное дѣло въ его полномъ объемѣ.

Но руководящую въ немъ роль по отношенію ко всѣмъ его отдѣламъ играетъ тотъ его отдѣлъ, объемъ котораго опредѣляется выше формулированнымъ предметомъ стратегіи.

100. Стратегія руководитъ остальными отдѣлами военного дѣла.

Но стратегія, въ свою очередь, не вполне самостоятельна. Она выполняетъ лишь требованія *политики* государства, которая ставитъ стратегіи тѣ руководящія военныя цѣли, которыхъ она должна достигнуть присущими ей военными средствами и способами, чтобы государство могло достигнуть цѣлей, преслѣдуемыхъ его политикой (см. §§ 30 и 31).

101. Стратегіей руководитъ политика.

Стратегія, какъ и всякая область человѣческой дѣятельности, раздѣляется на знаніе и умѣнье, иначе говоря на науку (теорію) и искусство (см. §§ 17 и 18).

102. Раздѣленіе стратегіи.

Въ свою очередь, стратегія какъ наука (теорія) раздѣляется на чистую теорію стратегіи (чистую стратегію) и на прикладную теорію стратегіи (прикладную стратегію) (см. §§ 22 и 26).

Задача стратегіи какъ науки (теоріи чистой и прикладной)—выработать объективно-достоверное и систематическое знаніе о томъ, какъ готовить и вести войну, пользуясь какъ средствами: боемъ, военными организмами и военной техникой (см. §§ 19—21 и 98), т. е. изслѣдовать, обобщить, и свести въ систему весь прежній опытъ въ этомъ отношеніи (см. § 34).

103. Задачи стратегіи какъ науки. (См. §§ 39 и 84).

Неизмѣнное требованіе къ ней, какъ къ знанію, наукѣ, теоріи—это *прозрачность* ея работы (см. § 12 п. 7 и § 47) для возможности ея полной провѣрки всякимъ, желающимъ *на свой страхъ* (см. §§ 12 и 14) примѣнять ея указанія на дѣлѣ.

Какъ всякая наука (теорія) она ничего *не рѣшаетъ*, а только *указываетъ* практическому дѣятелю (стратегіи какъ искусству) *сущность* (природу) всего входящаго въ предметъ стратегіи (см. выше § 98), и предлагаетъ ему *условныя нормы* (§§ 7, 23—25, 84 п. 5) рѣшеній различныхъ стратегическихъ вопросовъ, сообразно этимъ сущностямъ (нормы проявленія этихъ сущностей), для различныхъ *типичныхъ* комбинацій безконечно разнообразной обстановки.

104. Задачи и работа чистой стратегіи (чистой теоріи стратегіи). (См. §§ 22, 37 и 84 п.п. 1, 2 и 3).

Первую работу, т. е. опредѣленіе и формулированіе природы (сущностей) всего входящаго въ предметъ стратегіи, беретъ на себя *чистая стратегія* (чистая теорія стратегіи, чистая теорія стратегическаго искусства).

Прежде всего она изучаетъ сущность (природу) войны, какъ извѣстнаго явленія въ человѣческой жизни и работаетъ надъ тѣмъ, чтобы формулировать *принципы* (см. §§ 77 и 79) подготовки и веденія войны.

105. Методы вывода принциповъ въ чистой стратегіи.

Она, исходя изъ всесторонне ею обоснованной гипотезы (см. §§ 86—96) о неизмѣнности человѣческой природы (по ее сущности), дѣлаетъ это двумя путями (см. § 84 п. 1—3):

1) посредствомъ изученія природы человѣка и народовъ:
а) по ихъ отношенію къ войнѣ, какъ къ явленію;
б) поставленныхъ въ обстановку вооруженной борьбы; такой методъ (логическій, умозрительный) вывода принциповъ—это методъ *дедуктивный*, синтетическій, въ которомъ путь доказательствъ—прогрессивный—отъ *причинъ къ слѣдствіямъ*;

2) посредствомъ изученія прежнихъ войнъ въ самыхъ разнообразныхъ обстановкахъ, дѣлая соотвѣтственный отборъ матеріала изъ военной исторіи (см. §§ 69—76, 80 и 82); такой методъ (историческій) вывода принциповъ—это методъ *индуктивный*, аналитическій, въ которомъ путь доказательствъ—регрессивный—отъ *слѣдствій къ причинамъ*.

Оба метода повѣряютъ:

1) результаты работъ другъ друга (см. § 73);

2) вмѣстѣ съ тѣмъ и правильность положенной въ основу ихъ гипотезы, ибо: если историческія изслѣдованія покажутъ, что руководящія идеи (принципы), приводившія къ побѣдѣ въ самыхъ различныхъ обстановкахъ, *въ своей сущности* (а не въ примѣненіи, что зависѣло отъ особенностей той или другой наличной обстановки) *всегда* исходили изъ пониманія (сознательнаго или безсознательнаго—это въ данномъ случаѣ безразлично) сущности человѣческой природы, и что эти идеи въ этой своей сущности *всегда* оказывались тѣми-же самыми, то это подтверждаетъ, что неизмѣнна и сущность человѣческой природы; съ другой стороны, если принципы, выведенные дедуктивнымъ методомъ изъ какихъ-то, установленныхъ умозрительнымъ изслѣдованіемъ, сущностей человѣческой природы, совпадутъ съ принципами, выведенными историческимъ путемъ, посредствомъ изслѣдованія военной дѣятельности цѣлаго ряда разныхъ лицъ, жившихъ въ разныхъ эпохи и принадлежавшихъ къ разнымъ народностямъ, то это тоже подтверждаетъ, что эти сущности неизмѣнны.

Для еще большаго контроля (см. § 73) полученныхъ этими путями выводовъ, можно и слѣдуетъ ¹⁾ обратиться и къ третьему пути—*догматическому*, т. е. къ мнѣніямъ авторитетовъ, въ данномъ случаѣ—къ ихъ мнѣніямъ о неизмѣнности человѣческой природы, о неизмѣнности принциповъ и ихъ формулировкѣ.

Вотъ такими путями, поставленная въ основѣ изслѣдованія (въ данномъ случаѣ вывода и формулированіе принциповъ) гипотеза, можетъ находить свое подтвержденіе на опытѣ (см. § 96), безъ чего она должна быть отринута.

Историческій методъ обоснованія принциповъ, хотя по существу и принадлежитъ къ области чистой стратегіи, по въ дѣйствительности онъ выдѣляется въ особую чистую науку — «исторію военнаго искусства» (см. §§ 80—81), которая получаетъ отъ чистой стратегіи лишь руководящія

106. Историческій методъ обоснованія принциповъ чистой стратегіи выдѣляется въ особую науку — исторію военнаго искусства».

¹⁾ См. Лереръ. Методъ военныхъ наукъ, стр. 43.

идей и определенную цель—найти въ опытѣ прошлаго и формулировать то, что теперь и въ будущемъ будетъ вести къ побѣдѣ. Сообразно этой цели «исторія военного искусства» производитъ соотвѣтствующій отборъ матеріала, изслѣдуетъ его, и результатъ этого изслѣдованія, въ видѣ историческаго обоснованія (или опроверженія) принциповъ, передаетъ чистой стратегіи.

107. Чистая стратегія (чистая теорія стратегіи)—это философія военнаго дѣла. (См. § 121).

Выведенные и провѣренныя такими путями *принципы* (руководящія идеи) подготовки и веденія войны, являются, очевидно (см. § 98), исходными положеніями и для остальныхъ военныхъ наукъ (для чистыхъ теорій остальныхъ отдѣловъ военнаго дѣла), которыя ложатся въ ихъ основаніе или непосредственно, въ видѣ формулированныхъ въ стратегіи принциповъ, или изъ нихъ (въ специально «военныхъ» наукахъ) или въ сочетаніи съ ними (въ военно-техническихъ наукахъ, см. главу IV) выводятся и формулируются другіе спеціальныя для этихъ наукъ принципы.

Если прибавить къ этому тотъ фактъ, что стратегія опредѣляетъ природу ихъ предметовъ (она опредѣляетъ природу и «исторію военного искусства»), и даетъ руководящія идеи для ихъ дѣятельности (см. §§ 98 и 99), то устанавливается фактъ, что именно въ стратегіи военные явленія получаютъ наиболѣе полное *обобщеніе* со стороны своей причинности, природы и закономерности, или неизмѣннаго порядка. А потому, въ этомъ смыслѣ, чистую стратегію можно опредѣлить какъ *философію военнаго дѣла*.

Дѣйствительно, вѣдь одно изъ требованій, предъявляемыхъ философій состоитъ въ томъ, чтобы она устанавливала основныя истины, могущія служить отправными точками для всѣхъ наукъ, и этимъ она стремится къ ихъ объединенію, т. е. къ единству науки.

Вотъ въ области военнаго дѣла, эту роль и выполняетъ стратегія. Установить основначала военныхъ явленій, разработать, исходящія изъ этихъ основначалъ, отправныя точки зрѣнія (руководящія идеи, принципы) для всѣхъ остальныхъ военныхъ наукъ—это философская работа чистой стратегіи. Исходитъ она изъ формулированія опыта про-

педшаго и повѣрки его изслѣдованіемъ о сущности (природѣ) войны.

Эту работу можно еще опредѣлить—какъ формулированіе *здраваго смысла* относительно сущности (природы) военныхъ явленій и задачъ всѣхъ военныхъ наукъ. Объединяется все военное дѣло, проникающей во всѣ его отрасли, до мельчайшихъ ихъ развѣтвленій, общей идеей—*найти, формулировать и осуществить пути къ побѣдѣ*.

Характеристика чистой стратегіи, какъ философіи военного дѣла, требуетъ еще нѣкоторыхъ поясненій во избѣжаніе недоразумѣній, могущихъ возникнуть при возможныхъ на почвѣ этой характеристики выводахъ.

108. Что такое
«цѣльное»
знаніе.

Предположеніе о возможности такихъ недоразумѣній обосновано на томъ, что не существуетъ твердо установленныхъ и общепризнаваемыхъ въ философской наукѣ положеній о задачахъ и о содержаніи философіи, и мнѣнія объ этомъ не только крайне разнообразны ¹⁾, но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ эти мнѣнія имѣютъ одинаковое право на существованіе. Въ этомъ одна изъ особенностей науки философіи, и эта особенность вполне естественна и нисколько не умаляетъ огромнаго значенія философіи.

Здѣсь, конечно, не мѣсто разбираться въ этомъ разнообразіи. При томъ, конечно, такая задача мнѣ совершенно и непосильна. Но фактъ наличія вышеупомянутаго разнообразія даетъ съ одной стороны неоспоримое право свободного выбора въ этомъ разнообразіи ²⁾, а съ другой стороны—налагаетъ на ссылающагося на философію обязанность точно указать,—*что именно* онъ подразумѣваетъ подъ этимъ именемъ. Вотъ это я и дѣлаю.

Философія создаетъ потребность связать разрозненные выводы *частнаго* знанія и такимъ образомъ найти опору для

¹⁾ См. напр. изслѣдованіе профессора философіи Виндельбанда «Что такое философія?» (О понятіи и исторіи философіи) въ его «Прелюдіяхъ» (философскія статьи и рѣчи). 1904 г.

²⁾ Болѣе подробное обоснованіе этого права см. мою работу «О теоріи въ военномъ дѣлѣ». Глава I. Работа эта напечатана въ «Морскомъ Сборникѣ» за 1914 г.

цѣльнаго знанія. Философія возникаетъ, какъ учили Платонъ и Аристотель, изъ «удивленія», или какъ опредѣляли Декартъ и Бэконъ, изъ «сомнѣнія». Ея задача двоякая—ислѣдованіе (анализъ) основныхъ понятій познанія, дѣятельности и бытія, и, во-вторыхъ, обобщеніе (синтезъ) добытыхъ путемъ анализа принциповъ въ стройную систему т. е. *построеніе цѣльнаго научно-разработаннаго мировоззрѣнія* ¹⁾.

Вотъ стратегія и должна, съ моей точки зрѣнія, давать *цѣльное знаніе о войнѣ*.

Чѣмъ-же опредѣляется *цѣльное знаніе* о какомъ либо предметѣ? Будемъ называть этимъ именемъ такое знаніе, которое стремится удовлетворить всѣ стороны человѣческаго духа, а не только какую нибудь одну изъ этихъ сторонъ ²⁾.

Духовная природа человѣка представляетъ три основныя формы бытія: умъ (мысленіе), дѣятельную волю и чувство. Каждая изъ этихъ формъ имѣетъ двѣ области дѣятельности—исключительно личную и общественную. Направленіе дѣятельности ума, воли и чувства въ первой области можетъ быть внѣ связи со всѣмъ окружающимъ ³⁾. Это будетъ чисто *субъективное* направленіе дѣятельности, безъ всякаго намѣренія распространить ее на другихъ. Все, что создастъ въ этой области умъ и чувство, и что выполнитъ воля, не будетъ имѣть никакой цѣли по отношенію къ другимъ, т. е. не будетъ имѣть цѣли убѣдить ихъ въ истинности результата работы ума, въ красотѣ созданнаго чувствомъ, не будетъ имѣть цѣли побудить волю другихъ къ какимъ-либо дѣйствіямъ, и ничего не будетъ доказывать другимъ.

Въ области общественной дѣятельности это будетъ совсѣмъ иначе. Здѣсь умъ долженъ стремиться найти *объективную*

¹⁾ См. философскій словарь Э. Л. Радлова, изд. 1913 г., стр. 634. Введенскій. Логика какъ часть теоріи познанія. 2-е изд. 1912 г., стр. 24—31.

²⁾ Излагаю это опредѣленіе примѣняясь къ труду Вл. Соловьева «Философскія начала цѣльнаго знанія». Собраніе сочиненій В. С. Соловьева. 2-е изд. т. I.

³⁾ Въ этой области отдѣльный человѣкъ можетъ напр. опредѣлить умомъ, что одежда ему не нужна. Чувство его можетъ поддержать выводъ его ума, находя въ отсутствіи одежды красоту. Воля-же осуществить выводы ума и чувства, и такой человѣкъ перестанетъ употреблять одежду.

истину, т. е. могущую быть *обязательной* для всѣхъ путемъ подбора соотвѣтствующихъ доказательствъ, рассчитанныхъ на убѣжденіе другихъ. Чувство въ этомъ случаѣ будетъ стремиться закрѣпить свое непосредственное состояніе объективнымъ его выраженіемъ, такъ рассчитаннымъ, чтобы чувствуемая красота почувствовалась и другими, т. е. оно будетъ стремиться создать или выразить *объективную красоту*. Именно такое направленіе и имѣетъ работа въ области художества. Воля же въ области общественной дѣятельности принимаетъ указанія ума и чувства къ выполнению, если это ведетъ къ *объективному благу* ¹⁾, т. е. къ благу общества (отдѣльной его группы или всего человѣчества).

Умъ, который находитъ какую-либо объективную истину, даетъ человѣчеству какое-то знаніе, но знаніе еще не *цѣльное*, а только *частное*. Напр. таковы сами по себѣ тѣ несомнѣнныя истины, что сумма угловъ въ треугольникѣ равна двумъ прямымъ, или что извѣстное соединеніе водорода съ кислородомъ образуетъ воду.

Такое знаніе само по себѣ еще ничего не говоритъ человѣческому *чувству*, и не можетъ подвинуть къ извѣстному рѣшенію *человѣческую волю*. Чувство оцѣнитъ эти несомнѣнныя истины только въ томъ случаѣ, если ему откроется ихъ отношеніе къ смыслу или разуму (*логосу*) всего существующаго, и въ этомъ отношеніи проявится или красота (стройность и мудрость) всего существующаго, или какъ противоположность этой красотѣ—проявленіе хаоса. И когда умъ и чувство опредѣлятъ то благо или зло (практическую цѣль), которое можетъ быть извлечено для человѣчества (или извѣстной общественной группы) при примѣненіи этихъ истинъ, воля дастъ импульсъ для соотвѣтствующаго ихъ примѣненія, т. е. для соотвѣтственной *практической дѣятельности*.

Вотъ такое всесторонне (умомъ, чувствомъ и волей) обоснованное знаніе, не только отвлеченно теоретическое, но вмѣстѣ съ тѣмъ и *чисто практическое*, т. е. заключающее

---

¹⁾ Само по себѣ представленіе объ объективномъ (общемъ) благѣ могло создаться изъ понятія о личномъ благѣ путемъ длительного воздѣйствія общества на его членовъ (см. кн. I, главу IX).

въ себѣ и чисто практическую цѣль, можно назвать *цѣльнымъ* знаніемъ.

Въ своемъ мѣстѣ (см. § 10, выписка) я уже указывалъ, что всякое знаніе должно имѣть *практическую цѣль*. Отдѣлить теоретическій или познавательный элементъ, отъ элемента нравственнаго или практическаго, и отъ элемента художественнаго или эстетическаго можно было-бы только въ тѣхъ случаяхъ, если-бы духъ человѣческій раздѣлялся на нѣсколько самостоятельныхъ существъ, изъ которыхъ одно было-бы *только* умомъ, другое — *только* чувствомъ, третье — *только* волей. «Но такъ какъ этого нѣтъ и быть не можетъ, такъ какъ всегда и необходимо предметъ нашего познанія есть вмѣстѣ съ тѣмъ предметъ нашей воли и чувства», заключаетъ отсюда Вл. Соловьевъ ¹⁾, «то чисто теоретическое, отвлеченно научное знаніе всегда было и будетъ праздною выдумкой, субъективнымъ призракомъ».

109. Философія
военнаго дѣла — это
«цѣльное»,
«жизненное»
знаніе о войнѣ.

Отысканіе этого цѣльнаго знанія, знанія не отвлеченно-теоретическаго, а *живого* или *жизненнаго*, и составляетъ предметъ философіи вообще, и въ частности философскаго изслѣдованія въ любой области человѣческаго знанія.

Поэтому философія военнаго дѣла должна быть *цѣльнымъ*, *жизненнымъ* знаніемъ о войнѣ. Она не можетъ ограничиться одной работой ума, одной только *истиной* о войнѣ. Пусть эта работа констатируетъ, съ доступной ей степенью доказуемости, что напр. война — это естественная составная часть жизни человѣческихъ обществъ, неизбежная пока существуетъ человѣчество, нестербимая никакимъ культурнымъ прогрессомъ. Пусть умъ докажетъ, что мнѣніе о томъ, что война представляетъ изъ себя варварскій пережитокъ, имѣющій исчезнуть въ человѣчествѣ — безусловно ложно. Такая истина не будетъ еще цѣльнымъ знаніемъ о войнѣ, и не дастъ еще никакого импульса для той или иной практической дѣятельности по отношенію къ войнѣ и въ области военныхъ явленій. Нужно, чтобы умъ еще опредѣлилъ

¹⁾ «Философскія начала цѣльнаго знанія». Полн. собр. соч. 2-е изд. т. I, стр. 344—345.

соотвѣтствуетъ-ли война разуму (логосу) всего существующаго. Надо, чтобы чувство еще констатировало нарушается-ли она стройность (красоту) этого существующаго, или является-ли она ея составной частью, т. е. можетъ-ли быть найдена въ явленіяхъ войны объективная красота. Надо, чтобы было выяснено—въ какой мѣрѣ и въ какихъ проявленіяхъ война благо или зло для человѣчества или для отдѣльныхъ человѣческихъ обществъ. И вотъ только тогда воля опредѣлитъ характеръ практической дѣятельности въ области военныхъ явленій, и создастъ *умъ* въ этой области (см. § 9).

Собразно тремъ основнымъ формамъ бытія духовной природы человѣка, работающимъ совместно для нахождения философскаго (цѣльнаго) знанія, философія естественно дѣлится на три отрасли (дисциплины): въ первой умъ констатируетъ,—что истинно и что ложно, во второй чувство опредѣляетъ—что прекрасно и что безобразно, въ третьей воля рѣшаетъ—что хорошо и что худо, и сообразно съ этимъ направляетъ практическую дѣятельность.

Области, въ которыхъ работаютъ эти дисциплины, цѣли работы, и основныя средства для ея выполненія, можно представить въ видѣ таблицы:

Области. Цѣли и средства	I. Область знанія.	II. Область творчества.	III. Область практической дѣятельности
Цѣль (объективный принципъ).	истина	красота	общее благо
Средство (субъективная основа).	мышленіе	чувство	воля

Въ области знанія, прежде чѣмъ примѣнять мышленіе для нахождения истины, надо опредѣлить до какихъ предѣловъ распространяется познавательная способность мышленія, и каковы тѣ законы мышленія, которые обезпечиваютъ его пригодность для сужденія объ истинности. Та философская дисциплина, которая занимается этими вопросами называется

110. Только «цѣльное» знаніе о войнѣ можетъ прочно перейти въ жизнь и создать настоящее «умѣнье».

111. Раздѣленіе философіи.

теоріей познанія (гносеологіей)¹⁾, а та часть теоріи познанія, которая спеціально разсматриваетъ вопросъ о *правильномъ* мышленіи, называется логикой²⁾.

Логика и представляетъ собою первую ступень въ філософіи, такъ какъ только тогда, когда извѣстны законы правильного мышленія, и на что это правильное мышленіе необходимо должно опираться, можно опредѣлить дальше какой области оно идти не можетъ. Обосновываясь на логикѣ, теорія познанія отдѣляетъ тѣ вопросы, которые могутъ быть доказаны мышленіемъ съ помощью логики, отъ тѣхъ которые доказаны бытъ мышленіемъ не могутъ, и могутъ лишь познаваться чувствомъ.

Но самое констатированіе факта ихъ недоказуемости, а значитъ и неопровержимости—это тоже научно обоснованное мнѣніе. А потому въ составъ *научно* разработаннаго міровоззрѣнія (см. выше, § 108) могутъ входить какъ мысли, которыя будутъ вполне доказаны, такъ и такія мысли, про которыя мы научнымъ путемъ убѣдились, что онѣ и недоказуемы и неопровержимы, при чемъ будетъ указано почему именно онѣ недоказуемы, и про которыя можно дать отчетъ, почему тѣмъ не менѣе мы предпочитаемъ ихъ всѣмъ другимъ, столь-же недоказуемымъ и неопровержимымъ, мыслямъ.

112. Область
«знанія» и
область
«вѣры».

Область, въ которой заключаются доказуемыя мысли, называется областью *знанія*. Перейдя-же границы области знанія, мы попадаемъ въ область, въ которой возможны лишь одинаково недоказуемыя и одинаково неопровержимыя мнѣнія, въ область *вѣры*³⁾. Въ этой области можно обосновать

¹⁾ На ряду съ терминомъ «теорія познанія» приходится употреблять его синонимъ—«гносеологія», такъ какъ отъ перваго термина нельзя образовать прилагательнаго безъ насилія для русскаго уха.

²⁾ Опредѣленіе логики и теоріи познанія изложены примѣнительно къ изложенію этихъ вопросовъ профессоромъ Введенскимъ въ его «Логикѣ, какъ части теоріи познанія». 2-е изд. 1912 г.

³⁾ Область вѣры—это остатокъ, который получается чрезъ вычитаніе знанія изъ всѣхъ мыслей, сопровождаемыхъ увѣренностью въ ихъ истинности. Значитъ предметомъ вѣры служитъ *непознаваемое*. Подробнѣе см. Введенскій. Логика какъ часть теоріи познанія. Изд. 2-е, 1912 г., стр. 420 и дальше.

предпочтеніе оказанное одному мнѣнію . передъ другимъ объясненіемъ, но не доказательствомъ ¹⁾).

По отношенію къ предѣламъ области знанія, предметы раздѣляются на *имманентные* и *трансцендентные* ²⁾.

По отношенію ко вторымъ, теорія познанія устанавливаетъ, что никакое знаніе о нихъ невозможно, ибо мнѣніе о нихъ

1) Этимъ не отрицается утвержденіе мистической школы, что именно вѣра и познаетъ настоящую сущность вещей, что именно въ вѣрѣ (прозрѣніи, интуиціи, интеллектуальномъ созерцаніи) заключается единственный источникъ познанія истины. Это и утверждается мистической гносеологіей (теоріей познанія). Но и эта гносеологія не утверждаетъ, что въ области вѣры работаетъ мышленіе. И значитъ все-таки остается отдѣленіе области въ которой работаетъ мышленіе отъ той области, въ которой господствуетъ вѣра.

2) Имманентные предметы—это такіе, которые или дѣйствительно воспринимаются нами въ *опытъ*, или *могли-бы* быть восприняты въ немъ, если-бы мы перенесли на другое мѣсто, или жили-бы въ другое время, или-же при помощи надлежащихъ инструментовъ достаточно изощрили внѣшнюю или внутреннюю восприимчивость. Однимъ словомъ — это предметы, которые остаются въ предѣлахъ опыта, *возможнаго* для существа, имѣющаго такую-же организацію познавательныхъ способностей какъ у людей.

Трансцендентные-же предметы—это такіе, которые по самому понятію о нихъ, при существующей организаціи нашихъ познавательныхъ способностей, никогда, нигдѣ и ни при какомъ изощреніи нашихъ способностей внутренняго воспріятія *не могли-бы быть восприняты въ опытъ*, такъ что они, по самому существу своему, остаются за предѣлами не только дѣйствительно переживавшагося кѣмъ-либо, но и всякаго возможнаго опыта, т. е. они остаются за предѣлами и всѣхъ возможныхъ экспериментовъ, и всѣхъ возможныхъ наблюденій, гдѣ-бы и когда-бы ни производились тѣ и другіе, и какъ бы ни изощрялась при этомъ наша внѣшняя или внутренняя восприимчивость при помощи подходящихъ инструментовъ.

Напр. душа и Богъ, по самому понятію о нихъ, *не могутъ* быть восприняты въ опытѣ, пока организація нашихъ познавательныхъ способностей остается такой-же, какова она у насъ сейчасъ, такъ-что эти предметы остаются внѣ предѣловъ всякаго возможнаго опыта: ихъ нельзя воспринять въ опытѣ никогда и ни при какомъ изощреніи нашей восприимчивости. Слѣдовательно, это — трансцендентные предметы. Предметы-же находящіеся на Марсѣ — это предметы имманентные, ибо, хотя они никогда и не воспринимались и, по всей вѣроятности, никогда и не будутъ восприняты на опытѣ, но они, все таки, остаются въ предѣлахъ *возможнаго* опыта, потому-что они *могли-бы* восприниматься нами безъ всякой перемѣны нашихъ познавательныхъ способностей, если-бы мы перенесли съ земли на Марсъ, или—если-бы мы при помощи надлежащихъ инструментовъ достаточно изощрили наше зрѣніе. См. Введенскій. Логика какъ часть теоріи познанія. 2-е изд. 1912 г. стр. 32.

недоказуемо, и всякое о нихъ мнѣніе остается лишь *отрой*, хотя-бы даже и неопровержимой, но вмѣстѣ съ тѣмъ и недоказуемой посредствомъ мышленія.

Излагать здѣсь теорію познанія, хотя-бы и въ самомъ общемъ и краткомъ видѣ, конечно, не мѣсто—для этого надо обратиться къ соотвѣтствующимъ специальнымъ трудамъ. Но одну изъ частностей установленныхъ въ ней предѣловъ познанія указать здѣсь необходимо.

Она отмѣчаетъ, что и въ, казалось-бы, точныхъ наукахъ, напр. въ математикѣ и естествовѣдѣніи, имѣются части, относящіяся не къ области знанія, а къ области вѣры. Таковы въ математикѣ представленія о времени и пространствѣ¹⁾ и въ естественныхъ наукахъ гипотезы, которыя положены въ основанія этихъ наукъ. Таковы напр. гипотезы объ атомахъ, электронахъ, эфирѣ, силѣ всемірнаго тяготѣнія и т. п... Гипотеза уже сама по себѣ, какъ таковая, недоказуема, и можно только *объяснить* почему выбирается извѣстная гипотеза, а не другая.

Но и гипотезы бываютъ двоякаго рода—имманентныя и трансцендентныя²⁾. Первые могутъ обратиться въ «знаніе», и тогда онѣ уже перестаютъ быть гипотезой. Такова напр. гипотеза о существованіи Нептуна, или гипотеза Коперника. Таковой можетъ оказаться и гипотеза объ электронахъ, когда будетъ установлено точнымъ опытомъ наличие такого элемента. Трансцендентныя гипотезы всегда останутся вѣрой, такъ какъ предполагаемая въ гипотезѣ причина по самой природѣ своей не можетъ быть наблюдаема на опытѣ.

Таковы гипотезы о душѣ, о жизненной силѣ, о силѣ всемірнаго тяготѣнія (не о приписываемыхъ ей дѣйствіяхъ, а о ней самой).

Также недоказуемо и впредь всякое мнѣніе о природѣ пространства и времени.

¹⁾ Кантъ называетъ время и пространство *созерцаніями*. И то и другое не можетъ быть непосредственно воспріято на опытѣ, и является априорной формой внутренняго воззрѣнія.

²⁾ См. Введенскій. Логика какъ теорія познанія. Изд. 2-е, 1912 г. стр. 291 и дальше.

Необходимо отмѣтить, что та гипотеза, которая ложится въ основаніе военныхъ наукъ, что природа человѣка неизмѣнна (см. §§ 88—92 и необходимыя оговорки объ условности этого понятія, см. § 219), и что въ составѣ этой природы неизмѣнно пребываетъ «насиліе» (см. § 94¹⁾) гипотеза имманентная, а не трансцендентная.

Въ послѣднее время намѣчается теченіе ограничить все содержаніе философіи почти только одной теоріей познанія. Но тогда философія не можетъ пониматься, какъ стремящаяся создать *цѣльное* міровоззрѣніе, или дать *цѣльное* знаніе о какомъ-либо предметѣ. Она не будетъ даже тогда стремиться давать даже первую составную часть такого знанія—истину, а будетъ давать только *средство* къ нахожденію этой истины. Поэтому я принимаю опредѣленіе профессора Введенскаго, который говоритъ ²⁾, что «философія есть міровоззрѣніе, научно переработанное при помощи теорій познанія, или иначе: философія есть теорія познанія съ присоединеніемъ связанной съ нею и основанной на почвѣ добытыхъ ею выводовъ системы научно-разработаннаго міровоззрѣнія». Введенскій указываетъ, что философія не можетъ быть охарактеризована, какъ всего только теорія познанія, потому что теорія познанія *сама по себѣ* не будетъ имѣть иного значенія или смысла, кромѣ удовлетворенія любознательности; а всякая наука должна имѣть какое-нибудь важное значеніе (см. §§ 10 (выноска) и 108), такъ что и теорія познанія должна изучаться не ради ея самой, не ради того, чтобы заниматься ею какъ особымъ умственнымъ спортомъ, а для улучшенія міровоззрѣнія.

Чтобы это міровоззрѣніе было *цѣльнымъ*, найденное посредствомъ теорій познанія знаніе должно быть оцѣнено *чувствомъ* и *волей*, а потому въ составѣ философіи должны необходимо входить и ученія (дисциплины) о различеніи красоты отъ

113. Составъ философіи какъ «цѣльнаго» знанія.

114. Составъ философіи войны какъ «цѣльнаго» знанія.

¹⁾ То, что изложено въ настоящемъ введеніи въ §§ 88—94 кратко и схематично, развито подробно, и поспѣшно для меня обосновано въ книгѣ I «О насиліи». Н. К.

²⁾ См. его *Логикъ*, какъ часть теорій познанія, изд. 2-е, 1912 г., стр. 29 и дальше.

безобразія и хорошаго отъ худого. Первое ученіе называется эстетикой, а второе этикой¹⁾. Называя *условно*, лишь для краткости, представленіе о законахъ правильнаго мышленія, вмѣстѣ съ приложеніемъ ихъ къ нахожденію истины о предметѣ изслѣдовапія, *логикой*, мы опредѣлимъ философію, какъ науку стремящуюся дать *цѣльное* знаніе о предметѣ изслѣдовапія, какъ состоящую изъ трехъ философскихъ дисциплинъ: логики, эстетики и этики.

Въ этомъ смыслѣ мы будемъ считать, что и философія военнаго дѣла (чистая теорія войны) заключаетъ въ себѣ *логику войны, эстетику войны и этику войны*.

Въ самой философіи какъ отдѣльной наукѣ, конечно, должна заключаться и теорія познанія и, какъ ея часть—логика. Въ философскомъ-же построеніи цѣльнаго знанія о какомъ либо конкретномъ предметѣ—въ данномъ случаѣ о войнѣ—можно воспользоваться положеніями теорій познанія и логики, какъ уже установленными въ наукѣ средствами для отысканія истины, и *логикой войны*, опять таки *условно*²⁾, о чемъ надо всегда помнить, можно назвать уже самый процессъ нахожденія истины о войнѣ вообще и о различныхъ военныхъ явленіяхъ въ частности. *Эстетика войны*—это будетъ изслѣдованіе военныхъ явленій съ точки зрѣнія представленій о красотѣ, а *этика войны*—съ точки зрѣнія общаго блага (всего человѣчества или отдѣльной общественной группы).

---

¹⁾ Профессоръ В. Виндельбандъ находитъ, что только и существуютъ «три собственно философскія дисциплины: логика, этика и эстетика». Подробности его обоснованія этого утвержденія см. его «Прелюдія, философскія статьи и рѣчи». 2-е изд. 1904 г., статью «Что такое философія», стр. 30 и дальше.

²⁾ Извѣстное право на такое *условное*, для краткости, обозначеніе и обосновываю на томъ, что въ разговорномъ языкѣ подѣ «логикой» сплошь и рядомъ подразумѣвается не только сама логика, но и *практическое* ея примѣненіе. Общеупотребительное выраженіе «логика хромаетъ» относится не къ самой логикѣ, а именно къ *примѣненію* логики въ какомъ-нибудь конкретномъ случаѣ.

Б. А. Кистяковский въ своемъ трудѣ «Соціальныя науки и право», употребляетъ выраженіе (напр. стр. 271) «логика социальныхъ наукъ», причемъ по смыслу это есть именно примѣненіе положеній логики въ области социальныхъ наукъ.

Въ общей философіи, надъ которой человѣчество работаетъ больше 2000 лѣтъ, эти три составляющія ея дисциплины—логика, эстетика и этика представляютъ изъ себя отдѣльныя науки, которыя разрабатывались и разрабатываются не только совмѣстно, но и раздѣльно различными авторами, и каждая изъ нихъ имѣетъ свою обширную литературу. Желаящій выработать въ себѣ *цѣльное* міровоззрѣніе можетъ это сдѣлать только при помощи всѣхъ трехъ этихъ философскихъ дисциплинъ.

Въ частной философіи, въ данномъ случаѣ въ философіи войны, которая находится пока еще только въ зародышевомъ состояніи, эти отдѣльныя стороны цѣльнаго воззрѣнія на войну, конечно, не могли еще въ дѣйствительности вылиться въ отдѣльныя дисциплины. Онѣ могли намѣтиться только въ идеѣ. Но если ихъ нельзя еще изложить въ видѣ отдѣльныхъ хотя-бы только изслѣдованій, все таки, разъ установлена идея объ ихъ органической связи по цѣли—дать *цѣльное* знаніе о войнѣ, дѣлающей попытку построить такое *цѣльное* знаніе, этимъ самымъ обязывается въ своей работѣ дать взглядъ на войну и съ логической и съ эстетической и съ этической точекъ зрѣнія. Иначе предлагаемое имъ знаніе будетъ лишено *цѣльности*, т. е. при предлагаемомъ пониманіи этого термина (см. § 109), оно будетъ лишено *жизненности*.

Именно въ отсутствіи этой «жизненности» лежитъ одна изъ главныхъ причинъ, почему столь часто въ различныхъ областяхъ человѣческой дѣятельности существуетъ такая пропасть между теоріей (знаніемъ) и практической дѣятельностью. И вотъ именно *философское* изслѣдованіе, ставящее себѣ цѣлью дать *цѣльное* знаніе о предметѣ, является однимъ изъ лучшихъ средствъ заполнить эту пропасть, которая не даетъ знанію возможности проявить всю ту плодотворную силу, которая въ немъ заложена, и дѣлаетъ его *мертвымъ* для практической дѣятельности.

Въ области войны эта пропасть, образовавшаяся благодаря *нежизненности* знанія о войнѣ, называется *пацифиз-*

115. Колебанія между пацифизмомъ и милитаризмомъ какъ результатъ отсутствія «цѣльнаго» знанія о войнѣ.

момъ¹⁾), который и является главнымъ препятствіемъ къ осуществленію военныхъ знаній въ жизни, въ практической дѣятельности человѣчества, который обезкровливаетъ эти знанія, дѣлаетъ ихъ мертвыми. И какъ-же можетъ быть иначе, если человечество склонно опредѣлять войну какъ временный *хаосъ*, противорѣчащій красотѣ и мудрости мірозданія (логоса всего существующаго), какъ временное *зло*, противорѣчащее общему благу. Изъ этой склонности и возникаетъ пацифизмъ, обезкровливающій военныя знанія.

Если это на самомъ дѣлѣ такъ, если это выводъ дѣйствительнаго *цѣльнаго* знанія о войнѣ, то возражать противъ этого не приходится. Пусть тогда процвѣтаетъ пацифизмъ, какъ выводъ *цѣльнаго* знанія, пусть онъ обезкровливаетъ по существу вредныя для человѣчества военныя знанія и пусть этимъ путемъ сокрушается война какъ неестественное безобразіе и зло въ жизни человѣчества, противорѣчащія сущности его природы. Пусть восторжествуетъ въ своемъ полномъ проявленіи *истинная* природа человѣчества, пусть въ этомъ торжествѣ проявится *истинный* разумъ (логосъ) всего существующаго, его вѣчная мудрость, красота и благо!

Но передъ всѣми этими «пустъ» надо преклониться, и преклониться съ благоговѣніемъ только при двухъ условіяхъ: 1) если существуетъ «философія войны», стремящаяся какъ таковая къ построенію *цѣльнаго* знанія о войнѣ, и его построившая въ видѣ научно разработаннаго при помощи теорій познанія воззрѣнія на войну (см. §§ 112—114), и 2) если это воззрѣніе именно таково, какъ представляетъ себѣ войну пацифизмъ.

Но въ томъ-то и дѣло, что «философія войны» только зарождается, и *цѣльнаго* знанія о войнѣ она еще не построила. А потому «пацифизмъ» еще никакого научнаго обоснованія не имѣетъ. И если онъ зародился и все больше

---

¹⁾ О печальномъ положеніи военной науки по отношенію къ практической военной дѣятельности, результатомъ чего является *постоянная неготовность къ войнѣ* тѣхъ государствъ, въ которыхъ больше другихъ распространень *пацифизмъ*, являющійся прямымъ слѣдствіемъ отсутствія *цѣльнаго* знанія о войнѣ, см. предисловіе къ настоящему труду.

и больше распространяется въ человѣчествѣ, то произошло это и происходитъ не на почвѣ не только *цѣльнаго*, но даже и обыкновеннаго «знанія» о войнѣ, а на почвѣ естественнаго внутренняго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и узкаго, влеченія къ сохраненію ближайшихъ непосредственныхъ имѣемыхъ благъ, къ миру въ ближайшемъ «вокругъ», на почвѣ боязни и отвращенія къ поверхностнымъ отрицательнымъ сторонамъ войны, которыя гораздо понятнѣе массамъ, чѣмъ внутренній ея смыслъ и широкія ея послѣдствія, на почвѣ различныхъ вѣрованій, т. е. мнѣній недоказуемыхъ (см. § 112) и т. п. Однимъ словомъ человѣчество жаждетъ, чтобы войны не было, какъ оно страстно жаждетъ чтобы не прекращалась жизнь. Оно хочетъ *спрять* и вѣруетъ въ это, создавая въ своей вѣрѣ будущую жизнь, какъ противовѣсь неизмѣнно происходящему кругомъ него реальному факту—умиранію всего живого. И также вѣруетъ оно и въ прекращеніе войнъ. И все это, конечно, вполне естественно, и вѣра эта главнымъ образомъ и питаетъ пацифизмъ, но все это имѣетъ очень мало общаго со «знаніемъ» вообще, и съ *цѣльнымъ* знаніемъ въ особенности. Но столь-же, какъ и пацифизмъ, не обоснованъ научно и «милитаризмъ». А отсюда—то жалкое положеніе въ которомъ находится военная наука, обреченная вслѣдствіе этого на то, чтобы видѣть свои выводы почти мертвыми, почти не примѣняющимися къ жизни изъ-за *недовѣрія* къ нимъ человѣчества.

И вотъ этотъ вѣчный споръ между пацифизмомъ и милитаризмомъ, которые ничего не могутъ доказать другъ другу, такъ какъ ни то ни другое не стоитъ на почвѣ «цѣльнаго знанія» о войнѣ, только и можетъ разрѣшить философія войны, если она построитъ таковое знаніе.

Все что пытается *второй* въ области представленій о войнѣ, она обсуждать не будетъ, такъ какъ въ этой области все дѣйствительно серьезное и недоказуемо и непроверяемо. Но все имманентное ¹⁾ она выдѣлитъ, и изъ этого построитъ научное воззрѣніе на войну въ видѣ «логики войны». Чтобы знаніе это было *цѣльнымъ*, она будетъ разсматривать тѣ

116. Въ какомъ видѣ возможно теперь построеніе философіи войны (чистой теоріи стратегіи).

¹⁾ См. выноски къ § 112.

положенія, которыя будутъ строиться въ «логику войны», и съ эстетической и съ этической точекъ зрѣнія. Она не пренебрежётъ обратиться и къ области вѣры, если это можетъ помочь ея дѣлу, но она каждый разъ подчеркнетъ, что высказываемое ею въ этомъ случаѣ мнѣніе относится именно къ этой области, что оно ею *не доказывается*, ибо доказать въ этой области ничего нельзя, а лишь *объясняется* почему среди недоказуемыхъ мнѣній она выбираетъ то или другое. Научность состоитъ не въ томъ, чтобы, во что-бы то ни стало избѣгать области вѣры, а въ томъ, чтобы опредѣленно отдѣлять область знанія отъ области вѣры, и не выдавать за знаніе то, что представляетъ изъ себя вѣру, и не доказывать то, что на самомъ дѣлѣ недоказуемо.

Вотъ такой программѣ я и буду слѣдовать при моей попыткѣ построения *цѣльнаго* знанія о войнѣ, въ той части моего труда, которую я охарактеризовалъ какъ философію военного дѣла, т. е. въ «чистой теоріи» стратегіи. Именно въ ней я надѣюсь видѣть тотъ мостъ, который можетъ быть переброшенъ отъ теоріи военного дѣла къ практической военной дѣятельности, который можетъ *оживить* полумертвую военную науку.

Изъ-за зародышеваго состоянія въ которомъ, какъ указано было выше, находится философія войны, я, конечно, не могу и думать объ отдѣльномъ и одинаково обстоятельномъ построеніи всѣхъ трехъ составляющихъ ее философскихъ дисциплинъ т. е. логики, эстетики и этики войны. Я считаю, что при томъ матеріалѣ, которымъ я обладаю, я могу лишь попытаться построить научное воззрѣніе о войнѣ, главнымъ образомъ, въ видѣ «логики» войны (см. условное обозначеніе этого термина на § 114), принимая во вниманіе при этомъ построеніи, на сколько мнѣ оно окажется по силамъ и эстетическую и этическую точки зрѣнія на это построеніе. Такое построеніе и будетъ значиться подъ заглавіемъ «чистая теорія стратегіи». Въ настоящемъ-же «введеніи» къ стратегіи въ полномъ ея объемѣ, поясняющемъ и обосновывающемъ ея общій планъ, я посвящу двѣ заключительныя главы этого «введенія» эстетикѣ и этикѣ войны, но совсѣмъ не съ на-

мѣреніемъ построить ихъ какъ отдѣльныя дисциплины. Вторую — я считаю это для себя совершенно непосильнымъ. А сдѣлаю я это просто для того, чтобы посредствомъ нѣсколькихъ примѣровъ, не могущихъ претендовать въ своей совокупности на какую-либо стройность и цѣлостность, показать, что *можетъ существовать* и эстетика и этика войны, и что изученіе связанныхъ съ этими понятіями вопросовъ можетъ имѣть самыя благотворныя послѣдствія для *практической* военной дѣятельности.

Вотъ все что я могу попытаться сдѣлать въ предпринятомъ мною трудѣ во исполненіе изложенныхъ выше задачъ и работы «чистой стратегіи» (см. §§ 104—106). Это очень рискованная часть моего труда, такъ какъ образца такой работы я не имѣю, и эта часть во всѣхъ мнѣ извѣстныхъ трудахъ по стратегіи почти совершенно отсутствуетъ въ томъ видѣ, какъ я ее понимаю. Но при моемъ убѣжденіи, что именно отсутствіе этой части, въ видѣ «философіи войны», оказываетъ большое вліяніе на тотъ печальный фактъ, что наука о войнѣ является на столько *не жизненной*, что не можетъ обезпечить должнаго своего вліянія на практическую военную дѣятельность (см. предисловіе), для меня немислимо отказаться отъ попытки разработать именно эту часть моего труда, несмотря на всю рискованность для меня такой попытки.

Что-же касается до второй части моего труда—прикладной стратегіи, то здѣсь дѣло находится въ гораздо болѣе благоприятныхъ условіяхъ—здѣсь образцовъ сколько угодно.

Задача прикладной стратегіи—указать практическому дѣятелю или стратегіи, какъ искусству — *условныя современныя нормы* (см. §§ 7, 23 и 84 п. 5) рѣшеній для *типичныхъ* стратегическихъ обстановокъ.

Обстановки эти должны быть строго *современныя*, съ логически и фактически обоснованнымъ допущеніемъ предвидимой эволюціи этой обстановки въ будущемъ. Это необходимо, такъ какъ вырабатываемыя прикладной стратегіей нормы предназначены служить непосредственнымъ основаніемъ для

117. Задачи и работа прикладной стратегіи (прикладной теоріи стратегіи). (См. §§ 26, 38 и 84 п.п. 4, 5 и 6).

практическихъ дѣятелей именно *теперь*, и въ обоснованно предвидимомъ будущемъ.

Значить работа прикладной стратегіи начинается съ классификаціи этихъ обстановокъ по *типамъ*. Основаніемъ для этой классификаціи могутъ напр. служить:

1) типы государствъ подготовляющихъ и ведущихъ войну, напр. по ихъ географическому положенію и социальнымъ условіямъ, и ихъ группировкѣ;

2) типы цѣлей, которыя ставитъ стратегіи политика;

3) типы тѣхъ цѣлей, которыя стратегія ставитъ себѣ сама, для достиженія черезъ нихъ цѣлей, указанныхъ политикой:

4) типы вооруженныхъ силъ имѣющихся въ наличіи у противниковъ для борьбы за достиженіе этихъ цѣлей;

5) типы театровъ войны и ихъ частей (мѣсто);

6) типы обстоятельствъ времени и т. п.

Изъ этихъ отдѣльныхъ типовъ составляетъ рядъ типичныхъ комбинацій *современной* обстановки, и вотъ для нихъ-то и вырабатываются нормы рѣшеній различныхъ стратегическихъ вопросовъ, начиная съ *нормъ окончательныхъ цѣлей*, имѣющихъ быть достигнутыми въ области данного типа обстановки, и кончая *нормами указаній* въ этой области тактикѣ, организаціи и военной техникѣ.

118. Методы
разработки
нормъ въ при-
кладной стра-
тегіи.

Нормы эти, какъ и принципы (см. § 105), вырабатываются двумя путями, исходя теперь ужъ не изъ гипотезы о неизмѣнности человѣческой природы, а изъ неизмѣнности принциповъ (руководящихъ идей), формулированныхъ въ чистой стратегіи:

1) умозрительнымъ путемъ сопоставляютъ для извѣстнаго стратегическаго вопроса принципъ (руководящую идею) съ типичными признаками (опредѣленіями) выбраннаго типа обстановки, и находятъ, такимъ образомъ, ту *форму*, въ которой можетъ проявляться и примѣняться принципъ, сохраняя свою сущность, и вмѣстѣ съ тѣмъ не выходя изъ ограниченій, налагаемыхъ на него данными этой опредѣленной обстановки; эта форма и опредѣлитъ *норму* рѣшенія вопроса для этой обстановки;

2) выбираютъ изъ военной исторіи рядъ обстановокъ аналогичныхъ по типу съ выбранной, и производятъ исследование формъ принятыхъ въ дѣйствительности рѣшеній по аналогичнымъ вопросамъ и полученныхъ результатовъ; такимъ путемъ тоже намѣтится извѣстная *норма* для современнаго рѣшенія того-же вопроса; при выборѣ этихъ историческихъ фактовъ, помимо общихъ соображеній объ ихъ отборѣ (см. §§ 76 и 80), именно здѣсь играетъ большую роль ихъ *близость* къ нашему времени, и чѣмъ современнѣе выбранный фактъ, тѣмъ онъ болѣе цѣненъ, такъ какъ тѣмъ легче по изслѣдованнымъ въ немъ формамъ судить о нормахъ рѣшеній въ современной обстановкѣ; а вѣдь только формулированіе именно *современныхъ* нормъ рѣшенія стратегическихъ вопросовъ и составляетъ предметъ прикладной стратегіи; изъ этого не слѣдуетъ, что болѣе отдаленные отъ насъ факты совсѣмъ не годятся для такой работы; ихъ тоже можно брать, но только съ очень строгимъ отборомъ, когда они обладаютъ очень большими достоинствами въ смыслѣ хорошей достовѣрности, талантливости рѣшавшаго вопросъ, ясности связи между принятой формой рѣшенія вопроса съ результатомъ, легкой возможности очистить эту форму отъ вліяній устарѣлыхъ, съ точки зрѣнія современной обстановки, элементовъ и т. п...

Оба эти пути въ совокупности—умозрительный и историческій:

1) повѣряютъ другъ друга; гораздо большую цѣнность имѣютъ именно тѣ нормы, которыя оказались *одинаковыми* при выработкѣ ихъ и путемъ умозрительнымъ и путемъ историческимъ;

2) повѣряютъ неизмѣнность принциповъ, изъ которыхъ онѣ проистекаютъ, какъ формы ихъ проявленія въ зависимости отъ обстановки; историческая норма рѣшенія какого-нибудь вопроса въ извѣстномъ типѣ обстановки, совпавшая съ умозрительной таковой-же нормой, дастъ лишнее ¹⁾ подтвержденіе

---

¹⁾ На самомъ дѣлѣ никогда не лишнее, именно для военныхъ наукъ (см. §§ 68—73). Цѣлый рядъ такихъ подтвержденій во множествѣ нормъ, формулируемыхъ прикладной стратегіей, даетъ какъ-бы лишній методъ (см.

для чистой стратегіи неизмѣнности того принципа, изъ котораго выведена эта умозрительная норма.

Точно также и здѣсь для еще большаго контроля выводовъ слѣдуетъ примѣнить и догматическій методъ (см. § 105).

119. Прикладная стратегія должна особенно подчеркивать условность предлагаемыхъ ею нормъ.

Вся эта работа прикладной стратегіи должна быть совершенно *прозрачна* (см. § 12 п. 7, § 47 и 103), и съ этой цѣлью, помимо полного обоснованія нормъ, особое вниманіе практическаго дѣятеля должно быть обращено на *условность* нормъ (см. §§ 24 и 25), на опасность впасть въ *рецептуру*, при забывчивости объ этой условности.

Эта опасность связана съ забывчивостью, что на форму рѣшенія (форму примѣненія неизмѣннаго принципа) оказываетъ вліяніе *вся* наличная обстановка, а не только *типичные* ея элементы, съ которыми связана норма и которыми она и обусловливается. Кромѣ того, дѣйствительныя обстановки, и по типичнымъ ихъ признакамъ, лишь болѣе или менѣе приближаются къ тѣмъ типамъ, которые могутъ быть формулированы въ прикладной стратегіи для вывода нормъ. Эти типичныя признаки могутъ быть выражены и болѣе и менѣе рѣзко; одного или нѣсколькихъ изъ нихъ можетъ не доставать, или одинъ или нѣсколько можетъ быть лишниихъ.

Очевидно прикладная стратегія не можетъ предвидѣть всѣхъ этихъ комбинацій, и потому предлагаемыя ею нормы *никогда* не могутъ примѣняться въ чистомъ своемъ видѣ, и искусство ихъ цѣлесообразнаго примѣненія необходимо требуетъ *умня* разбираться во *всей* наличной обстановкѣ, а не только въ крупныхъ ея типичныхъ признакахъ.

120. Роль изученія полныхъ кампаній въ прикладной стратегіи.

Стратегія какъ наука (теорія стратегіи) и въ этомъ случаѣ приходитъ на помощь стратегіи какъ искусству, т. е. практическимъ дѣятелямъ въ области стратегіи.

Прикладная стратегія выбираетъ нѣсколько кампаній, наиболѣе поучительныхъ, и предлагаетъ практическому дѣятелю изучить ихъ во всей подробности, чтобы передъ нимъ про-

---

§ 105) опредѣленія и формулированія принциповъ, особенно доказательный вслѣдствіе очень большаго разнообразія нормъ, которыя оказываются подходящими все изъ тѣхъ-же принциповъ.

шелъ рядъ дѣйствительныхъ обстановокъ и рядъ дѣйствительныхъ формъ рѣшеній различныхъ вопросовъ въ этихъ обстановкахъ, съ вліяніемъ различныхъ треній, случайностей и т. п... Такое изученіе будетъ извѣстной страховкой противъ забывчивости объ условности нормъ, противъ впаденія въ рецентуру.

Очевидно эти кампаніи должны быть какъ можно ближе къ нашему времени ¹⁾.

Цѣлесообразно выбрать эти кампаніи можетъ только стратегія (прикладная), такъ какъ только она ясно представляетъ себѣ цѣль для чего нужно это изученіе—какъ противовѣсъ возможному увлеченію нормами, несмотря на самыя тщательныя оговорки (см. § 112). Она-же направитъ военную исторію (дастъ ей руководящія идеи) на соотвѣтственную разработку этихъ кампаній, чтобы та, оставалась совершенно свободной въ установленіи истины—въ этомъ отношеніи стратегія не ставитъ ей *никакихъ* предѣловъ—не упустила-бы въ своемъ изслѣдованіи тѣ стороны кампаній, которыя особенно важны для преслѣдуемой стратегіей цѣли—дать теоретическое обоснованіе для практической дѣятельности въ области стратегіи.

121. Стратегія въ полной мѣрѣ обобщаетъ все военное дѣло. (См. § 107).

Соединяя это съ тѣмъ, что чистая стратегія даетъ руководящія основанія для разработки «исторіи военного искусства» (см. §§ 80, 82, 105 п. 2 и 106), и что прикладная стратегія отбираетъ соотвѣтствующіе историческіе факты для обоснованія нормъ (см. § 118), видимъ, что стратегія даетъ руководящія указанія и военной исторіи (см. § 106 и 107), и такимъ образомъ въ полной мѣрѣ обобщаетъ все военное дѣло.

Соотвѣтствующія руководящія идеи военная исторія получаетъ и отъ тактики и отъ организаціи и отъ военной техники, но всѣ эти указанія могутъ быть выведены какъ производныя тѣхъ руководящихъ идей, которыя тактика, организація и военная техника сами получили отъ стратегіи,

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ методѣ теоретическаго изученія стратегіи, см. мон «Этюды по стратегіи». Эт. III, §§ 20—25.

которая, значить, только одна может быть названа философией военного дѣла.

Военная-же исторія входитъ въ «теорію» военного дѣла (въ теоріи чистыя и прикладныя стратегіи, тактики, организаціи и военной техники) въ той мѣрѣ (по выбору фактовъ и въ значительной мѣрѣ и по степени ихъ разработки), въ которой это нужно стратегіи, тактикѣ, организаціи и военной техникѣ.

122. Военная исторія въ теоріи военного дѣла. (См. § 82).

Тотъ матеріалъ изъ этого отбора, который соединяется въ крупныя части, объединяясь опредѣленной общей цѣлью, какъ напр. «исторія военного искусства» и «исторія цѣлыхъ кампаний», составляютъ отдѣльные предметы въ циклѣ военныхъ наукъ. Остальной матеріалъ разбросанъ по различнымъ военнымъ наукамъ, въ видѣ отдѣльныхъ отрывковъ, сообразно требованіямъ различныхъ ихъ отдѣльныхъ частей и вопросовъ.

123. Задачи и работа практической стратегіи (стратегическаго искусства, умѣнья). (См. § 83).

Практическая работа стратегіи, какъ искусства (умѣнья), состоитъ въ томъ, что она, базирясь на выработанной стратегіей, какъ наукой, теоріи (чистой и прикладной), *непрерывно* изучаетъ текущую *современную* обстановку войны, и беретъ на себя руководство *непрерывной* подготовкой государства къ войнѣ. Непрерывной не только потому, что эту подготовку надо постоянно поддерживать, а и потому, что эта подготовка все время мѣняется съ измѣненіемъ обстановки.

Въ этой своей работѣ практическая стратегія руководится политикой, какъ искусствомъ (см. § 101), которая должна ей указать—*съ кѣмъ и къ какому времени* слѣдуетъ подготовить войну.

Само-же политическое искусство, въ своихъ замыслахъ, начинаніяхъ и дѣйствіяхъ, должно все время сообразоваться съ тѣмъ, что уже успѣла выполнить практическая стратегія изъ поставленныхъ ей политикой задачъ.

Затѣмъ, когда начинается война, практическая стратегія руководить ея веденіемъ, продолжая получать руководящія указанія отъ политики.

Значитъ, практическая задача стратегіи очень сложна— это разрабатывать *планы подготовки государства къ войнѣ и планы веденія войны*, поддерживая эти планы все время въ соотвѣтствіи съ *обстановкой*, т. е.:

1) съ географическимъ, этнографическимъ и экономическимъ положеніемъ, и съ внутренней и внѣшней политикой какъ своего государства, такъ и возможныхъ его противниковъ, союзниковъ и нейтральныхъ;

2) съ ихъ мѣропріятіями, оказывающими вліяніе на военную обстановку;

3) съ современнымъ состояніемъ военного дѣла (военной науки и военного искусства).

Практическія задачи остальныхъ отдѣловъ военного дѣла (тактики, организаціи военной исторіи и военной техники) состоятъ въ томъ, чтобы, руководствуясь указаніями стратегіи ¹⁾, *выполнить* соотвѣтственныя части этихъ плановъ. Эти задачи легко выдѣлить изъ задачъ стратегіи, если формулировать тѣ вопросы, на которые приходится отвѣчать стратегіи, и выдѣлить изъ нихъ тѣ, на которые отвѣчаютъ остальные военные искусства.

На вопросы — *что, почему, ²⁾ и когда должно быть предпринято?*—отвѣчаетъ практическая стратегія.

---

¹⁾ Военной исторіи, какъ искусству, стратегія даетъ указанія произвести опредѣленныя историческія изслѣдованія въ области военной дѣятельности своего и другихъ государствъ, необходимыя для обоснованія плановъ подготовки и веденія войны.

²⁾ Отвѣтъ на этотъ вопросъ, въ видѣ полного обоснованія, что должно быть сдѣлано именно *то*, что предписывается, въ полной мѣрѣ обязательный для стратегіи какъ науки, для теоріи стратегіи (см. выноски къ § 99), не можетъ быть сдѣланъ въ той-же мѣрѣ обязательнымъ и для стратегіи какъ искусству, такъ какъ практическій дѣятель въ области стратегіи (какъ и во всякой другой области) можетъ во-первыхъ дѣйствовать инстинктивно (инстинктивно слѣдуя велѣніямъ своего творческаго таланта), и во-вторыхъ, онъ можетъ и не имѣть на это времени (см. § 46). Но такъ какъ это «почему» очень важно въ смыслѣ проявленія *разумной инициативы* въ исполненіи того, что предписано, то отвѣтъ на этотъ вопросъ обязателенъ для пракческаго дѣятеля (для стратегіи какъ искусства), лишь въ мѣрѣ всей возможности, и желательно, чтобы эта мѣра была-бы въ каждомъ данномъ случаѣ наибольшей, насколько то допускаетъ обстановка.

На вопросъ—*какъ все это сдѣлать?*—отвѣчаютъ остальные военныя искусства.

Стратегія какъ и искусство (умѣнье) даетъ, значитъ, остальнымъ военнымъ искусствамъ (умѣньямъ) *общій планъ мѣропріятій*, выясняя сущность каждаго изъ нихъ и взаимную ихъ связь, и руководить *выполненіемъ* этого плана, намѣчая послѣдующія его развитія и измѣненія, сообразно ходу его выполненія (сообразно обстановкѣ).

Стратегія, какъ наука, снабжаетъ остальные военныя науки принципами (основами, точками зрѣнія), на которыхъ должна быть обоснована ихъ дѣятельность, и тѣмъ объединяетъ и дѣятельность исходящихъ изъ этихъ военныхъ наукъ соотвѣтствующихъ военныхъ искусствъ.

Воспринявъ эти указанія отъ искусства стратегіи, соотвѣтствующія военныя искусства *выполняютъ* эти указанія, обосновывая способы выполненія (отвѣчая на вопросъ—*какъ?*); на соотвѣтствующихъ военныхъ наукахъ, руководящихся въ въ свою очередь стратегіей какъ наукой, и ею объединяемыхъ.

Въ чемъ же состоятъ эти практическія указанія стратегіи—искусства?

Воспринявши отъ политики—искусства тѣ цѣли, къ достиженію которыхъ стратегія должна стремиться при различныхъ комбинаціяхъ возможныхъ вооруженныхъ столкновений, стратегія—искусство, сообразуясь съ изученной ею обстановкой (въ чемъ состоитъ обстановка—см. выше, § 123), и руководствуясь выработанными ею планами подготовки войны, должна:

1) опредѣлить мощность и характеръ различныхъ отраслей военныхъ силъ государства, напр. мощность арміи, флота, воздушныхъ силъ;

2) указать—какъ эти силы должны быть распределены, т. е.—дислокацію арміи, флота, воздушныхъ силъ, расположеніе сухопутныхъ и приморскихъ крѣпостей и т. п.;

3) указать—какіе должны быть созданы для нихъ въ государствѣ ресурсы, напр. отрасли промышленности, пути сообщенія, заводы и т. п. и какъ должны быть распределены эти ресурсы на территоріи государства;

4) указать—на какихъ основахъ должно быть организовано управленіе военными силами и ихъ ресурсами;

5) указать характеръ воспитанія и обученія народа въ той мѣрѣ, въ которой они способствуютъ подготовкѣ населенія къ войнѣ;

6) указать политикѣ наивыгоднѣйшія условія для начала войны въ смыслѣ времени ея веденія, длительности подготовки, способовъ ея объявленія, отношеній къ союзникамъ и нейтральнымъ и т. п.

Послѣ того какъ война уже началась, стратегія—искусство, руководствуясь выработанными ею планами военныхъ дѣйствій, и въ зависимости отъ исходнаго распредѣленія своихъ силъ и предполагаемаго такового распредѣленія силъ непріятельскихъ, указываетъ—какія цѣли должны себѣ поставить различныя части военныхъ силъ, какія для этого должны быть сдѣланы передвиженія этихъ силъ, и намѣчаетъ мѣсто и время первыхъ столкновеній.

Въ дальнѣйшихъ подобныхъ своихъ указаніяхъ, стратегія-искусство считается съ результатами каждаго значащаго столкновенія съ противникомъ, съ каждымъ значащимъ извѣстіемъ о непріятелѣ, и съ тѣми событіями внѣшней и внутренней политики, которыя могутъ вліять на ходъ военныхъ дѣйствій.

При всемъ этомъ стратегія-искусство стремится направлять всѣ дѣйствія военной силы къ достиженію намѣченной ею главной цѣли для данной войны, но только до тѣхъ поръ, пока достиженіе этой цѣли возможно и полезно для достиженія руководящей цѣли, поставленной политикой. Въ противномъ случаѣ, руководствуясь оцѣнкой вышеуказанныхъ обстоятельствъ, стратегія-искусство мѣняетъ главную цѣль, или требуетъ и отъ политики-искусства перемѣны поставленной ею цѣли, и сообразно ея рѣшенію, приспосабливаетъ всѣ свои дальнѣйшія указанія къ новой комбинаціи заданій.

Отчасти еще во время войны, и, главнымъ образомъ, послѣ ея окончанія стратегія-искусство, на основаніи уже достигнутаго опыта, ставитъ новыя требованія остальнымъ военнымъ искусствамъ, и снабжаетъ ихъ новыми руководящими

идеями, съ цѣлью использовать полученный опытъ какъ можно раньше, если возможно—еще во время войны, и *раньше* своихъ противниковъ.

Однимъ словомъ стратегія-искусство, направляя въ мирное время подготовку войны, а во время войны ея веденіе, постоянно считается съ обстановкой, и этимъ обуславливаетъ *практичность* своей дѣятельности.

Все что дѣлаетъ въ области стратегіи-искусства практической дѣятель, онъ беретъ на полную свою отвѣтственность (см. § 42). Если онъ въ своей дѣятельности руководится принципами и нормами, предлагаемыми ему стратегіей-наукой, то лишь въ той мѣрѣ, въ какой онъ или *самъ* убѣжденъ въ ихъ истинности и пригодности для дѣла, или *вынужденъ* ихъ принять, не имѣя чѣмъ ихъ замѣнить; но *отвѣтственность* за *уменьше* ими руководиться и за полученные результаты все-таки цѣлкомъ остается на немъ (см. § 40).

124. Практическая работа военныхъ искусствъ по выполненію указаній стратегіи - искусства. (См. § 123).

Получивъ соответственные указанія отъ стратегіи—искусства:

1) военная исторія-искусство производитъ требуемыя историческія изслѣдованія въ области военной дѣятельности своего и другихъ государствъ, необходимыя для обоснованія плановъ подготовки и веденія войны; эти изслѣдованія она производитъ на основаніи принциповъ и методовъ, разработанныхъ въ военной исторіи-наукѣ;

2) организація - искусство (практическая организація), исходя, въ мѣрѣ убѣжденія въ нихъ, изъ результатовъ работы организаціи-науки, разработавшей принципы (или получившей эти принципы отъ стратегіи-науки) устройства военныхъ организмовъ и нормы этихъ организмовъ для типичныхъ случаевъ, создаетъ военные организмы—тактические (боевые), технические, административные и хозяйственные, и распредѣляетъ между ними трудъ выполненія указаній стратегіи-искусства; такія указанія организація-искусство получаетъ, и отъ тактики-искусства, и отъ техническихъ искусствъ, развивающихъ и передающихъ ей въ этомъ развитомъ видѣ указанія этимъ искусствамъ со стороны той-же стратегіи; при невозможности и невыгодѣ (къ тому могутъ

быть серьезныя причины) имѣть *военно-техническіе* организмы для производства всей военной техники полностью (это опредѣляетъ стратегія — искусство, см. выше, § 123), организациа — искусство распредѣляетъ соотвѣтственную часть производства военной техники въ *частной* технической промышленности;

3) въ свою очередь каждое изъ искусствъ въ различныхъ отрасляхъ военной техники (артиллерія, инженерное дѣло, кораблестроеніе, воздухоплаваніе и т. п.), получившее соотвѣтственную организациу, и поставленное на свое мѣсто, по законамъ, принципамъ и нормамъ, разработаннымъ въ соотвѣтствующей технической наукѣ, и руководствуясь соотвѣтственными «военными» (см. §§ 48 и 49) требованіями стратегіи, тактики и организации, выполняетъ на дѣлѣ указанія *военнаго дѣла-искусства* (практическаго *военнаго дѣла*);

4) также и каждый изъ административныхъ и хозяйственныхъ организмовъ (министерство, управленіе, канцелярія, штабъ и т. п.), получивъ соотвѣтственную организациу, и поставленный на свое мѣсто, по принципамъ и нормамъ, разработаннымъ въ организации-наукѣ, и руководствуясь «военными» требованіями стратегіи, тактики и организации, выполняетъ на дѣлѣ указанія *военнаго дѣла-искусства*;

5) тактика — искусство, получивъ отъ организации — искусства соотвѣтственныя формы, въ видѣ соотвѣтственнымъ образомъ скомбинированныхъ группъ людей, боевыхъ средствъ и источниковъ ихъ питанія и пополненія, т. е. тактическіе (боевые) организмы (флотъ, эскадру, армію, корпусъ, корабль, полкъ, крѣпость, воздушную флотилію и т. п.), и руководясь принципами и нормами, выработанными въ тактикѣ-наукѣ (принципы тактика-наука можетъ получить и въ готовомъ видѣ отъ стратегіи-науки), выполняетъ указанія *стратегіи-искусства*.

Всѣ отвѣты на вопросы — *какъ* выполнить на дѣлѣ указанія стратегіи — искусства (практическихъ дѣателей въ области стратегіи), всѣ остальные военные искусства и созданные ими организмы (практическіе дѣатели въ области этихъ отдѣловъ *военнаго дѣла*) даютъ сами, на свою полную отвѣтственность,

и осуществляютъ эти свои рѣшенія на дѣлѣ, руководствуясь принципами и нормами, предлагаемыми имъ соответственными военными науками, въ той мѣрѣ, въ какой они *сами* убѣждены въ ихъ истинности и цѣлесообразности, или подчиняясь имъ по приказанію, или изъ за признаваемой ими невозможности для себя замѣнить ихъ чѣмъ-либо другимъ.

125. Стратегія
въ академіи.

Академія можетъ полностью сообщить своимъ слушателямъ стратегію *лишь въ видѣ науки*, какъ чистой, такъ и прикладной (чистой и прикладной теоріи). Стратегіей какъ *искусствомъ* (умѣньемъ) она можетъ ихъ снабдить лишь въ минимальномъ размѣрѣ, насколько могутъ способствовать приобрѣтенію искусства, такъ называемыя, практическія запятія по стратегіи—одностороннія и двустороннія стратегическія игры, изученіе обстановки по источникамъ и на мѣстѣ, составленія стратегическихъ плановъ въ воображаемыхъ обстановкахъ и т. п. Все это, конечно, представляетъ извѣстную практику въ примѣненіи къ конкретнымъ обстановкамъ, заданнымъ или самопроявляющимся, напр. при изученіи *своей* стратегической обстановки подготовки войны на мѣстѣ, и во время двусторонней стратегической игры.

Но чего академія совершенно не можетъ прибавить своимъ слушателямъ—это *таланта, воли и способности брать на себя тяжкую отвѣтственность* въ обстановкѣ подготовки и веденія войны.

Она можетъ только предложить (а не навязать) своимъ слушателямъ, какъ будущимъ практическимъ дѣятелямъ—*знаніе*, которое можетъ служить для ихъ проявленія:

- 1) таланту—средствомъ;
- 2) волѣ—опорой;
- 3) отвѣтственности—обоснованіемъ.

Для всего этого путь, которымъ это знаніе пришло къ предлагаемому имъ принципамъ и нормамъ, долженъ быть совершенно явственнымъ (знаніе должно быть прозрачнымъ, см. §§ 12 п. 7 и 47) и для таланта, и для воли, и для отвѣтственности практическаго дѣателя, который, неся на себѣ *всю отвѣтственность* за примѣненіе этихъ принциповъ

и нормъ, имѣеть *право требовать*, чтобы ему были предоставлены всѣ средства, чтобы дать имъ свою собственную, обоснованную на своемъ твердомъ *убѣжденіи*, оцѣнку.

Такое знаніе и обязана предоставить своимъ слушателямъ академія въ видѣ академическаго курса стратегіи.

ГЛАВА VII.

Объ этикѣ войны. Изученіе природы войны (чистой теоріи стратегіи, логики войны) съ точки зрѣнія этики военной дѣятельности.

Этика войны—это ученіе о благой ея цѣли (для человѣчества); иначе—это нравственное оправданіе войны.

Первый вопросъ человѣка, *сознательно* выбирающаго себѣ сферу дѣятельности, долженъ быть такой: нравственна-ли эта дѣятельность, т. е. будетъ-ли онъ, работая въ этой сферѣ, работать для блага человѣчества?

Такой вопросъ для человѣка, посвятившаго себя военной дѣятельности, превращается въ вопросъ—какой нравственный смыслъ имѣеть война? Для того чтобы рѣшить этотъ вопросъ надо изслѣдовать: что представляетъ изъ себя война; по своей сущности, какъ явленіе общественной жизни? Представляетъ-ли это явленіе зло безусловное, или лишь только зло относительное, т. е. могущее быть въ равной мѣрѣ и относительнымъ благомъ? Устранима-ли война изъ области человѣческой общественной жизни, пока, по своей сущности, человѣкъ остается таковымъ, какимъ мы его знаемъ?

Если окажется, что война—*безусловное* зло, и вмѣстѣ съ тѣмъ *устранима* изъ области человѣческой жизни—служить ей безнравственно; можно только работать для скорѣйшаго ея уничтоженія, какъ работаютъ въ области медицины для уничтоженія распространенія эпидемическихъ болѣзней.

Если-же, оставаясь безусловнымъ зломъ, война вмѣстѣ съ тѣмъ и неустранима безъ коренного (въ ея сущности) преобразования въ человѣческой природѣ, то при работѣ въ ея области уже можетъ быть поставлена нравственная цѣль—

126. Человѣкъ, сознательно работающій въ области военной дѣятельности, не можетъ не ставить себѣ вопроса о нравственномъ смыслѣ войны.

127. Если война есть зло лишь относительное и если она неустранима, она имѣеть нравственный смыслъ.

сдѣлать войну такою, чтобы *ограничить*, на сколько это доступно, то безусловное зло, которое она приноситъ и человечеству и отдѣльнымъ людямъ.

Наконецъ, если война и не *устранима* ¹⁾ безъ коренного преобразованія въ человѣческой природѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ она есть зло относительное, *изъ котораго можетъ быть извлечено реальное благо* для человечества ²⁾, то военная дѣятельность получаетъ совершенно опредѣленную нравственную цѣль—*совершенствовать войну*, какъ орудіе (средство), тоже необходимое (безъ котораго тоже обойтись нельзя) для блага человечества, какъ исполнѣ нравственно совершенствовать приемы хирургическихъ операцій для спасенія человѣческой жизни.

128. Чтобы осуществить нравственный смыслъ войны надо понимать ея сущность, и сущность природы человека.

Но, чтобы дѣлать это съ успѣхомъ, надо изучить сущность самой войны какъ явленія, сущность ея средствъ, сущность обстановки, въ которой она протекаетъ. Однимъ словомъ, надо изучить *логику* (см. стр. 84) войны. Иначе очевидно нельзя *сознательно* управлять войной и ее совершенствовать. А для того, чтобы изучить сущность всего этого, нельзя обойтись безъ изученія сущности человѣческой природы въ ея проявленіяхъ въ общественной жизни. Дѣйствительно, если война *неустранима* изъ области человѣческой общественной жизни безъ коренныхъ измѣненій въ человѣческой природѣ,—а это очень важно знать для нравственнаго обоснованія военной дѣятельности—то основаніе къ такому заключенію можетъ дать только убѣжденіе, полученное путемъ соотвѣтствующаго изслѣдованія, что явленіе войны происходитъ изъ *природныхъ* свойствъ человѣка въ ихъ проявленіи въ общественной жизни.

¹⁾ См. главы XV и XVI книги I-й, тома I-го.

²⁾ См. глава XV § 445.

Изслѣдованіе о войнѣ какъ объ *относительномъ* лишь злѣ, изъ котораго можетъ быть извлечено реальное благо для человечества, имѣется у Вл. Соловьева, въ его сочиненіи «Оправданіе добра». Этому посвящена глава восемнадцатая, названная имъ «Смыслъ войны». Эта глава и представляетъ изъ себя то, что можно назвать «этикой войны», т. е. нравственнымъ обоснованіемъ войны.

И кромѣ того, ведутъ войну и управляютъ ею люди, а значитъ веденіе войны и управленіе ею должно быть сообразовано съ ихъ *природными* свойствами. А, значитъ, только такое усовершенствованіе войны имѣетъ смыслъ, которое, не упуская изъ вида главную цѣль этого усовершенствованія—улучшить орудіе работающее на благо человѣчеству—приспособлено къ *природнымъ* свойствамъ людей вообще, и къ формамъ въ которыхъ проявляются эти свойства въ данное время и въ данномъ мѣстѣ, т. е. къ формамъ человѣческой культуры.

И такъ изученія сущности войны и сущности природы человѣка *требуетъ этика военной дѣятельности*, ставящая вопросъ о нравственномъ смыслѣ этой дѣятельности.

129. Военная этика требуетъ изученія сущности войны и сущности природы человека.

Но военная этика, какъ и всякая другая, ставитъ и другое требованіе, вытекающее изъ перваго, а именно: разъ взялся за военную дѣятельность—работай въ ея области *добросовѣстно*, въ мѣрѣ отпущенныхъ тебѣ возможностей (способностей), и *умный*, въ предѣлахъ этой мѣры, достигай военныхъ цѣлей.

Если это второе требованіе дѣйствительно вытекаетъ только изъ перваго, то *единственнымъ* побужденіемъ дѣйствій на войнѣ является стремленіе къ благу человѣчества, т. е. въ этихъ дѣйствіяхъ нѣтъ никакого отступленія отъ *нравственной нормы*, которая прилагается лишь способомъ, который, при извѣстныхъ условіяхъ (для человѣчества неустранимыхъ), является *единственно возможнымъ*.

Но это требованіе можетъ быть выставлено въ этикѣ и *самостоятельно*, безъ явственной и сознательной связи съ самой основой этики—съ подчиненіемъ своего поведенія требованіямъ блага человѣчества.

Добросовѣстность, особенно—въ принятомъ на себя *добровольно* дѣлѣ, и вообще—въ дѣлѣ принятомъ на себя по сознаваемой обязанности (долгу) передъ той общественной единицей—въ данномъ случаѣ передъ государствомъ,—членомъ которой состоишь опять таки *добровольно*, пользуясь всѣми, вытекающими изъ этой принадлежности къ нему,

выгодами (правами)—эта *добросовѣстность*—это тоже этическое требованіе.

Безъ сомнѣнія требованіе — *низшаго* разряда, но за то обладающее большой *общностью*, ибо оно одинаково для различныхъ этикъ, въ зависимости отъ ихъ основъ.

Требованіе менѣе сознательное (безъ обоснованія самой этики), менѣе глубокое, но болѣе понятное и доступное.

Требованіе, обоснованное не только стремленіемъ къ благу человечества, и даже можетъ быть ему противодѣйствующее, а обоснованное стремленіемъ лишь къ благу *частному*, лишь могущему быть связаннымъ съ *высшимъ* стремленіемъ, сообразно степени углубленія сознанія (сознательности) въ мотивы своей дѣятельности.

Но все равно, и это этическое требованіе *добросовѣстности*, хотя и *низшее*, по сравненію съ вышеизложеннымъ *высшимъ*, приводитъ къ тому-же: для выполненія и того и другого военному человѣку, въ мѣрѣ доступной ему возможности, слѣдуетъ изучить сущность войны и сущность природы человѣка, подготовляющаго и ведущаго войну. Иначе онъ не сможетъ, въ предѣлахъ дарованныхъ ему возможностей, пріобрѣсти сознательное и наилучшее, доступное ему, умѣнье достигать военныхъ цѣлей, и сознательно совершенствовать войну (см. § 128) для наилучшаго ихъ достиженія (см. главу X кн. I и § 255 гл. XI).

130. Стремленіе къ изученію чистой военной науки обязательно съ точки зрѣнія военной чести.

Очевидно не всему военному сословію такое изученіе необходимо и доступно въ полной мѣрѣ, какъ по настоящей и доступной въ будущемъ сферѣ дѣятельности въ области военного дѣла, такъ и по способностямъ и по развитію.

Но чѣмъ выше поставленъ въ области военного дѣла человѣкъ, тѣмъ такое изученіе для него обязательно, въ полной мѣрѣ соответствующей его развитію и способностямъ. А значитъ такое требованіе можетъ быть предъявлено ко всѣмъ могущимъ занять эти высшія положенія, и къ нимъ подготовляющимся всей своей службой.

Такимъ образомъ для офицерскаго личнаго состава *стремленіе* къ изученію чистаго отдѣла военной науки (см. § 37), получающаго наиболѣе полное свое выраженіе въ чистой

стратегіи (чистая стратегія—это философія военного дѣла, см. § 107), съ точки зрѣнія военной этики, обязательно.

Масса самыхъ различныхъ обстоятельствъ для того или иного офицера ¹⁾ можетъ ставить различныя препятствія для такого изученія, и можетъ помѣшать ему это сдѣлать. Но только изъ числа этихъ обстоятельствъ исключается его собственная *воля*, его собственное *нежеланіе*, при отсутствіи внѣшнихъ препятствій.

Въ послѣднемъ случаѣ онъ грѣшитъ противъ требованій военной этики, противъ требованій *военной чести*, такъ какъ *посильное стремленіе добросовѣстно изучить военное дѣло — это прямое требованіе военной чести*.

Онъ можетъ, имѣть полное право, и даже *долженъ* быть неудовлетворенъ результатами изученія чистой стратегіи, если ея выводы и положенія оказались для него непонятными или неубѣдительными. Вся *отвѣтственность* за его практическую дѣятельность лежитъ цѣликомъ на немъ (см. 14, 27, 35, 40 и 42). А потому онъ можетъ принимать лишь тѣ выводы знанія, въ которыхъ *лично* убѣжденъ. Но *стремиться* получить отъ науки (теоріи) выводы для своей практической дѣятельности, или *повѣрить* черезъ ея изученіе свои собственные теоретическія положенія (знаніе служащее основой его умѣнья)—вотъ это онъ *обязанъ желать*, и въ отвѣтъ на это его желаніе (на его добросовѣстность) *добросовѣстная наука* (теорія) должна быть, въ доступной ей мѣрѣ, *прозрачной* (см. стр. 8 п. 7).

Такою провѣрку обязанъ стремиться дѣлать и талантъ и даже гений, которому самой природой дана въ широкой мѣрѣ способность инстинктивного проникновенія въ *сущность* дѣла (природное, инстинктивное познаніе въ области чистой науки и прикладныхъ ея нормъ).

131. Стремленіе къ изученію чистой военной науки обязательно для военнаго генія.

Онъ можетъ сдѣлать эту провѣрку гораздо скорѣе, онъ больше изъ нея вынесетъ, онъ самъ больше внесетъ этой провѣркой въ самую науку, но *стремиться* ее (провѣрку)

¹⁾ Препятствія со стороны службы, семьи, состоянія, сознанія ограниченности своихъ способностей, достаточныхъ лишь для выполненія текущихъ обязанностей и т. п...

сдѣлать обязанъ и онъ, иначе и онъ будетъ недобросовѣстенъ, иначе и онъ поступить противъ требованія военной этики, противъ требованій военной чести.

132. Обычно-
венно враж-
дебность къ
военной
наукѣ — по-
слѣдствіе
ограничен-
ности и невѣ-
жества.

На самомъ дѣлѣ это *нежеланіе*¹⁾—это результатъ *самомирія*, которое въ большинствѣ случаевъ присуще *ограниченности* и *невѣжеству*.

Талантъ и тѣмъ болѣе геній, именно силой своего таланта и генія, сознаетъ необходимость (понимаетъ ее) свѣрить результаты проявленія своего Богомъ дарованнаго *дара* съ результатами полученными наукой. Отсюда широкая жажда самообразованія въ области военной науки (теоріи) у такихъ людей (Петръ, Наполеонъ, Суворовъ, Нельсонъ и др.), и вдохновенныя ихъ наставленія дѣлать это тѣмъ, кто хочетъ постигнуть военное дѣло въ полномъ его объемѣ²⁾.

Отвергнуть выводы военной науки можетъ, и—повторяю—*долженъ*, только тотъ, который ее изучилъ и *не убѣдился* ея доводами.

Но такой человѣкъ, если онъ отвергъ не потому, что *не понялъ*, а потому, что онъ *не согласенъ*, уже *полонъ*, уже *пропитанъ* военной наукой, такъ какъ на мѣсто всего отвергнутаго онъ уже поставилъ свое, и тоже изслѣдованное и доказанное, иначе онъ не замѣнилъ-бы имъ того, что предлагается наукой. Такой человѣкъ, быть можетъ, усовершенствовалъ науку, двинулъ ее впередъ, во всякомъ случаѣ онъ изощрилъ свой свой умъ въ обсужденіи военныхъ вопросовъ, онъ сдѣлалъ все для ихъ изученія, онъ *добросовѣстенъ*...

Ну, а который *не понялъ*, — *чѣмъ* ему замѣнить то, что онъ не понялъ? Онъ, конечно, тоже добросовѣстенъ, но едва-ли онъ многого достигнетъ въ своемъ дѣлѣ...

133. Военная
этика осуж-
даетъ само-
миріе и та-
ланта.

Ну, а вотъ тотъ, который *и не желаетъ понимать сущность своего дѣла*, тотъ, если и талантливъ и потому пони-

¹⁾ Еще разъ подчеркиваю, что отсюда исключается нежеланіе въ смыслѣ подчиненія препятствующимъ внѣшнимъ причинамъ (см. выноску § 130), а потому, пожалуй, правильнѣе опредѣлить нежеланіе, о которомъ идетъ рѣчь, какъ *враждебность* или *презрѣніе*.

²⁾ Подробнѣе этотъ вопросъ см. мои «Этюды по стратегіи» выпускъ первый. Этюдъ II, § 4—13, и мою книгу «О теоріи въ военномъ дѣлѣ», главу V, § 100—118.

маеть эту сущность въ той или иной мѣрѣ *инстинктивно*, во всякомъ случаѣ *недобросовѣстенъ*. Вотъ этотъ не понимаетъ требованія военной чести.

Безспорно, онъ можетъ достигнуть въ своей практической дѣятельности и хорошихъ результатовъ, въ силу Богомъ ему дарованныхъ способностей, но это будетъ явленіемъ *случайнымъ*. Строить крѣпкій свой расчетъ въ такомъ тяжко-отвѣтственномъ дѣлѣ какъ война государство не можетъ. Нравственный идеалъ въ своей дѣятельности также въ такомъ человѣкѣ обыкновенно отсутствуетъ. Съ точки зрѣнія военной этики такое *самомнѣніе* подлежитъ безповоротному осужденію.

По отношенію къ изученію военной науки вообще и чистой въ частности (самостоятельному или академическому — это безразлично) военная этика допускаетъ отвѣтъ: «я не могу», «я не хочу, потому что не могу», но не допускаетъ отвѣта — «могу, но не хочу».

ГЛАВА VIII.

Объ эстетикѣ войны.

Эстетика—это ученіе о красотѣ. Значить эстетика войны—это изслѣдованіе военныхъ явленій съ точки зрѣнія представлений о красотѣ. Чтобы представить себѣ—какъ это ученіе можетъ быть приложено къ войнѣ, и какое оно можетъ имѣть для нея значеніе, надо нѣсколько остановиться на томъ, что именно слѣдуетъ понимать подъ красотой.

134. Что такое красота.

Красота—это совсѣмъ не то что просто нравится. Если бы это было такъ, не могло-бы существовать никакого ученія о красотѣ. Дѣйствительно, то что нравится одному, совершенно не нравится другому, и всякіе споры о вкусахъ считаются принципиально бесполезными, какъ не могущіе привести къ соглашенію. Ученіе можетъ существовать лишь о томъ, что можетъ претендовать на общеобязательность, т. е. на объективность.

135. Чувство красоты какъ средство познанія истины.

Красота въ этомъ смыслѣ—есть *внѣшнее* выраженіе въ извѣстныхъ формахъ (природныхъ или художественныхъ)

смысла или разума (логоса) всего существующаго, его стройности (цѣлесообразности) и мудрости.

Красота дѣйствуетъ на *чувство*, и является такимъ образомъ для человѣчества однимъ изъ средствъ познанія, способствуя образованію такого познанія (цѣльнаго), которое, охвативъ всѣ стороны человѣческаго духа (см. стр. 76—77), не могло-бы ужъ оставаться инертнымъ, а непременно переходило-бы въ жизненную дѣятельность.

Средство это очень важно потому, что оно даетъ познаніе *непосредственно* ¹⁾, и мгновенно безъ всякихъ доказательствъ, и вообще безъ какой либо работы ума. Недостатокъ его въ томъ, что это познаніе не обладаетъ той ясностью, которой отличается познаніе добытое мышленіемъ, и не остается столь прочно въ человѣческомъ сознаніи—слѣды его быстро улетучиваются. Но въ самый моментъ своего воздѣйствія, сила этого воздѣйствія можетъ быть очень велика.

Способностью чувствовать объективную красоту люди надѣлены очень различно, какъ различно они надѣлены и умомъ, и степень этой способности не зависитъ отъ той доли ума, которая отпущена человѣку. Одинъ лучше понимаетъ разумъ и цѣлесообразность существующаго умомъ, другой лучше провидитъ ихъ въ различныхъ формахъ красоты. Нѣкоторые люди надѣлены не только способностью чувствовать истину въ красотѣ, но и талантомъ создавать такія различныя формы красоты (посредствомъ слова, звуковъ или пластики), которые дѣлаютъ эту истину легко доступной чувству другихъ. Въ этомъ огромное значеніе искусства (художества) для познанія разума существующаго.

Такъ какъ люди очень различны по существующимъ въ нихъ комбинаціямъ познавательныхъ способностей ума и чувства, то для того чтобы познаніе воспринималось не отдѣльными людьми, а человѣчествомъ, чтобы оно охватывало всѣ стороны его собирательнаго духа, и такимъ путемъ

---

¹⁾ По Гегелю, красота есть «непосредственно созерцаемая истина». По Шопенгауэру, «геній въ моментъ художественнаго творчества непосредственно созерцаетъ міровую волю». См. философскій словарь Радлова, 2 изд. 1913 г. на понятіе «Эстетика».

побуждало его къ дѣйственному примѣненію этого познанія въ жизни, необходимо чтобы это познаніе воспринималось и путемъ чувства красоты.

Также нужно это и для познанія такого явленія въ жизни человѣчества какъ война. Если и война есть одна изъ формъ разума (логоса) всего существующаго, если она занимаетъ естественное и законное мѣсто въ цѣлесообразномъ и мудромъ построеніи міра, то она можетъ представлять изъ себя объективную красоту, которая будетъ чувствоваться людьми, какъ и всякая другая выраженная въ красотѣ форма истиннаго мірозданія. А значитъ и обратно. Если люди, способные чувствовать объективную красоту, чувствуютъ эту красоту и въ войнѣ, то это можетъ служить извѣстнымъ указаніемъ что война—одна изъ формъ цѣлесообразности и мудрости мірозданія, т. е. эта естественная и значитъ вѣчная форма жизни человѣчества, а не искусственная и не временная.

136. Эстетика войны какъ опора логики¹⁾ войны.

Вотъ такое чувство красоты войны, иначе говоря—эстетика ²⁾ войны, созерцая въ войнѣ истину (форму цѣлесообразности и мудрости мірозданія) служитъ опорой логикѣ войны, и вмѣстѣ съ ней и съ этикой войны, строить «цѣльное» знаніе о войнѣ, способное стать практическимъ, т. е. однимъ изъ руководителей жизни человѣческихъ обществъ.

Какимъ именно путемъ чувство въ красотѣ провидитъ истину, выразить очень трудно. Это процессъ очень трудно поддающійся психологическому изслѣдованію, и излагается онъ различно.

137. Путь отъ красоты къ истинѣ.

Чувствованіе красоты соединено съ чувствомъ наслажденія или радости, и это понятно. Человѣкъ, который по природѣ своей страстно стремится познать разумъ всего существующаго (см. гл. V, кн. I, § 212), долженъ ощущать радость при нахожденіи цѣлесообразности. А именно ее онъ и находитъ непосредственно, безъ участія мышленія, если онъ способенъ чувствовать объективную красоту. Объективная истина представляется въ видѣ идеала, и вотъ красота можетъ быть

¹⁾ Объ условномъ значеніи этого термина см. стр. 84.

²⁾ Слово «эстетика» происходитъ отъ греческаго слова «чувствовать».

опредѣлена какъ проявленіе идеальнаго содержанія въ чувственной оболочкѣ (Платонъ). Но проявленіе это не имѣетъ достаточной опредѣленности, и потому красоту опредѣляютъ какъ неясное, смутное представленіе совершенства (Лейбницъ). Поэтому эстетическое воззрѣніе имѣетъ лишь предварительное значеніе, будучи лишь ступенью къ истинному познанію (Гегель). Но въ томъ-то и важность этой ступени, что она сравнительно легка (не требуетъ работы ума) и доступна множеству.

138. Роль искусства въ познаніи истины черезъ красоту.

Еще значительно облегчаетъ восхожденіе на эту ступень искусство. Оно имѣетъ своею цѣлью уничтоженіе противоположности реальнаго и идеальнаго, стремясь выразить идею въ чувственной формѣ, вѣчное и безконечное (абсолютъ) въ конечномъ, дать гармоническое сочетаніе идеи и формы. Дѣлаетъ оно это самыми различными путями, и оказываетъ огромное вліяніе на множество людей, примѣняясь къ самымъ разнообразнымъ у нихъ видамъ способности воспринимать красоту, а черезъ нее значить и истинное познаніе.

139. Задача философіи войны по использованию искусства (художества).

Поэтому философія войны, стремящейся дать человѣчеству «цѣльное» знаніе о войнѣ, чрезвычайно важно использовать то, что искусство уже дало въ этомъ отношеніи, и направить его работу и въ будущемъ въ эту область. Это вѣдь значитъ воспользоваться языкомъ понятнымъ для того множества, которое недостаточно поддается выводамъ логическаго мышленія. Для тѣхъ-же кто и поддается этимъ выводамъ, этотъ языкъ дополнить и подкрѣпить то, что постигнуто умомъ.

140. Періоды войны даютъ обильный матеріалъ для построенія эстетики войны.

Очевидно, по самой природѣ своей, по непосредственности своего воздѣйствія (см. § 135), воспринятіе истины объ извѣстномъ явленіи черезъ чувствованіе проявляющейся въ немъ красоты, происходитъ наиболѣе интенсивнѣе, и захватываетъ большій кругъ людей, именно въ то время когда это явленіе имѣетъ мѣсто. Значить красота въ явленіи войны, и провидѣніе черезъ эту красоту истины о войнѣ, проявляются съ наибольшей силой именно во время войны.

Поэтому философія войны должна именно въ это время подбирать матеріалъ для построенія эстетики войны. Съ

помощью этого матеріала она должна выяснять человѣчеству въ мирное время, когда оно не чувствуетъ непосредственно красоты войны, и представляетъ себѣ подъ вліяніемъ пропаганды пацифизма только оборотную сторону этого явленія, всю ложь этихъ одностороннихъ представлений, и должна поддерживать въ немъ представленія объ объективной красотѣ войны. Для этого, по указанію философіи войны, должны быть использованы государствомъ всѣ виды искусства—литература, музыка и пластика, и это будетъ могущественнымъ средствомъ моральной подготовки государства къ войнѣ. Примѣръ такой подготовки мы видѣли въ Германіи въ разработкѣ сказаній о Нибелунгахъ, и въ огромной ихъ популяризаціи посредствомъ Вагнеровской музыки.

Вотъ почему, не задаваясь, конечно, задачей построения эстетики войны, какъ отдѣльной дисциплины философіи войны, ибо пока это еще немислимо для меня (см. стр. 88—89), я считаю необходимымъ отмѣтить—какъ во время этой войны, въ самыхъ различныхъ общественныхъ кругахъ, и притомъ въ такихъ, которымъ были больше всего свойственны увлеченія пацифизмомъ, изображавшимъ войну только какъ зло, проявлялось пониманіе ея, какъ выраженія мудрости мірозданія, и это пониманіе проявлялось именно черезъ чувство преклоненія передъ красотой этого грознаго явленія.

Наиболѣе зараженной пацифизмомъ являлась наша интеллигенція, въ особенности ея лѣвые круги и, конечно, женщины. Но вотъ разразилась война, въ которой задѣты дѣйствительно серьезные интересы страны, и мы слышимъ изъ этихъ-же круговъ ужъ совсѣмъ другія рѣчи. Теперь ужъ оказывается, что война несетъ человѣчеству и обновленіе и прогрессъ, что безъ нея человѣчество закоснѣло-бы въ мѣщанскихъ порокахъ, погрязло-бы въ эгоизмѣ.

Оказывается, грозное явленіе войны развертывается въ ореолъ красоты безкорыстныхъ подвиговъ и нравственнаго обновленія. И вотъ оказывается, именно черезъ эти красоты, убѣжденные пацифисты постигаютъ смыслъ войны, какъ явленія необходимаго въ жизни человѣчества.

141. Во время войны пацифисты постигаютъ ея смыслъ.

142. Профессор философии Е. Н. Трубецкой: война — духовное приобретение.

Профессор философии князь Е. Н. Трубецкой в своей публичной лекции на тему «Отечественная война и духовный ее смысл», ¹⁾ говорить:

«До 1903 г. мы жили в атмосфере ноющей бессмыслицы, изображенной Чеховым. Но *грянул гром* на Дальнем Востоке, и он *разбудил нас*. Начался процесс созидания Новой России. Процесс этот сопровождался рядом болезненных явлений. Казалось, что Россия разлагается. Но с началом великой войны наступила эпоха *повышенной жизни*. Война пробудила в человеке дикаря, но она же *оживила* в нем и *силы добра*, усиленные мещанской моралью мирного времени. Сверхчеловеческая сила ненависти слилась с сверхчеловеческой силой любви. *Стал выковываться новый тип перерождающегося человека*. В этих духовных приобретениях и заключается тот смысл войны, который *должен быть запечатлен и сохранен для человечества*».

143. Задачи эстетики войны — запечатлеть и сохранить для человечества смысл войны, постигнутый путем чувства красоты.

Вот это запечатление и сохранение для человечества смысла войны и представляет из себя одну из главных задач философии войны. Запечатление же и сохранение той формы этого смысла, которая создавалась не путем кропотливого анализа и длительной работы мышления (это работа логики войны), а создавалась мгновенно, явившись непосредственно духовным взором людей, способных чувствовать объективную красоту, — это задача той дисциплины философии войны, которую мы назвали эстетикой войны. Попытку такого запечатления и сохранения я и делаю в настоящей главе. И потому я и ввожу эту попытку, несмотря на всю ее первобытность, в состав науки о войне, что только эта наука и может трудами будущих ее работников развить эту попытку в научную дисциплину. Действительно для этого нужна длительная аналитическая работа, подобная той, которая создала, как научную дисциплину, эстетику. Господа же Трубецкие и подобные им, которых я буду цитировать в дальнейшем моем изложении,

¹⁾ Лекция эта была прочтена в Петрограде 13 марта 1916 г. в Александровском зале городской думы. Цитирую по отчету газеты «Новое Время».

благоволять говорить о войнѣ только тогда, когда она происходитъ ⁽¹⁾, когда она дѣйствуетъ *непосредственно* на ихъ чувство. И вотъ тогда они, прекрасно образованные, культурные, съ тонко развитымъ эстетическимъ чувствомъ, постигаютъ красоту и той новой необычной картины, которая развертывается передъ ихъ глазами—красоту войны, и черезъ эту красоту постигаютъ ея смыслъ и говорятъ объ этомъ смыслѣ. Пройдетъ-же война, и они забудутъ о ней, какъ забываютъ о картинѣ прошедшей передъ ихъ глазами на выставкѣ, и вновь будутъ увѣрять человѣчество, что война есть зло, которое скоро прекратится, и что человѣчество сумѣетъ освободиться отъ войны, разрѣшая свои споры посредствомъ третейскихъ судовъ, рѣшеніямъ которыхъ народы будутъ подчиняться добровольно. А въ результатѣ—новое увлеченіе этими заманчивыми теоріями, новая агитація противъ милитаризма, и какъ слѣдствіе—новая неготовность къ войнѣ, сваливающейся внезапно, какъ снѣгъ на голову, и новыя безконечныя и грандіозныя жертвы этой неготовности. И вновь тогда выступаютъ талантливыя съ изощренными чувствами интеллигенты, и объясняютъ смыслъ этихъ грандіозныхъ жертвъ... Но слова ихъ будутъ запоздалыя. Жертвъ они не устраняютъ. Правда, они *подвигнутъ* народъ своими талантливыми опредѣленіями и разъясненіями смысла войны на дальнѣйшіе подвиги, на принесеніе новыхъ еще болѣе колоссальныхъ жертвъ, и благодаря, быть можетъ, и ихъ талантливой пропагандѣ будутъ достигнуты конечныя цѣли войны.

Все это можетъ быть такъ, но такой методъ достиженія цѣлей войны совершенно не удовлетворяетъ военную науку. Она должна дать указанія—какъ достигнуть тѣхъ-же цѣлей не съ какими угодно, а съ *наименьшими* успліями и жертвами. И это она можетъ сдѣлать лишь сдѣлавъ яснымъ смыслъ и неизбежность войны въ мирное время, и этимъ подвигнувъ на тщательную *подготовку* къ войнѣ. И вотъ въ арсеналѣ ея доказательствъ должно быть разработанное ученіе и о

---

(1) См. также брошюры кн. Е. Трубецкого—«Война и міровая задача Россіи» и «Національный вопросъ, Константинополь и Святая Софія» 1915 г.

красотѣ войны, подчеркнутое и тѣмъ матеріаломъ, который даютъ во время войнъ люди, способные лишь *непосредственно* ощущать эту красоту. Къ этой области и относится содержаніе этой главы, но цѣль ея пока очень скромная. Цѣль моя сейчасъ не въ томъ, чтобы дать этотъ матеріалъ въ обработанномъ видѣ, даже не въ томъ, чтобы собрать какую-либо часть этого матеріала. Нѣтъ, я просто хочу только указать, что матеріалъ этотъ *можно найти* въ изобиліи и искать его нужно именно въ области умственной жизни *во время* войны.

144. П. Н. Миллюковъ: война даетъ возможность народамъ открыть себя въ лучшихъ своихъ проявленіяхъ.

Итакъ—продолжаю мои указанія. То вліяніе войны, которое князь Е. Трубецкой отмѣтилъ въ Россіи, другой убѣжденный пацифистъ, лидеръ кадетской партіи П. Н. Миллюковъ, отмѣтилъ во время пребыванія своего въ 1916 г. во Франціи и въ Италіи. Онъ пишетъ: ⁽¹⁾ «Война дала дорогу новому настроенію... Французы съ умиленіемъ открыли въ себѣ свой новый характеръ, столь непохожій на репутацію, сдѣланную имъ туристами и ихъ собственными способами... Въ высшихъ классахъ коллежей читалась официально перекладка «Times'a», въ которой Англія приносила покаяніе въ своихъ прежнихъ заблужденіяхъ относительно французскаго національнаго характера. Франція въ буквальный смыслъ надѣла новый костюмъ—суроваго воздержанія и самопожертвованія, національнаго единенія и готовности на всѣ жертвы для окончательнаго торжества права и справедливости».

Переѣхавъ въ Италію П. Н. Миллюковъ такъ описываетъ то національное движеніе, которое охватило итальянскія массы *со времени триполитанской экспедиціи*. «Итальянскій народъ *тоже* «открылъ самъ себя» въ послѣднее время. Онъ открылъ, что кромѣ преданій великаго прошлаго у Италіи могутъ быть еще надежды на великое будущее. Эти надежды предстали передъ нимъ въ видѣ новаго, *громаднаго откровенія*, дающаго *неожиданный смыслъ* національной жизни, освѣщающаго ея путь, освобождающаго ее отъ оковъ слишкомъ боль-

(1) Газета «Рѣчь» отъ 1 іюля 1916 г.

шого прошлаго, которое ее давило. Проснулась статуя «Ночи» Микель Анджело, которая просила стихами ее творца «говорить потише, чтобы не будить ее» *mentre che la vergogna dura*—пока длится позоръ. Въ рѣчахъ поэта д'Аннунцио *per la più grande Italia* народъ заговорилъ громко и говорилъ все настойчивѣе, пока передъ волей массъ не сдались ихъ официальные представители, парламентъ, правительство»...

Итакъ, значить, по мнѣнію Милюкова, война даетъ возможность народу *открывать въ себѣ* все въ немъ лучшее и возвышенное—красоты своего національнаго характера. Развѣ это не «красота» войны? И развѣ именно черезъ эту «красоту» не открывается ея цѣлесообразность и мудрость въ общемъ построеніи жизни человѣчества, если вѣрить въ какую-то высшую цѣль его существованія?

Въ дополненіе къ тому, что я указалъ выше относительно выясненія смысла войны философомъ Е. Н. Трубецкимъ, я отмѣчу еще, что его брошюры по этому вопросу подведены издательствомъ подъ общій многозначительный заголовокъ: «Война и культура». Приведу изъ другихъ изданій подъ этимъ-же заголовкомъ еще два гимна—иначе и назвать ихъ не могу—посвященныхъ красотѣ войны. Авторы этихъ гимновъ—И. А. Ильинъ и С. Булгаковъ—мистики, послѣдній—профессоръ политической экономіи.

Первый говоритъ такъ: ⁽¹⁾ «Съ дѣтства привыкаемъ мы жить, сосредоточиваясь на непосредственныхъ и «ближайшихъ» интересахъ небольшого круга людей. Мы незамѣтно, но прочно свыкаемся со всевозможными перегородками и раздѣленіями, обособляясь и отъединяясь во всѣ стороны. Душа наша обрастаетъ цѣлымъ множествомъ узаконенныхъ ледяныхъ покрововъ, избавляющихъ насъ отъ необходимости «отвѣчать» на призывъ, если онъ «чужой», и отзываться на бѣду, если она не «наша». Мы живемъ, не замѣчая, что это кольцо «нашего» постоянно тяготѣетъ къ суженію, и что cadaго изъ насъ влечетъ центростремительная сила

145. Мистикъ
И. А. Ильинъ:
война—духов-
ный подъемъ.

(1) «Война и Культура». И. А. Ильинъ. Духовный смыслъ войны. 1915 г.

самосохраненія. Если я самъ не буду заботиться о себѣ всѣми силами души, то кто-же позаботится *такъ* обо мнѣ? Никто, конечно. А если-бы нашелся такой человѣкъ, то развѣ не опуталь-бы онъ тотчасъ-же мою жизнь требованіями отвѣтнаго вниманія, имѣющаго вознаградить его за его старанія? Кто изъ насъ умѣетъ любить «не для себя»? Чья любовь не подавляетъ любимаго своею требовательностью?»

«Своекорыстіе семьи и своекорыстіе индивидуума суть явленія одного порядка. А при такомъ положеніи дѣль цѣли другихъ въ обществѣ *подобны* моей, но не *совпадаютъ* съ ней. Наши повседневныя бесѣды и обычные споры, въ которыхъ каждый слушаетъ только себя и глухъ для мысли другого, выражаютъ именно эту глубокую разбѣденность душъ».

«Каждый ищетъ *своего* и живетъ насторожившись, не довѣряя другимъ, часто безсильный передъ «потемками» чужой души. Каждый щедръ для себя и «не имѣетъ» для другихъ. И кажется иногда, что скоро доброта сердца истаетъ въ людяхъ безъ остатка. И даже «сочувствіе» и «солидарность», объединяющія насъ на моментъ или на срокъ, слишкомъ часто лишены истиннаго и глубокаго значенія: временныя параллели въ личныхъ судьбахъ и путяхъ у двухъ своекорыстныхъ людей не могутъ взрастить сѣмени добра».

«И вотъ война неожиданно вторглась въ нашу жизнь и заставила насъ горѣть не о себѣ и работать не для себя. Она создала возможность взаимнаго пониманія и довѣрія, она вызвала насъ на щедрость и пробудила въ насъ доброту. Война насильственно вдвинула въ наши души одинъ дѣйствительно *общій* предметъ. Она противопоставила нашему мелкому повседневному «здѣсь»—нѣкое великое «тамъ», и потрясла насъ этимъ «тамъ» до корня»...

«Нѣтъ и не можетъ быть такой эпохи для народа, когда духовное напряженіе было-бы несвоевременнымъ или излишнимъ. Духовный подъемъ есть то настроеніе души, когда она энергично и сознательно направляетъ свои силы на творческое осуществленіе безусловнаго и конечнаго блага; когда человѣкъ начинаетъ жить высшимъ и лучшимъ, что ему доступно на этомъ свѣтѣ—истиннымъ знаніемъ, созда-

ваемымъ *красотою*, доброю и благородною волею... Война для великаго народа есть духовный подъемъ».

Профессоръ Булгаковъ видитъ красоту въ этой войнѣ въ видѣ крушенія засилія «мѣщанства», и идеи «эволюціи», которая неразрывно связана съ мѣщанствомъ.

«Въ эволюціонный кругозоръ мѣщанства» ¹⁾ говоритъ онъ «не входитъ идея катастрофы, гибели. Напротивъ, всѣмъ существомъ своимъ оно его отрицаетъ. Но вотъ неожиданное, невѣроятное произошло. Совершается катастрофа, опрокидывающая сдѣланные доселѣ выкладки и расчеты... Сразу устарѣли всѣ руководства исторіи, социологій, политической экономіи, социальной политики, статистики. Начался всеобщій пожаръ комфорта и цивилизаціи. Что-же передъ лицомъ этого пожара [можетъ сказать вѣра въ эволюцію, основанная на убѣжденіи въ невозможности проваловъ и перерывовъ въ ходѣ развитія? Конечно, вполне возможно причинно и эволюціонно объяснять и происходящее нынѣ, но вѣрно то, что теперешній поворотъ исторіи совершенно не предполагался эволюціонными схемами и является для нихъ катастрофическимъ сюрпризомъ. Самые смѣлые, считавшіе себя революціонерами, эволюціонисты мечтали лишь о захватѣ власти и перераспределеніи благъ, происходить-же нѣчто гораздо болѣе потрясающее, чѣмъ всѣ бывшія доселѣ революціи. Была Бельгія—промышленная, социалистическая, кооперативная, представлявшая собой гнѣздо мѣщанскаго уюта въ Европѣ; она давала основу для разныхъ заключеній о настоящемъ и будущемъ капиталистическихъ странъ, о «соціализмѣ въ дѣйствіи». И вотъ нынѣ та-же Бельгія, но уже бездомная, скитающаяся, и будущее превратилось для нея въ какую-то зіяющую дыру, темную загадку. И не есть-ли эта великодушная и неповинная жертва войны лишь наиболѣе яркій символъ того, что происходитъ нынѣ со всѣмъ цивилизованнымъ міромъ? Не совершается-ли и съ нимъ, хотя въ малой степени, той-же потери чувства мѣста, вѣры въ его прочность, незыблемость, составляющей духовную опору

146. Профессоръ политической экономіи и мистикъ С. Булгаковъ: война — это крушеніе засилія «мѣщанства» и идеи «эволюціи».

¹⁾ «Война и Культура». Сергій Булгаковъ. Война и русское самосознаніе. 1915 г.

мѣщанства? *И такое духовное освобожденіе, ибо это, несомненно, есть освобожденіе, приноситъ съ собою міровая война!* Своимъ нещаднымъ молотомъ богъ войны разрушаетъ кровли уютныхъ домиковъ, въ которыхъ устроилось человѣчество, и оставляетъ людей снова подъ кровомъ бездоннаго неба. Онъ совлекаетъ мѣщанина съ европейца, иногда прямо сдирая съ него кожу, и тогда передъ изумленнымъ міромъ предстаетъ средневѣковой рыцарь, который, оказывается, не умеръ, а только притаялся въ европейскомъ бюргерѣ. Во всей Европѣ, какъ будто неожиданно для нея самой, проснулась старая доблесть, и здѣсь опять-таки живой эмблемой является Бельгія,—доблесть бельгійская. Европа, оказывается, еще духовно-жива, мѣщанство оказалось болѣзью, которая не затронула жизненныхъ органовъ! *Такова радостная, благая вѣсть этой войны!* Тамъ, гдѣ видѣлось порою словно духовное кладбище, царство комфорта и цивилизаціи, невѣрія и расчета, нынѣ вспыхнуло пламя, испепеляющее многое изъ того, что достойно сожженія, и отдѣляющее шлаки отъ чистаго металла.... Какъ ветхая чешуя, спадаетъ съ лица Европы плѣсень мѣщанства... *И это сдѣлала война, которую уже теперь, въ сознаніи ея великой всемірно-исторической миссіи, народы зовутъ священной и освободительной.* Да, война есть величайшее бѣдствіе. Она рождаетъ звѣрство, огрубѣніе нравовъ, будитъ въ людяхъ низкіе инстинкты, толкаетъ къ окончательной гибели погибающее. Мы переживаемъ повседневно насилія и преступленія, становимся свидѣтелями глубокихъ паденій... Но не нужно забывать, что все это *не создается, а лишь выявляется бойной*, вскрываясь изъ подъ лицемерной личины мѣщанской прилизанности и вѣжливости, а всякая болѣзнь для излеченія своего нуждается въ вывлеченіи... Въ крови мучениковъ, проливаемой нынѣ на поляхъ европейскаго міра, пестлѣваетъ грѣхъ европейскаго соблазна и тѣмъ самымъ зарождается духовно чловѣкъ Будущности. Предъ этимъ кошмарнымъ ужасомъ, для котораго безсильно слово, предъ этимъ изступленіемъ человѣческимъ, кто-же не содрогается и не трепещетъ въ сердцѣ своемъ, ибо воистину «страшно впасть въ руки Бога живого»! Но вмѣстѣ съ тѣмъ,

что-же имѣетъ теперь значеніе болѣе творческое, культурное, историческое, апокалиптическое, нежели эта война, которую гений народный, вѣрно чувствуя въ ней трагическое освященіе человечества, уже назвалъ священной!»

И такой восторгъ передъ войной, не какъ передъ логически добытой истиной, а какъ передъ ослѣпительной красотой прорывается у самыхъ различныхъ людей.

147. Инженеръ Демчинскій: радость со- путствуетъ войнѣ.

Вотъ одинъ примѣръ: «Такъ возникаетъ великій синтезъ изъ безчисленныхъ потоковъ крови¹⁾. *Радость сопутствуетъ войнѣ*, преодолевая скорбныя тѣни... *Какъ чудесна эта война!* Въ гигантскомъ горнѣ сплавляются два міра, чтобы человѣчество впервые за свою долгую жизнь услышало гармонию сферъ...»

А вотъ другой:¹⁾ «Говорятъ, что великія войны рождаютъ великихъ гениевъ, что Пушкинъ и Толстой не подарили-бы міръ своими произведеніями, если-бы они не получили отъ событий этихъ эпическихъ періодовъ того перваго тока, котораго тщетно ожидали бы мы отъ сѣрыхъ, нудныхъ, однообразныхъ «обыкновенныхъ» годовъ. Прежде я этого никакъ не могъ понять, а теперь начинаю вѣрить, что это похоже на правду, что кто-то въ Европѣ, дѣйствительно будетъ гениемъ только потому, что онъ имѣлъ счастье быть сознательнымъ въ іюлѣ 1914 года. Ибо въ нашу затхлую европейскую атмосферу ворвались какіе-то горячіе вихри, которые мучатъ и терзаютъ, но въ которыхъ есть что-то *божественное*. Какія событія! Какія картины!»

148. Профессоръ междуна- роднаго права А. А. Пиленко: въ войнѣ есть что-то божественное.

Профессоръ политической экономіи М. И. Туганъ-Барановскій выразился¹⁾, что «современная война сильна величіемъ подвига, и чѣмъ ужаснѣе бой, тѣмъ болѣе въ нихъ *трагической красоты*».

149. Профессоръ политическо-й экономіи М. И. Туганъ-Барановскій: въ бояхъ трагическая красота.

¹⁾ Борисъ Демчинскій. «Сокровенный смыслъ войны». 1915 г.

¹⁾ Профессоръ международного права Пиленко. «Новое Время». 25 іюля 1914 г.

¹⁾ Какъ председатель на литературномъ вечерѣ о войнѣ, въ своемъ вступительномъ словѣ. Цитирую по отчету въ «Рѣчи» отъ 10 ноября 1914 г.

50. Философъ
Н. Бердяевъ:
война пробуж-
даетъ творче-
ское націо-
нальное со-
знаніе.

Философъ, бывшій марксистъ, Николай Бердяевъ указы-
ваетъ ¹⁾, что «нынѣшняя война даетъ толчки къ возникно-
венію новаго сознанія, творческаго національнаго сознанія»,
а социологъ, бывшій эмигрантъ П. Б. Струве отмѣчаетъ ²⁾,
что «Вѣра въ дѣйствительность простыхъ и смѣлыхъ рѣшеній
была утрачена человѣчествомъ, ее замѣнили маловѣріе и
моральная трусость. Но война, вообще, показала невиданное
и неслыханное. И пусть люди свободно и беззлобно станутъ
на путь творчества, невиданнаго и неслыханнаго. Мы, дѣй-
ствительно, на поворотѣ исторіи не только мірового могу-
щества, но и нравственнаго сознанія человѣчества. И этотъ
поворотъ создаетъ не перекройка европейской карты, не
фактъ политическій, а потрясеніе человѣческой души—фактъ
этический».

151. Соціологъ
П. Б. Струве:
война показала
невиданное и
неслыханное.

152. Эстетъ
Н. Врангель:
во время войны
жизнь необы-
чайно увлека-
тельна.

Эстетъ, знатокъ и тонкій цѣнитель искусства, баронъ
П. Врангель, въ отвѣтъ на упрекъ, что онъ на время войны
прекратилъ свой журналъ, посвященный искусству, пишетъ: ³⁾
«останавливая до конца войны свою дѣятельность, группа
лицъ, изучающихъ и любящихъ давніе годы, поняла, что
*сейчасъ наша жизнь столь необычайно увлекательна и значи-
тельна, что великій смыслъ ея поглощаетъ все остальное.*
И, конечно, не слишкомъ, а недостаточно оцѣниваемъ мы все
происходящее міровое смятеніе, и каждый мигъ, посвященный
не ему—*преступленіе передъ исторіей, творимой Богомъ.* Пбо
только Имъ движутся настоящія событія и *присутствіе Его*
во-сто кратъ прекраснѣе и значительнѣе проявленія человѣ-
ческаго генія въ области искусства за многіе вѣка. Кто изъ
насъ не ощущалъ прелести и ласки средневѣковаго творче-
ства, но, конечно, въ эпоху возрожденія его временно нужно
было забыть. Кто изъ насъ не любилъ и не волновался отъ
созерцанія гениевъ Франціи конца XVIII вѣка, но и они въ
годы Великой Революціи были временно излишни. Да, въ
словѣ «временно» и заключается весь житейскій тактъ тѣхъ,
кто не считаясь со своимъ внутреннимъ желаніемъ, готовъ

¹⁾ «Биржевыя Вѣдомости» отъ 23 января 1915 г.

²⁾ Тамъ-же отъ 22 февраля 1915 г.

³⁾ «Рѣчь» отъ 20 сентября 1914 г.

принести свою радость отъ красоты въ жертву необходимости великой Рока, и въ этомъ смиреніи не слабость, а сила человека. Будемъ-же смиренны, и склонясь съ крестомъ въ душѣ передъ великими событіями, поймемъ и осознаемъ, что сегодня нуженъ для человѣчества иной ключъ къ сердцу».

Женщины столь-же горячо увлекаются красотой явленій, вызванныхъ войной. А. Тыргова, очень близкая къ лѣвымъ теченіямъ, особенно зараженнымъ пацифизмомъ, пишетъ въ первые дни войны въ газетѣ [столь-же близкой къ этимъ теченіямъ ¹⁾]: «Исчезли бездѣйственные и равнодушные.... Сознаніе общей опасности и общаго долга, точно раскаленное желѣзо выжгло старыя раны, распрямило и оздоровило людей. И цѣлительный огонь горячѣе всего опалилъ сердца нашей молодежи... Вялые, апатичные, пессимисты, скептики, равнодушные къ себѣ и къ другимъ, потерявшіе вкусъ къ жизни, а потому далекіе отъ нея—вотъ какими они были еще двѣ недѣли тому назадъ. Теперь на нашихъ глазахъ совершается *великое чудо*. Могучее дыханіе иныхъ благородныхъ чувствъ, иныхъ благородныхъ печалей проникло въ душу поколѣнія идущаго намъ на смѣну... Нельзя въ достаточной полнотѣ представить себѣ сейчасъ, какое колоссальное воспитательное значеніе имѣютъ всѣ послѣднія государственныя переживанія, какой глубокой, облагораживающей слѣдъ оставятъ они на молодой Россіи... Но исторія уже брызнула на нихъ живой водой и мертвый сонъ наконецъ прерванъ».

Приведу слова еще одной женщины: Давая критическій отчетъ о книгѣ военныхъ разсказовъ, Г-жа Е. Колтоновская, опять таки въ пацифистской газетѣ ²⁾, отмѣчаетъ какъ выдѣляющійся правдивостью тона, и рекомендуетъ для прочтенія разсказъ, герой котораго, прапорщикъ Василій Петровичъ, бывший инженеръ, считаетъ переживанія, связанныя съ трудностями и опасностями войны, величайшей *моральной побѣдой, духовнымъ приобритеніемъ человечества*. И она цитируетъ слѣдующія слова героя: «Побѣда великая, побѣда глубокая,

153. Женщины-писательницы указываютъ на благотѣльные послѣдствія войны.

¹⁾ «Рѣчь» отъ 29 іюля 1914 г.

²⁾ «Рѣчь» отъ 9 мая 1916 г.

побѣда «до самого конца» надъ всѣми человѣческими слабостями; побѣда вознесшая духъ превыше всего, что цѣнилось когда-то, что цѣнится сейчасъ другими людьми, возлюбившими себя и всѣ свои слабости. Это побѣда великаго духа свободной разумной личности, подчинившей желѣзной рукой животную сторону организма, съ ея страхомъ смерти, со страхомъ боли, съ ея преходящими маленькими печальми и горестями».

Подобный-же отзывъ мы находимъ о разсказахъ Сергѣя Городецкаго ¹⁾. «Особенно цѣнно въ разсказахъ г. Городецкаго, что большая часть изъ нихъ проникнута вѣрой въ то, что на развалинахъ мірового пожара зародится новая жизнь, *болѣе свѣтлая и прекрасная, чѣмъ бывшая раньше*». «Мы по другому думаемъ, по другому чувствуемъ, иначе любимъ», — говоритъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ. «И это такъ понятно. *Война очистила насъ, какъ огонь*».

154. Писатель
Л. Андреевъ:
надо все на-
править къ
войнѣ и по-
бѣдѣ.

А вотъ писатель Леонидъ Андреевъ громитъ тѣхъ, которые жалуются на усталость отъ «продолжительной» войны ²⁾.

«Слабые въ мирѣ, мы получили войну. Сильные въ войнѣ, мы добудемъ и крѣпкій миръ. Не надо говорить: пусть поскорѣе кончится хоть какъ-нибудь война, и тогда я стану работать и творить—это неправда. Это голосъ все того-же безспія и трусости передъ дѣломъ. Надо горѣть, надо быть сильнымъ сейчасъ, сію минуту. Пусть въ триумфальныя врата завтрашняго дня мы вступимъ сильными и властными,—тогда и завтрашній день будетъ ясенъ и свѣтелъ, тогда и на него положимъ волю свою. А пролѣзть туда сквозь лазейку рахитичнаго мира—это значитъ, что и «завтра» будетъ командовать нами, какъ командовало ничтожное и жалкое «вчера».

«И тѣ, кто отворачиваясь отъ войны, ждуть завтрашняго дня, чтобы проявить силу свою, ошибаются горько—у нихъ нѣтъ силы и для нихъ не будетъ завтрашняго дня. И какъ прозѣвали они войну, которая готовилась пышно передъ ихъ глазами, такъ-же прозѣваютъ они и миръ, который уже готовится и кричитъ о себѣ изъ всѣхъ грохочущихъ орудіиныхъ

¹⁾ Иллюстрированное приложение къ «Новому Времени», ноябрь 1916 г.

²⁾ «День печати» въ Москвѣ. Цитирую по газетѣ «Рѣчь» отъ 13 февраля 1915 г.

жертв. Надо сейчас-же все вниманіе души, всю силу, все хотѣніе наше направить къ войнѣ и побѣдѣ, и тогда, овладѣвъ войной, овладѣетъ народъ и миромъ».

Также находятъ смыслъ и оправданіе войны въ низшихъ классахъ, въ деревнѣ. Въ засѣданіи Географическаго общества былъ сдѣланъ докладъ подъ заглавіемъ «Перерожденіе войной» ¹⁾. Въ основу доклада легъ обширный матеріалъ, собранный какъ въ тылу—въ глухихъ деревняхъ (напр. въ Пермской губерніи), и лазаретахъ, такъ и на передовыхъ позиціяхъ—«въ окопахъ». Весь этотъ матеріалъ согласно указываетъ—какъ необычайно и глубокого взволнована душа народа и въ странѣ и въ арміи. Подготовка къ внутреннему перерожденію—сбрасыванію съ себя ветхаго человѣка—происходитъ въ непосредственной боевой обстановкѣ. Въ окопахъ солдаты часто «заклинаются»—даютъ обѣщанія жить по правдѣ. Въ эти моменты какъ-бы сооружается мостъ къ перерожденію человѣка—моментъ побѣды духа. О всемъ этомъ солдаты говорятъ очень неохотно, и только по письмамъ ихъ къ своимъ можно видѣть этотъ процессъ перерожденія личности, всѣ ея исканія и колебанія. Въ деревняхъ въ массѣ разговоровъ проглядываетъ общая черта—оправданіе войны. Стремятся найти и подчеркнуть ея свѣтлыя, положительныя стороны. Про солдатъ говорятъ—совсѣмъ теперь переродились. Раньше со службы приходили гордые, смѣлые, теперь нѣтъ... Сколько до войны зла было, а на войнѣ какъ начинаютъ на страсти, такъ и закладываютъ жить по правдѣ. Народъ переродится—таковъ по мнѣнію деревни утѣшительный результатъ войны. И въ этихъ деревенскихъ разсужденіяхъ, по мнѣнію докладчика, величавая картина оправданія войны»...

155. Народъ оправдываетъ войну.

Въ заключеніе нужно отмѣтить, что войну воспріимаетъ и пресловутый «футуризмъ». Конечно, если-бы онъ дѣлалъ это только теперь, да еще въ лицѣ массы бездарностей, которыя примазались къ этому модному теченію, имѣя возможность приккрыть свое убожество флагомъ «футуризма», яко-бы непо-

156. Футуризмъ воспріимаетъ войну.

¹⁾ Цитирую по отчету «Рѣчи» отъ 18 сентября 1915 г.

нѣтнаго обыкновеннымъ смертнымъ, то пожалуй не стоило-бы о немъ упоминать въ этомъ обзорѣ. «Футуризмъ» именно долженъ *предидти* по малому большое. И, конечно, этого можно ожидать только отъ талантливыхъ его представителей.

И вотъ оказывается это имѣло мѣсто. Незначительная война Италіи противъ Турціи въ 1911 г. вызвала со стороны талантливаго вождя итальянскихъ футуристовъ Ф. Маринетти восторженную поему «Битва у Триполи» ¹⁾, которую онъ посвятилъ воспѣванію «новыхъ цѣнностей»—машини, движенія и войны—этой «единственной гниены міра». *Война изображается имъ, какъ нечто прекрасное само по себѣ.*

По поводу этого произведенія Маринетти, П. Н. Милуковъ ²⁾ отмѣчаетъ, что Маринетти выразилъ въ каррикатурѣ то, что чувствуетъ весь итальянскій народъ.

157. Эстетика войны должна войти въ будущее въ составъ общей эстетики.

Копчаю мои выписки, которыя и такъ уже вѣроятно утомили читателя. А могъ-бы я ихъ продолжать до безконечности—настолько богатый матеріалъ представляетъ изъ себя по этому вопросу литература во время войны. Но вѣдь то, что даетъ литература—это только ничтожная часть того, что на самомъ дѣлѣ чувствуютъ люди. Вѣдь огромное большинство чувствующихъ смыслъ и мудрость войны черезъ красоту ея явленій не умѣютъ и не могутъ выразить свое чувство печатно.

Такъ развѣ не страшно важно запечатлѣть и сохранить для человѣчества смыслъ войны въ такой именно формѣ—эстетической, въ которой онъ дѣйствуетъ на такую массу людей! Эстетика войны, составивъ сначала лишь особую дисциплину философіи войны, о чемъ должны позаботиться будущіе работники въ области чистой теоріи стратегіи, должна потомъ перейти въ общую эстетику—въ ученіе о прекрасномъ вообще, чтобы войти въ общее образованіе человѣчества. Насколько легче тогда человѣчество будетъ переживать войны, которыя вѣдь все равно такъ или иначе переживать придется. Насколько тогда легче будетъ подготовка

¹⁾ Русскій переводъ изданъ въ 1915 г.

²⁾ См. «Рѣчь» отъ 1 июля 1916 г.

къ войнамъ, когда люди будутъ знать, что они несутъ матеріальныя жертвы для подготовки къ тѣмъ неизбежнымъ періодамъ въ жизни человѣчества, когда ихъ ждетъ духовное хотя-бы и временное обновленіе, когда закладываются основанія для послѣдующаго расцвѣта моральнаго и матеріальнаго!

Сколь многими легче встрѣчается смерть, благодаря вѣрѣ въ блаженство и красоту загробной жизни. А развѣ смерть не столь-же ужасна, неизбежна и непонятна для человѣчества какъ и война!

Приводи мои выписки, я совсѣмъ не хочу сказать, что все, что въ нихъ сказано, солидно обосновано и буквально справедливо. Совсѣмъ нѣтъ. Да это и не нужно въ той области, которую я затрагиваю—въ области художественнаго творчества. Особенность этой области въ томъ и состоитъ, что въ ней говорятъ языкомъ, не подчиняющимся законамъ логики. Образы здѣсь часто неясны, таинственны и фантастичны, и опредѣленные созвучія словъ создаютъ лишь извѣстныя настроенія. Но дѣло въ томъ, что эти настроенія открываютъ для множества людей *возможность почувствовать и созерцать вѣрную сущность*—и въ этомъ огромная сила и значеніе этихъ настроеній и для науки, и потому наука непременно должна изучать способы созданія этихъ настроеній и пользоваться ими для проведенія истины въ толщу человѣчества.

Вѣдь дѣло науки не только открывать истину. Ея цѣль всегда практическая (см. стр. 4 (выноска), 78 и 83)—она открываетъ истину для того, чтобы человѣчество могло эту истину использовать для общаго блага. И поэтому наука не можетъ пренебрегать ни однимъ изъ средствъ, могущихъ служить для того, чтобы убѣдить людей въ дѣйствительной истинности того, что найдено наукой. Только такимъ путемъ можетъ быть создано «цѣльное», «жизненное» (практическое) знаніе, не обреченное на то, чтобы оставаться мертвымъ капиталомъ и гласомъ вопіющаго въ пустынь. А на это неизбежно обречена истина, что война—естественное, неизбежное звено въ жизни человѣчества, что она цѣлесообразна для человѣчества, если эта истина не будетъ поднесена человѣчеству

158. Различные
виды красоты
въ явленіяхъ
войны.

во всѣхъ видахъ, въ которыхъ оно способно воспринимать истину вообще—и какъ истину, и какъ благо, и какъ красоту.

Красота войны, какъ это видно и изъ приведенныхъ выше выписокъ, представляется въ различныхъ видахъ. И какъ красота безкорыстнаго подвига съ жертвой жизнью для блага другихъ, и какъ красота духовнаго перерожденія съ подавленіемъ эгоизма и устремленіемъ къ добру, и какъ красота мощи и упоенія своей силой.

И всѣ эти различныя чувства питаются и удовлетворенностью, и личными индивидуальными переживаніями, и восторгами и преклоненіемъ передъ ощущаемыми, хотя быть можетъ и воображаемыми, міровыми переворотами.

159. Война
какъ «Судъ
Божій».

Въ войнѣ представляется еще одинъ видъ красоты—это идея «Суда Божьяго». Эта идея создалась не въ области войны, а въ области суда. Эта форма суда ведетъ свое начало съ глубокой древности и исчезла на Западѣ только въ срединѣ XVIII вѣка, а у дикихъ народовъ сохранилась и по сіе время. Идея «Суда Божьяго» состояла въ томъ, что, когда исчерпывались всѣ обыкновенныя средства доказательства и не могли выяснить виновности и невинности, стороны могли апеллировать за этимъ выясненіемъ и рѣшеніемъ спора къ Божеству. Считалось, что Божество посредствомъ чуда покажетъ—кто изъ спорящихъ правъ, и потому спорящіе вызывались сдѣлать что-нибудь такое, что по естественному порядку вещей должно быть для нихъ гибельно, но влѣдствіе непосредственнаго участія Божества окажется безвреднымъ. Но такія испытанія, напр. возможность держать въ рукахъ раскаленное желѣзо, не обжигаясь, очевидно, были гибельны для того изъ спорящихъ, который имъ подвергался. Это былъ обыкновенно обвиняемый, ибо обвинитель подвергался испытанію только въ случаѣ совершенно голословнаго обвиненія. Поэтому обращеніе къ «Суду Божьему» вылилось въ такъ называемые «судебные поединки» ¹⁾, въ которыхъ противники

¹⁾ «Судебный поединокъ» не имѣлъ ничего общаго съ «дуэлью». Первое есть доказательство, на основаніи котораго постановляется рѣшеніе по всякому спорному вопросу, а «дуэль»—это само рѣшеніе и исключительно по вопросу о чести. Къ дуэли идея о «Судѣ Божьемъ» непримѣнима.

поставленные во вѣдшія совершенно одинаковыя условія, прибѣгали къ проявленію божественной силы, долженствующей стать на защиту невиннаго.

Но, конечно, и въ этомъ случаѣ, идея объ участіи здѣсь Божества, которое раскрыло-бы посредствомъ этого участія, кто изъ противниковъ правъ въ данномъ случаѣ, или вообще достойнѣе другого, притянута и тутъ за волосы. Божество, вмѣсто того, чтобы доводить дѣло до поединка, и тамъ лишь стать на защиту невиннаго, столь-же легко могло дать въ руки этого невиннаго и любое доказательство его невинности во время судебного разбирательства. И красота идеи въ «Судѣ Божіемъ» состоитъ не въ самомъ вмѣшательствѣ въ споръ именно Божества—это только одна изъ представляемыхъ человѣкомъ формъ этой идеи—форма то-же, конечно, красивая. Красота-же самой идеи заключается въ томъ, чтобы *побѣдила правда*. Въ другомъ видѣ красота идеи заключается въ томъ, чтобы правъ оказался не правый именно въ данномъ случаѣ, а *достойнѣйшій вообще*, т. е. въ томъ, чтобы *побѣждало совершенство*, или точнѣе говоря—*болѣе совершенное*. Вторая идея является болѣе широкой, болѣе грандіозной и вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе красивой. «Совершенство»—это полнота и законченность всякаго предмета, это полное выраженіе разума (логоса) міроздачія въ той степени, насколько это доступно тому или другому предмету, выражая его цѣлесообразность и смыслъ въ общей картинѣ міроздачія.

«Совершенное» можетъ быть не право въ глазахъ людей, въ особенности въ какомъ нибудь частномъ вопросѣ или случаѣ, по въ то-же время оно можетъ быть право съ высшей точки зрѣнія, съ точки зрѣнія разума всего существующаго, т. е. съ точки зрѣнія того, что называется «Вышнимъ Разумомъ» или «Божествомъ». И вотъ красота идеи «Божьяго Суда», понимаемаго именно въ такомъ смыслѣ, и если-бы таковой существовалъ на самомъ дѣлѣ, и заключается въ этомъ постановленіи «Высшаго Разума», въ выявленіи «Высшей Справедливости». И вотъ, чтобы эта идея могла-бы получить хоть какое-нибудь реальное осуществленіе въ «судебномъ поединкѣ», т. е. въ поединкѣ *только двухъ* людей—это,

конечно, недопустимо разумомъ. Здѣсь очевидно, что будетъ и случайность, и физическая сила, и ловкость, и мужество одного изъ противниковъ, и нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что эти элементы, которые будутъ вліять на побѣду, окажутся преимущественно на сторонѣ болѣе праваго или болѣе совершеннаго. Съ тою-же степенью вѣроятности можно предполагать, что эти элементы окажутся на сторонѣ менѣе праваго и менѣе совершеннаго.

Но огромная разница со случаемъ только *двухъ* борющихся, представить собою случай борьбы двухъ народовъ, въ особенностяхъ борьбы рѣшительной, не на жизнь, а на смерть, такой борьбы, въ которой уступаетъ лишь тотъ; у котораго уже не осталось никакихъ средствъ бороться дальше, такой борьбы, въ которой участвуетъ не военная только сила, а вся страна, изъ которой извлекаются все ресурсы, могущіе служить для борьбы.

Здѣсь борьба является очень длительной, дѣло рѣшается не одной схваткой, а цѣлымъ рядомъ ихъ, при чемъ каждой стороной выставляются все новыя и новыя силы. Поэтому здѣсь роль случайности значительно *уменьшается*. И здѣсь даютъ побѣду искусство и ловкость и мужество, но если все это проявляется не въ одномъ случайномъ человѣкѣ, а какъ средній выводъ въ массѣ, то это уже показываетъ, что *страна что-то сдѣлала, чтобы создать эти качества*. Значитъ она работала надъ этимъ и не только для войны, а вообще для жизни государства, и значитъ и жизнь эта была болѣе совершенная, обслуживаемая такими качествами. Если она создала болѣе совершенныя матеріальныя средства для войны, то значитъ она создала вообще богатство, безъ чего созданіе этихъ средствъ было-бы немыслимымъ, что она создала болѣе совершенную промышленность и торговлю. Лучшія моральныя качества проявленныя на войнѣ показываютъ, что страна создала лучшую организацію управленія страной, что создано лучшее отношеніе гражданъ къ своей странѣ, подвигающее ихъ на болѣе энергичную защиту ея интересовъ, и на большія матеріальныя пожертвованія для достиженія побѣды, что болѣе прочно слиты различныя народности въ странѣ, и

элиты не только насиліемъ, но и взаимнымъ уваженіемъ и сознаніемъ выгоды и справедливости общей государственной жизни. Большая матеріальная и моральная мощь—это прямое слѣдствіе болѣе высокой культуры, болѣе цѣлесообразности въ социальномъ устройствѣ, болѣе высокое состояніе ума и духа.

И потому, если два народа численно различаются немного, и если борьба между ними имѣла рѣшительный характеръ, то имѣется значительное основаніе считать, что побѣдилъ народъ болѣе совершенный, болѣе цѣлесообразный въ мірозданіи ¹⁾. А отсюда можетъ быть выведена и идея о «Божьемъ Судѣ» и представленіе объ объективной красотѣ побѣды, какъ о приговорѣ «Высшаго Разума» и явленіи «Высшей Справедливости». И такая идея способна увлекать, и передъ ней можно преклоняться. Вотъ эта идея и должна быть подробнѣйшимъ образомъ развита въ эстетикѣ войны.

Результатъ всѣхъ этихъ ощущеній красоты въ явленіяхъ связанныхъ съ войной все тотъ же самый—*непосредственное*

160. Важность для военной науки что ощущеніе красоты войны связано съ желаніемъ побѣды.

¹⁾ Какъ выражается социологъ Штейнмецъ «въ войнѣ осуществляется историческая справедливость. На войнѣ привлечено къ суду все значеніе данного народа, нашедшее свое выраженіе во всѣхъ обстоятельствахъ жизни государства и общественныхъ его силахъ. Нѣтъ ничего болѣе великолѣпнаго, болѣе возвышающаго и болѣе полезнаго, чѣмъ этотъ неумолчный судъ! На войнѣ все, рѣшительно все безъ исключенія содѣйствуетъ успѣху или пораженію, все прошедшее народа и все его настоящее, со всѣми его силами и слабостями находятъ здѣсь оцѣнку».

Вотъ почему этотъ судъ *долженъ* быть справедливымъ, какъ никакой другой въ мірѣ. Но война не только наказываетъ, а она расчищаетъ дорогу всему новому, лучшему, безжалостно отменяя все старое, прогнившее. Война есть въ одно и то же время и судья и реформаторъ. И именно справедливость ея, безъ суда и безъ судебного приговора, есть справедливость величайшая, самая надежная, покоясь только на внутренней необходимости, на *справедливости природы*, безусловно болѣе предпочтительной, чѣмъ справедливость человѣческая. Каждый судья судить односторонне, а война *всесторонне*, побѣда и пораженіе суть результаты всей исторіи народа». Философія войны 1907 г. стр. 205.

«Война—торжество того, кто лучше» сказалъ Гегель.

Достоевскій, наблюдая франко-прусскую войну, писалъ (письмо отъ 17 августа 1870 г.): «Франція слишкомъ очерствѣла и измѣлчала. Наполеонова фамилія будетъ уже невозможна. Ея новая жизнь и преобразованія такъ важны, что страданіе, хоть и тяжкое ничего не значить. *Неужели вы не видите руки Божьей?*»

пониманіе мудраго смысла войны. А это именно и важно, какъ практическая цѣль для военной науки.

Отъ войны многіе ждутъ и другихъ благъ—и въ особенности напр. соціальныхъ реформъ, въ видѣ политическихъ свободъ, ослабленія капитализма, національнаго равноправія, рѣшенія женскаго вопроса ¹⁾ и т. п... Но этимъ областямъ здѣсь не мѣсто, ибо въ нихъ цѣлесообразность войны познается мышленіемъ, а не черезъ чувство красоты, а потому эти области здѣсь и не затрагиваются, хотя міровая война и въ этихъ областяхъ дала огромный матеріалъ въ видѣ высказанныхъ надеждъ и дѣлъ различныхъ классовыхъ и политическихъ группъ.

Но какихъ-бы благъ ни ждали отъ войны, и какимъ-бы путемъ не доходили до пониманія, что именно война можетъ дать эти блага, эти ожиданія въ подавляющемъ большинствѣ связаны съ желаніемъ *побѣды* ¹⁾, ибо противнику—справедливо или несправедливо—это другой вопросъ—приписываются обыкновенно стремленія несправедливыя, и могущія во всякомъ случаѣ помѣшать достиженію чаемыхъ путемъ войны цѣлей, какъ моральныхъ, такъ и матеріальныхъ.

И это желаніе побѣды—не менѣе важно для военной науки, чѣмъ и самое признаніе цѣлесообразности войны. Второе дастъ человѣчеству истину, пониманіе которой всей толщей народа важно для военной науки, а первое—создаетъ благоприятную почву для того, чтобы военная наука могла такъ готовить войну, какъ это слѣдуетъ согласно ея положеніямъ. Народъ, понявшій что войну не только полезно пережить,

---

¹⁾ Этотъ вопросъ въ значительной мѣрѣ уже подвинулся въ своемъ разрѣшеніи во время войны какъ-бы автоматически, ибо женщины должны были занимать во многихъ областяхъ взятыхъ на войну мущинъ.

¹⁾ Существованіе идеи «Пораженчества» вызывается особыми мѣстными условіями, и эта идея не допускаетъ серьезнаго крушенія государства подъ давленіемъ внѣшнихъ силъ, а лишь сравнительно легкую встряску, ослабляющую правительство, настолько, чтобы оно было вынуждено дать извѣстныя реформы, но не настолько ослабляющую страну и подчиняющую ее внѣшнимъ вліяніямъ, чтобы за этимъ поблекла и самая реформа. Поэтому напр. идея «пораженчества» не имѣетъ никакого успѣха въ міровой войнѣ, когда пораженіе грозитъ неисчислимыми бѣдствіями для государства.

но что для извлеченія изъ нея пользы необходимо непременно и *побудить*, охотно дать на это необходимыя средства.

А это-то и страшно важно для лицъ отвѣтственныхъ въ государствѣ за военное дѣло, которые руководятся положеніями военной науки.

Разъ пѣтъ соотвѣтственной подготовки къ войнѣ, мудрость и мощь военныхъ наукъ не можетъ быть использована, такъ какъ пѣтъ средствъ для выполненія того, что она требуетъ. И будучи бессильна въ этомъ случаѣ не по своей винѣ, она вызываетъ только нареканія. Это одна изъ главнѣйшихъ причинъ печальнаго разлада между теоріей и практикой въ военномъ дѣлѣ (см. предисловіе).

Чтобы эстетика войны обладала достаточной убѣдительностью, она не можетъ быть обоснована на матеріалѣ только одной какой-либо эпохи, напр. только современной войны. Всегда скажутъ, что то, что думаютъ люди *теперь*, они не будутъ думать въ будущемъ, ибо представленіе объ измѣняемости природы человѣка пустило крѣпкіе корни въ человечествѣ.

Правда—опроверженіе этого представленія и обоснованіе гипотезы о неизмѣнности человѣческой природы представляетъ изъ себя одну изъ главнѣйшихъ задачъ «логики войны» (см. §§ 88—92, и стр. 83 и 84), и тамъ (кн. I, главы V—XIV) это и будетъ сдѣлано.

Но и въ построеніи эстетики войны слѣдуетъ не упустить случая подтвердить обоснованіе вышеуказанной гипотезы. И это подтвержденіе будетъ заключаться въ томъ, что будетъ использованъ матеріалъ и за прежнее время, и изъ сравненія его съ нынѣшнимъ матеріаломъ будетъ установлено положеніе, что и прежде, когда культура была совсѣмъ на другой степени чѣмъ теперь, люди проникали въ смыслъ войны черезъ чувство красоты связанныхъ съ нею явленій. А тогда имѣется вѣское основаніе предполагать, что такъ будетъ и впредь, что преклошеніе передъ смысломъ войны черезъ ея красоту находится внѣ зависимости отъ эпохи и отъ степени культуры, а значитъ построеніе эстетики войны принесетъ практическую пользу въ будущемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ по-

161. Эстетика войны можетъ подтвердить гипотезу о неизмѣнности природы человека.

путно получить лишнее подтверждение и гипотеза о неизмѣнности человѣческой природы.

162. Красоту
войны люди
чувствовали
всегда.

Углубиться хоть сколько-нибудь въ изслѣдованіе прежняго матеріала, даже въ тѣхъ ничтожныхъ размѣрахъ, въ которыхъ я это сдѣлалъ съ матеріаломъ нынѣшней войны, нѣтъ никакой возможности въ этомъ очеркѣ—цѣль котораго относъ не въ построеніи эстетики войны, а лишь въ указаніи возможности и пользы этого построенія. Поэтому я приведу только нѣсколько отрывочныхъ указаній на мнѣнія великихъ художниковъ слова и философовъ ¹⁾ прежняго времени, показывающихъ, что смыслъ и цѣлесообразность войны, были имъ понятны такъ же, какъ и нашему поколѣнію.

«Война—это творецъ, начало всѣхъ вещей» утверждалъ еще одинъ изъ первыхъ философовъ Гераклитъ (VI в. до Р. Хр.). Въ борьбѣ всего существующаго, по его мнѣнію, скрывается высшій разумъ (логосъ), который человѣкъ долженъ отыскивать въ природѣ. Этотъ логосъ есть смыслъ вещей, но въ то-же время и ихъ рокъ, судьба, опредѣляющая движеніе вселенной ²⁾.

«Война есть естественное состояніе народовъ» говоритъ Платонъ ³⁾. Кантъ ⁴⁾ подтвердилъ это, выразившись что «война есть естественное состояніе» и что «война истекаетъ, повидимому, изъ самой человѣческой природы». Гегель прозрѣвалъ огромную цѣлесообразность въ явленіи войны. «Война», говорилъ онъ, «не есть абсолютное зло или явленіе только случайное, имѣющее свое основаніе въ страстяхъ правителей или народовъ, въ беззаконіяхъ или вообще въ чемъ-либо не должествующемъ быть. Высшее значеніе войны заключается въ томъ, что она укрѣпляетъ нравственное здоровье народовъ, подобно тому, какъ движеніе вѣтровъ

¹⁾ Кромѣ художниковъ слова именно философы разсматривали разбнраемые ими вопросы и съ эстетической точки зрѣнія.

²⁾ См. философскій словарь Радлова. Изд. 2-е 1913 г. стр. 126.

³⁾ Иден свои Платонъ излагалъ въ художественной формѣ. См. словарь Радлова, стр. 479.

⁴⁾ Zum ewigen Frieden.

ственные впечатлѣнія будутъ призваны для утвержденія этой истины.

Значить истину о смыслѣ или бессмысленности войны, объ ея естественности или неестественности и т. п. я буду искать въ *логику войны* (см. условное значеніе этого понятія на стр. 84), построение которой и составитъ основную часть чистой теоріи стратегіи. Если по этимъ изысканіямъ окажется, что истина состоитъ въ томъ, что человѣческая природа эволюционируетъ въ сторону добра, что изъ этой природы можетъ исчезнуть насиліе, что въ созданіи того, что зовется добромъ, не участвовало и не участвуетъ насиліе (см. кн. I, гл. IX), что война—это варварскій пережитокъ, а не естественное явленіе въ жизни человѣчества, что война не цѣлесообразна въ мірозданіи, а потому въ ней нѣтъ и смысла, то логика войны существовать не будетъ.

Тогда пошатнется значительно и этика войны, а останется лишь представленіе у извѣстной группы людей, явно обманывающихся—о красотѣ войны—красотѣ, значить, не объективной—а какъ обманъ чувствъ, ибо въ этой области ошибки болѣе всего возможны. А тогда значить и не можетъ быть построено *цѣльное* знаніе о войнѣ, и не можетъ быть обоснованъ *милитаризмъ*. Тогда можетъ быть обоснованъ въ видѣ цѣльнаго знанія *пацифизмъ*, опирающійся на логику, этику и эстетику мира.

Если-же логика войны докажетъ, что явленіе войны—это мудрость мірозданія и что война цѣлесообразна, не можетъ быть обоснованъ пацифизмъ, и заблужденіемъ окажется эстетическое чувство тѣхъ людей, которые напр. въ вышеупомянутой книгѣ не чувствуютъ въ войнѣ красоты, а только безобразіе и зло.

Истина ищется только умомъ внѣ вліянія чувства и воли. Но безъ нихъ, несмотря на все свое достоинство, она можетъ остаться мертвой, не примѣняемой въ жизни.

Логическія построенія, связанные умомъ въ одно стройное цѣлое, могутъ еще не жить, какъ въ русскихъ сказкахъ разрубленное и затѣмъ соединенное тѣло, сыпнутое лишь *мертвой* водой. Оно начинаетъ жить въ этихъ сказкахъ только когда его всыпнутъ и *живой* водой.

Эта живая вода въ наукѣ—чувство и воля, которыя обрѣтутъ въ найденной умомъ и непоколебимой истинѣ и увлекающую красоту и возбуждающую къ практическому примѣненію идею блага. И такимъ путемъ получится не просто знаніе, а *знаніе цѣльное и жизненное*. Какъ подтвержденіе истины, сливаясь съ нею, чувство красоты и блага—дадутъ въ результатѣ это благо, къ добыванію котораго собственно и стремится вся человѣческая дѣятельность. Это будетъ *истинное* благо.

164. «Эстетика» и «этика» войны безъ «логики» войны — могутъ дать практической дѣятельности ложное направленіе.

Чувства-же красоты и блага, не сливающіяся, въ свою очередь, съ истинной могутъ быть очень сильны, и могутъ подвигнуть людей на энергичную дѣятельность. Но приведетъ эта дѣятельность только къ отрицательному результату, къ разочарованію, ибо благо окажется не истиннымъ, а ложнымъ, т. е. не благомъ. Ибо чувство и воля могутъ заставить дѣйствовать, но они-же могутъ и ошибаться, т. е. направлять дѣятельность по ложному пути. Въ основу ихъ непременно должна лечь истина. Только тогда они получаютъ настоящую цѣнность.

Продолжая высказанное сравненіе съ идеями, заложенными въ русской сказкѣ, чувство и воля, безъ обоснованія на истинѣ, были-бы подобны живой водѣ, которой спрыснули-бы разбросанныя части тѣла, не сложивъ ихъ предварительно и не сростивъ ихъ между собой мертвой водой. Эти части стали-бы жить самостоятельно и неминуемо-бы погибли. Ноги и руки не видѣли-бы и не слышали, а голова, и видя и слыша, не могла-бы дѣйствовать, и ни одна часть не могла-бы питаться.

Въ этой мертвой и живой водѣ русской сказки заключенъ глубокий смыслъ.

165. Одна изъ причинъ разногласія въ мышленіяхъ о войнѣ — обоснованіе этихъ мыслей одними на знаніи, другими — на вѣрѣ.

Возвращаясь къ тому разпорѣчію, которое можно отмѣтить въ многочисленныхъ мнѣніяхъ людей относительно смысла войны, разпорѣчія вполне естественнаго, такъ какъ люди обо всемъ думаютъ различно, и яркій примѣръ коего дасть въ томъ сборникѣ мыслей, на который я указываю (§ 163), можно тутъ-же отмѣтить одну изъ причинъ этого разпорѣчія. И причину эту слѣдуетъ отмѣтить, ибо съ ней мы бу-

демъ встрѣчаться не разъ въ построеніи цѣльнаго знанія о войнѣ, какъ, впрочемъ, это должно имѣть мѣсто и при построеніи всякаго цѣльнаго знанія.

Причина эта простекаетъ изъ того различія *отры* и *знаній*, о необходимости помнить о которомъ, я уже говорилъ въ своемъ мѣстѣ (см. стр. 112). Не хочу, какъ убѣжденный сторонникъ разумности и естественности войны, говорить по этому поводу самъ, такъ какъ имѣю подъ руками слова такого-же убѣжденного противника моего мнѣнія. Это выдающійся французскій юристъ Шарль Ревонъ, авторъ книги «Arbitrage International». Въ сборникѣ мнѣній, на который я ссылаюсь приведено 7 выдержекъ изъ его сочиненій, и всѣ онѣ дышатъ ненавистью къ войнѣ, и глубокой *отрой*, что войны скоро прекратятся ¹⁾. Но въ этомъ-же сборникѣ, въ предисловіи, составитель его приводитъ и мнѣніе Ревона о причинахъ разногласія въ мнѣніяхъ о войнѣ.

«Сдѣлайте ясный сводъ всѣхъ доводовъ обѣихъ сторонъ», говоритъ Ревонъ, «и сопоставьте ихъ затѣмъ насколько можно справедливо и безъ предубѣжденія. Вы естественно придете къ заключенію весьма простому, именно—что сторонники войны смотрятъ, главнымъ образомъ, на *прошедшее*, а сторонники мира—на *будущее*. Отсюда ясно, что смотря по тому, въ какую сторону кто обращаетъ взоры, онъ видитъ зрѣлища совершенно различныя, и они производятъ на него впечатлѣнія совершенно противоположныя. Въ сущности, сторонники войны закрываютъ глаза на будущее, и въ этомъ причина ихъ ослѣпленія, ихъ преклоненіе передъ одними совершившимися фактами и ихъ презрѣніе къ *мечтамъ* о мирѣ. Наоборотъ, поклонники мира отказываются бросить безпристрастный взглядъ на прошедшее, и въ этомъ — причина ихъ несправедливаго презрѣнія къ нему, не взирая на его несомнѣнную славу, и ихъ торопливые, необдуманные восторги передъ прогрессомъ, который, прежде всего,

¹⁾ Вотъ напр. одна изъ выдержекъ: «Война безсмысленна, ужасна, она оскорбляетъ обыденный здравый смыслъ и религіозное чувство, оскорбляетъ чувство прекраснаго, и чувство нравственности, нарушаетъ право и общественную экономію, словомъ все, что есть разумнаго, прекраснаго, благого».

требуетъ медленной подготовки и дозрѣванія. Одни видятъ только начало вещей, другіе—только конецъ. Одни *дѣйствительность прошедшаго и настоящаго*, другіе—*идеальность будущаго*. Вопиствующіе живутъ *воспоминаніемъ*, миротворцы—*надеждою*; одни боготворятъ то, что было и есть, другіе—то, что будетъ. Обѣ стороны правы, и обѣ неправы».

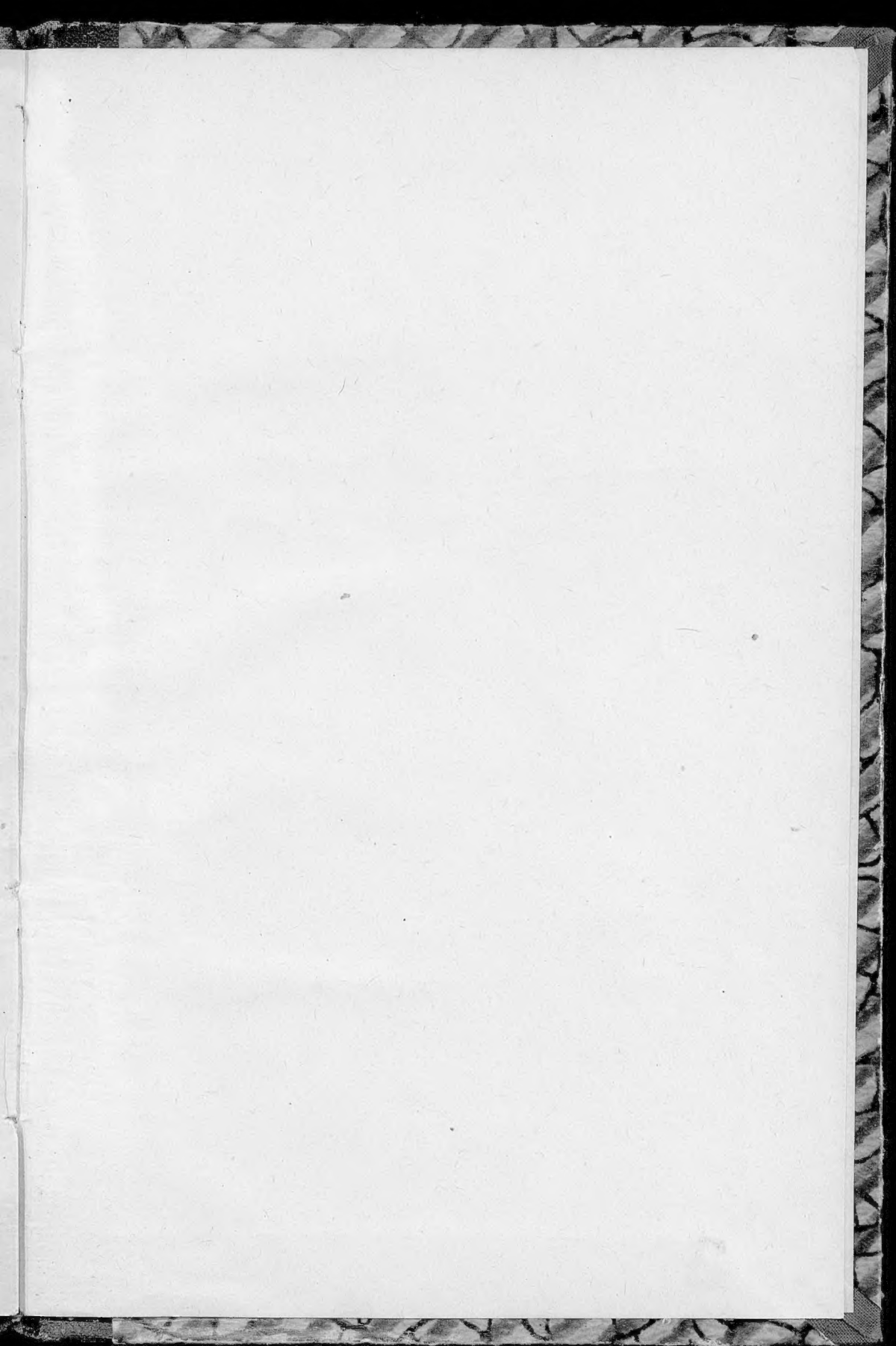
Но вѣдь то, что рѣшается говорить о будущемъ лишь на основаніи анализа того, что было и что есть—это и есть *знаніе*. То-же, что говорить о будущемъ, не опираясь на знаніе,—это вѣдь и есть *спра*.

А вѣдь задача военной науки — построить *знаніе* о войнѣ выбирая изъ области *вѣры* лишь то, относительно чего можетъ быть дано объясненіе, почему ему оказано предпочтеніе передъ другими (см. § 112 и стр. 87—88). Поэтому для построенія логики войны, я и начну съ того, что *было*, и что *есть*. А изъ области вѣры — къ этой области относится въ значительной мѣрѣ эстетика войны — буду брать лишь то, что объясняется не только желаніемъ, *чтобы такъ было*, сколь-бы такое желаніе ни было естественно и объяснимо, а относительно чего можетъ быть приведено извѣстное логическое объясненіе изъ той-же области того, что было и что есть.

Наука иначе поступать не можетъ.

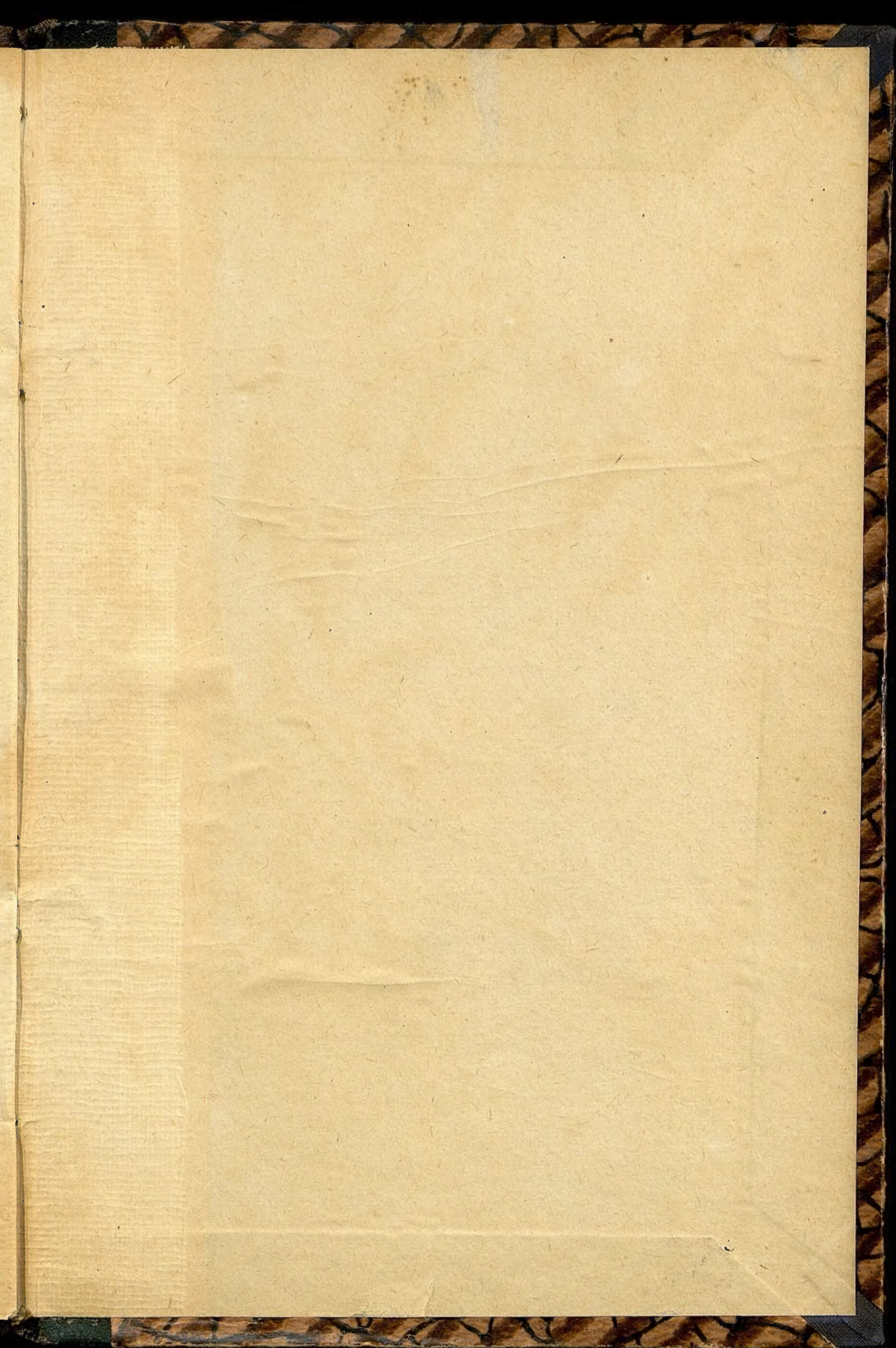
Этимъ я заключаю введеніе къ моему труду, въ которомъ я старался выяснитъ, чѣмъ я руководствовался въ построеніи чистой теоріи стратегіи, какъ логики войны (философіи войны), и почему я ее строилъ, а не ограничился прикладной теоріей стратегіи (см. §§ 114—116). А объяснить это, и объяснить насколько возможно подробно, я считаю необходимымъ, такъ какъ всѣ извѣстныя мнѣ стратегіи заключаютъ въ себѣ только небольшія отрывки чистой теоріи стратегіи, и весь центръ тяжести и изложенія перенесенъ въ нихъ на прикладную теорію стратегіи.

24887

VIII

K47